

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

141

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

141

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

Выпуск посвящен характеристике памятников каменного века, обнаруженных на территории СССР. Он открывается статьей Э. А. Абрамовой, подводящей итоги раскопок палеолита на Енисее. Очень важные материалы этих раскопок публикуются впервые. На материалах позднего палеолита Приазовья рассматриваются большие принципиальные вопросы изучения позднепалеолитической культуры. Кроме того, в издании впервые сообщаются сведения об обширных новых материалах по каменному веку.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, а также на студентов, аспирантов гуманитарных вузов.

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, О. С. Гадзьяцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, И. Т. Круликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. СТАТЬИ

З. А. АБРАМОВА

ПАЛЕОЛИТ ЕНИСЕЯ

(Предварительные итоги исследований Красноярской экспедиции)

В составе Красноярской археологической экспедиции в течение 9 лет (1960—1968) работал под руководством автора Палеолитический отряд. Обследованию подверглись берега Енисея на участке от дер. Куртак на севере до Минусинска на юге, протяженностью более 200 км. Наряду с разведочными работами основной задачей отряда были раскопки на широкой площади ранее известных и вновь открытых поселений древнекаменного века¹. Кроме того, уже после заполнения водой ложа водохранилища, проводился в 1969 и 1972 гг. кратковременный осмотр размываемых берегов нового Красноярского моря на значительно более высоких отметках, где также обнаружены палеолитические памятники.

Не останавливаясь на истории изучения палеолита Енисея, предшествовавшей работам отряда и широко освещенной в литературе, отметим, что наибольшее значение для нас имели исследования Г. П. Сосновского и В. И. Громова в этой области первобытной археологии Сибири. Благодаря открытию Г. П. Сосновским в 1925 г. и рекогносцировочным раскопкам в 1928 г. поселений в окрестностях дер. Кокорево Новоселовского района², стало возможным сосредоточить здесь основные работы отряда, которым в значительной мере помогло блестящее изучение В. И. Громовым геологических условий залегания стоянок³. Раскопки отряда производились на стоянках Кокорево I, II и III.

Вторым по значению объектом работ стали две стоянки на речке Таштык (Таштык I и II), открытием которых мы обязаны С. А. Теплоухову и М. П. Грязнову⁴. Значительные раскопочные работы произведены также

¹ В работе отряда в разные годы принимали участие: археологи Г. Ф. Коробкова (1960—1965, 1967, 1968), С. Н. Астахов (1960, в последующие годы, 1961—1963 руководил самостоятельным отрядом по исследованию палеолитического поселения Кокорево IV), Г. В. Григорьева (1961, 1962, 1967), М. Р. Касымов (1963), Ю. Ю. Пятровский (1963, 1965), М. И. Гладких (1964), Т. В. Какойло (1964), В. М. Массон (1965), Ю. Е. Березкин (1966), В. А. Ранов (1967); геологи С. М. Цейтлин (1961, 1965, 1966, 1968), Э. И. Равский (1961), Э. А. Вангенгейм (1961); палеонтолог Н. М. Ермолова (1961—1968).

² Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. ИГАИМК, вып. 118, 1935.

³ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (Млекопитающие. Палеолит). «Труды Института геологических наук», вып. 64, геологич. серия, 17, 1948.

⁴ С. А. Теплоухов. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Гос. Русский музей». Л., 1926.

на стоянках у с. Новоселово-Старое (Новоселово VI и VII), обнаруженных разведками Палеолитического отряда и на стоянках у дер. Аешка: Аешка I, открытой С. М. Цейтлиным и Аешка II, обнаруженной ранее Г. Мергартом⁵.

Кроме раскопок, произведены значительные сборы подъемного материала на размытых и развеванных стоянках: Кокорево VI (Овцесовхоз), открытой в 1961 г. С. М. Цейтлиным и В. В. Антоновым и исследованной Г. В. Григорьевой⁶; Улазы, обнаруженной участниками экспедиции С. А. Теплоухова в 1923 г.; Б. Лепешкина (Б. Ирджа), открытой М. П. Грязновым в 1965 г.; в разных пунктах у с. Новоселово-Старое; на берегу водохранилища в районе пос. Первомайское (б. Конезавод — Богградский зерносовхоз); менее многочисленные, но достаточно характерные сборы в пунктах Черемушка и Куртак, а также у пос. Разлив⁷.

В результате многолетних и планомерных работ отряда получен огромный вещественный материал, требующий углубленного и детального анализа, поэтому преждевременно пытаться подвести исчерпывающие итоги сделанного. Остановимся лишь на вопросе, что нового принесли работы Палеолитического отряда, и вместе с тем наметим общие контуры древнейшей, палеолитической культуры Енисея⁸.

Прежде всего, на участке от д. Куртак до г. Минусинска количество палеолитических памятников увеличилось почти вдвое по сравнению с указателем Н. А. Береговой, вышедшем в 1960 г.⁹ Впервые была получена возможность исследовать поселения на широкой площади. Если раньше наиболее значительные раскопки были произведены на Афонтовой горе II (150 кв. м в шести раскопах), а в рассматриваемом районе Г. П. Сосновский смог вскрыть площадь 35 кв. м в трех раскопах на стоянке Кокорево I, то теперь это поселение раскопано на сплошной площади 800 кв. м. Вскрытая площадь других поселений также значительна: Новоселово VI — 250 кв. м, Таштык II — 192 кв. м, Таштык I — 170 кв. м, Аешка I — 120 кв. м и т. д.

Г. П. Сосновский обнаружил на поселении Кокорево I не более трех культурных горизонтов, в настоящее время на отдельных участках число их достигает восьми. В результате работ последних лет обнаружена многослойность ряда других памятников: Таштык I — 3 культурных слоя, Таштык II — 2 слоя, Аешка II — 2 слоя. Это позволяет проследить развитие культуры в течение значительного промежутка времени.

Для ряда поселений радиоуглеродным методом получены даты, которые можно суммировать следующим образом. Наиболее древний памятник этого района по радиоуглеродным датам 14320 ± 330 (ЛЕ—469) и 15460 ± 320 (ЛЕ—540) — стоянка в Киперном логу — Кокорево IV, исследованная С. Н. Астаховым¹⁰. Далее идут Кокорево I, 3-й культурный слой — 13000 ± 50 (ГИН—91) и 14450 ± 150 (ЛЕ—628), 2-й культурный слой — 12940 ± 270 (ЛЕ—526); Кокорево II 13330 ± 100 (ГИН—90); Кокорево

⁵ Г. П. Сосновский. Палеолитические находки в Минусинском крае. «Сибирская живая старина», 1924, вып. 2.

⁶ С. М. Цейтлин. Новые палеолитические местонахождения в долине р. Енисей. «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 29, 1964; Г. В. Григорьева. Новая палеолитическая стоянка Кокорево VI на р. Енисей. КСИА, вып. 101, 1964.

⁷ В настоящее время все известные палеолитические памятники в зоне водохранилища Красноярской ГЭС находятся под водой.

⁸ Сведения о геологических условиях залегания стоянок можно найти в статьях: Э. И. Равский, С. М. Цейтлин. Геология Енисейского палеолита. «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965, стр. 200—228; С. М. Цейтлин. Некоторые проблемы геологической периодизации и палеогеографии палеолита Сибири. «Основные проблемы геологии антропогена Евразии». М., 1969, стр. 101—110 и др.

⁹ Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. М.—Л., 1960, № 346—365.

¹⁰ С. Н. Астахов. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV. СА, 1966, № 2, стр. 288—294.

рево III—12690±140 (ЛЕ—629); Таштык I, 1-й культурный слой—12180±120 (ЛЕ—771).

На поселениях Аешка и Новоселово не собрано достаточного количества угля, но по геологическим условиям залегания эти стоянки относятся к концу палеолитической эпохи.

Таким образом, по абсолютным датам палеолитические памятники долины Енисея являются поздними и относятся ко второй половине сартанского оледенения, т. е. к заключительному этапу плейстоцена. Ранняя дата в 20900±300 (ГИН—97), полученная недавно для стоянки Афонтова гора II в районе г. Красноярск, раскопки которой производились в 20-х годах Н. К. Ауэрбахом и Г. П. Сосновским, кажется сомнительной по причине исключительного сходства материала этой стоянки с материалом Кокорево II. Взятый геологами в 1962 году образец угля либо не связан с известным слоем стоянки, либо удревнен в процессе анализа. Как по условиям залегания, так и по всему облику материала поселение Афонтова гора II не может быть старше 15—16 тысяч лет.

Какова же была материальная культура обитателей долины Енисея 16—12 тысяч лет назад? На поселениях этого времени не обнаружено долговременных жилищ, углубленных в землю и обставленных по контуру крупными костями плейстоценовых животных, как это хорошо известно на палеолитических стоянках Восточной Европы или на Ангаре. Культурные слои стоянок преимущественно тонкие, свидетельствующие о кратковременном, возможно, сезонном обитании на берегу Енисея, в ряде случаев поблизости от воды и от галечника, где человек собирал материал, пригодный для изготовления орудий. Почти полная идентичность материала во всех слоях Кокорево I показывает многократное посещение этого места определенной группой людей, сохраняющей преемственность в технике обработки камня. Во 2-м горизонте отмечено овальное в плане скопление культурных остатков, насыщенное углистой массой, обломками костей животных, расщепленным и обработанным камнем. Скопление вытянуто вдоль склона в направлении северо-запад—юго-восток и имеет размеры в среднем 3×6 м. По продольной оси скопления, но не в центре, а ближе к верхнему, северо-западному концу, обнаружен очаг, углубленный в землю по отношению к уровню 2-го горизонта. Очаг сложен из крупных плит известняка, которые образовали почти правильный круг диаметром около 80 см. Углистое заполнение очага началось на глубине около 20 см ниже верхнего уровня камней и имело толщину 8 см. После разборки очага и снятия камней обнаружилась круглая в плане яма диаметром 70 см, имевшая пологие стенки, которые со всех сторон были укреплены камнями. Подобные очаги были найдены и в других горизонтах стоянки и повсюду вокруг них концентрировались находки.

В скоплении 2-го горизонта собрано огромное количество костей животных — около 5000 мелких фрагментов, большей частью неопределимых. Почти все определимые кости принадлежат северному оленю. Отдельные кости принадлежат благородному оленю, дикой лошади, барану, волку, кулану. Имеются также кости грызунов и птиц. Нужно заметить, что не только здесь, но и во всех других горизонтах Кокорево I не найдено ни одной кости мамонта, животного, характерного для позднего плейстоцена Сибири, остатки которого найдены, например, в Афонтовой горе II и в Кокорево II. Следует сказать, что основой существования первобытных людей на Енисее была именно охота на северного оленя, кости которого преобладают на всех памятниках. Естественно, и другие животные служили охотничьей добычей, но в значительно меньшем числе. Любопытно, что на стоянке Кокорево I найдено реальное свидетельство одного из способов охоты в палеолите: обломок лопатки бизона с застрявшим в ней фрагментом рогового наконечника копья¹¹.

¹¹ См. Э. А. Абрамова. К вопросу об охоте в верхнем палеолите. СА, 1964, № 4, стр. 177—180.

Возвращаясь к скоплению культурных остатков во 2-м горизонте стоянки Кокорево I, можно предположить, что оно представляет собой очертания наземного жилища, по-видимому, сезонного характера. Это подтверждается и тем, что на площади скопления, особенно вокруг очага, группировались каменные и костяные орудия и остатки их производства. Достаточно упомянуть, что на этой ограниченной площади находилось свыше сотни каменных орудий и свыше тысячи отщепов, тогда как на остальной площади раскопа 1962—1963 годов находились единичные отщепы и орудия. Так, в скоплении найдено около 40 нуклеусов, а на остальной площади в 200 кв. м только 4. Из наиболее распространенных орудий в скоплении найдено свыше 30 скребков и 30 скребел, а в слое только 1 скребло и 1 обломок.

Наряду с этим скоплением встречены и отдельные очаги, вокруг которых концентрировались находки, возможно, эти пятна указывают на существование легких переносных жилищ, каркас которых сооружался из жердей, затем обтягиваемых шкурами животных; возможно, жизнь людей протекала вокруг очагов без дополнительных сооружений в теплое время года. Около очагов находятся особо ценные предметы: костяные и роговые орудия, в том числе иглы, часто обломанные, а также украшения.

В культурных слоях впервые обнаружены отчетливо выраженные рабочие площадки — округлые в плане скопления расщепленного камня, обычно одной-двух галек. Можно легко представить, что мастер, собрав на галечнике подходящие по материалу и форме гальки, усаживался на берегу, раскалывал гальку и из сотен полученных отщепов отбирал необходимую заготовку, которую затем обрабатывал в виде орудия.

Такие скопления найдены во всех горизонтах Кокорево I. Для примера опишем два из 2-го горизонта (раскопки 1961 г.). Одно скопление имело размеры 1,0 × 0,5 м и состояло из отщепов и осколков различных размеров, почти исключительно из зеленого кремнистого сланца: осколков — 9, отщепов — 117, мелких пластинок неправильных очертаний — 10, 640 мельчайших чешуек этого материала составляли в средней части скопления плотно слежавшийся слой — остатки вторичной обработки, а сами орудия, по-видимому, были унесены. Кроме того, в скоплении находились обломок крупного нуклеуса из синего кварцита, а также два орудия, брошенные, видимо, древним мастером за ненадобностью: скребло из серого глинистого сланца с овальным рабочим краем и нож из пластины коричневой яшмовидной породы с ретушированными продольными краями. Местами среди отщепов встречались небольшие линзы углей толщиной не более 1 см, а также обломки костей, в том числе фрагмент трубчатой кости, в канале которой находились чешуйки камня, и обломок рога со следами обработки.

Второе скопление имело размеры в среднем 50 × 75 см и неправильные очертания. Скопление состояло из отщепов и осколков темносинего и зеленого кремнистого сланца, в меньшем числе кремня и кварцита. Отщепы и мельчайшие чешуйки залежали сплошной массой толщиной 1,0—1,5 см. Здесь находились два односторонних одноплощадочных нуклеуса из галек синего кремнистого сланца и темного кварцита и заготовка клиновидного нуклеуса из треугольного осколка гальки зеленой кремнистой породы, у которой с торца начато скалывание широких пластинок. Одна из таких пластинок найдена в скоплении. К той же породе, что и заготовка, принадлежат 9 осколков, 23 отщепа и 1 мелкая пластинка. Имеется много отбросов производства при раскалывании гальки темного кварцита: 5 осколков и 41 отщеп. Кроме того, найдены изготовленные из различных пород 58 отщепов, 790 чешуек, 10 пластинок и 4 микропластинки. Следов угля в этом скоплении не прослеживалось.

Если говорить о том новом, что дали раскопки последних лет, нельзя не упомянуть о каменном инвентаре поселения Кокорево I. Не только техника расщепления камня здесь отлична, но и впервые встречены серии

орудий, неизвестных ранее в палеолите Енисея. В Кокорево I преобладают нуклеусы, которые формально можно было бы отнести к нуклеусам левалуазского типа. Они служили для получения крупных пластин, а не удлиненных треугольных отщепов и ни на одном из нуклеусов не видно следов предварительной подправки для придания заготовке нужной формы. Характерны галечные нуклеусы клиновидной формы, специально подготовленные для получения пластин (рис. 1, 4) и имеющие аналогию в микролитических нуклеусах (рис. 1, 3). В соответствии с характером нуклеусов основным видом заготовки для орудий были пластины более или менее правильной призматической формы. Из них изготавливались не только ножи (25% всех орудий), но и резцы (5,8%) и острокопечники (4,2%). Если к ним добавить ножи из пластинчатых отщепов (3,3%) и некоторые единичные формы орудий из пластин, то станет очевидным, что пластины служили заготовками для почти 40% орудий (рис. 1, 2 и 2, 1). Если произвести подсчет остальных форм орудий, то скребла, их обломки и различные скребловидные орудия будут составлять 23,8%, скребки — 22,1%, галечные орудия — 7,5%, отщепы с ретушью и следами использования — 3,7%, проколки — 1,9% и долотовидные орудия — 1,7%.

Эти подсчеты показывают полное несоответствие с теми цифрами, которые приведены С. Н. Астаховым по данным Н. К. Ауэрбаха для каменного инвентаря нижнего горизонта Афонтовой горы II. С. Н. Астахов отмечает, что «ножевидные пластины крупных размеров чрезвычайно редки и имеют довольно несовершенный облик... Поражает очень малое число орудий на пластинах и просто ретушированных пластин»¹². Среди орудий первое место принадлежит скреблам — 45% общего числа орудий. Затем идут скребки — 21%, «орудия архаических форм» — около 6,5%, «нуклеовидные орудия» — 6—6,5%, «орудия на ножевидных пластинах» — 5% и резцы — 0,75%. В число орудий на ножевидных пластинах, по-видимому, вошли орудия из микропластинок, которые в Афонтовой горе II имеют тщательную обработку. Микропластинки, в большом количестве найденные в Кокорево I, не имеют ретуши, и только в одном случае по краю видны следы работы. О том, что пластинки могли использоваться как вкладыши, без дополнительной обработки, свидетельствует находка в 3-м горизонте Кокорево I обломка наконечника из рога с сохранившимися в пазу тонкими сечениями микропластинок¹³.

Инвентарь стоянки Кокорево I отличается от инвентаря нижнего горизонта стоянки Афонтова гора II не только по количественному составу. В нем достаточно четко представлены серии орудий, которые были отмечены в Афонтовой горе II, как и других палеолитических стоянках Енисея, единичными невыразительными предметами. Это прежде всего острокопечники и резцы.

Острокопечники изготовлены главным образом из пластин и обладают одним общим признаком — наличием заостренного или слегка затупленного конца, образованного ретушью по обоим краям (рис. 1, 1). Эти орудия имеют более или менее симметричную листовидную форму. Плоскость откола плоская или слегка изогнутая по продольной оси, оставлена без обработки, за исключением редких случаев снятия ударного бугорка. Все орудия достаточно разнообразны, чтобы их можно было без труда классифицировать по типам. Точно так же трудно предположить, чтобы они были наконечниками копий или дротиков. Форма большинства из них свидетельствует, что они служат режущими орудиями. Имеются следы и другого их использования¹⁴. Любопытно, что острокопечники представлены

¹² С. Н. Астахов. Поселения Афонтовой горы и их место в палеолите Сибири. Канд. дисс. Л., 1966, стр. 124.

¹³ Э. А. Абрамова. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 12—18.

¹⁴ Э. А. Абрамова, В. Е. Щелинский. Типология и функции острокопечных орудий палеолитической стоянки Кокорево I на Енисее. КСИА, вып. 136, 1973, стр. 3—10.

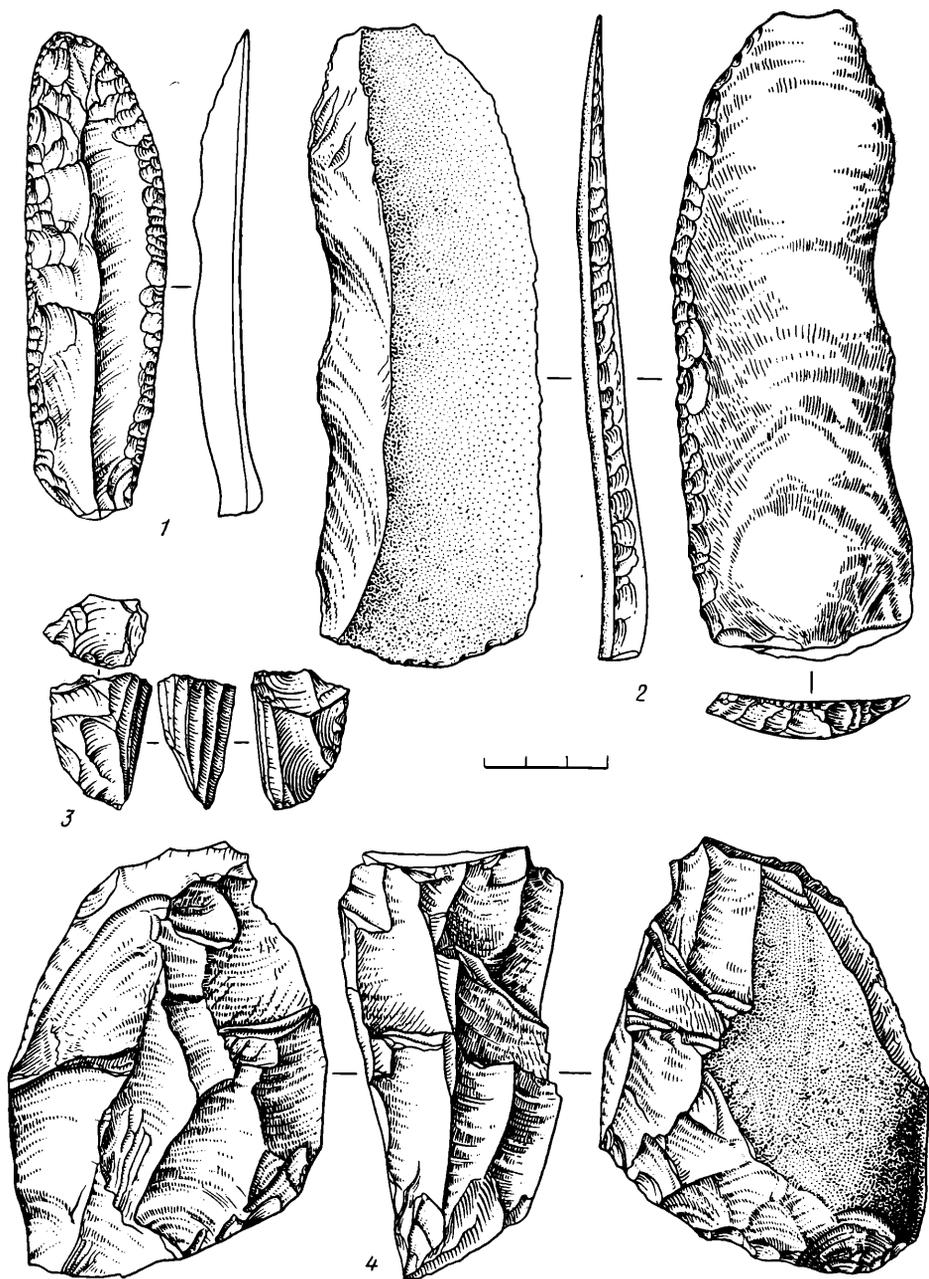

Рис. 1. Характерные черты каменного инвентаря стоянки Кокорево I:

1 — остроконечник; 2 — пластина с ретушью; 3 — клиновидный микропуклеус; 4 — галечный пуклеус клиновидной формы

почти во всех горизонтах: во 2-м горизонте — 2 обломка, в 3-м — 4 целых орудия и 3 обломка, в 4-м — 2 целых и 1 с обломанным основанием, в 4-а — 5 целых и 1 обломок, в 5-м — 2 целых орудия, что доказывает устойчивость и постоянство орудий этой формы в инвентаре Кокорево I.

Резцы также представлены во всех горизонтах, но особо нужно отметить большую выразительность серий резцов в 3-м (7 экз.) и 4-м (16 экз.) горизонтах и почти полное отсутствие их во 2-м горизонте (два невыразительных экземпляра). Имеются три типа резцов: срединные, угловые

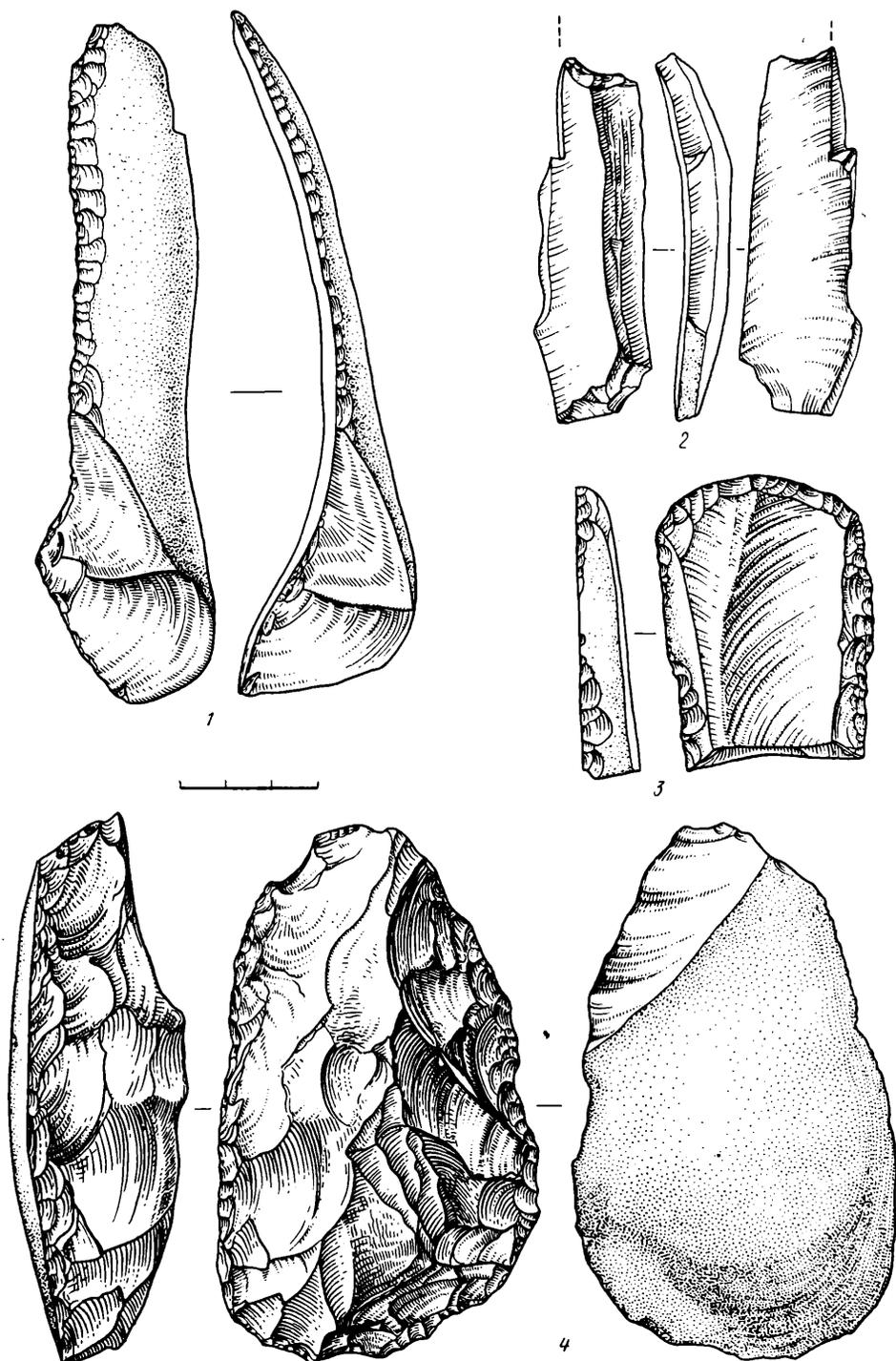

Рис. 2. Характерные черты каменного инвентаря стоянки Кокорево I:

1 — пластинка с ретушью; 2 — резец; 3 — скребок; 4 — топорovidное орудие

(в том числе на углу сломанной пластинки) и боковые с ретушью на прилежащем конце. Большая часть резцов изготовлена из пластинок и по своему облику не уступает образцам из восточноевропейских палеолитических стоянок, отличаясь от них только худшим качеством материала (рис. 2, 2).

Скребла и скребки не являются «руководящими ископаемыми», они хорошо и разнообразно представлены не только на Енисее, но и на многих стоянках сибирского палеолита. Наличие их было вызвано, по-видимому, общими насущными потребностями повседневной жизни и не является показателем культурной принадлежности стоянки. Но тем не менее, на стоянке Кокорево I, как впрочем и на других стоянках, если рассматривать серии более детально, они имеют некоторые особенности.

Характерной чертой скребел Кокорева I является односторонняя обработка поверхностей. Если взять только собственно скребла, без обломков, заготовок и скребловидных орудий, то из 68 экземпляров 45 изготовлены из отщепов, причем половина их (22 экз.) — из краевых отщепов. Преобладают отщепы овальной формы. Остальные скребла изготовлены из сколов с галек — 10 экз., осколков — 3 экз., пластин — 5 экз., галек — 2 экз.; скребла особых форм — 3 экз.

У скребел, изготовленных из отщепов, обработка ретушью идет чаще всего по одному продольному краю, значительно реже — по поперечному и в исключительных случаях — по двум продольным краям. Преобладает овальная форма рабочего края, более или менее выпуклая. Обработан рабочий край чаще со стороны спинки, т. е. у краевых отщепов на галечной поверхности, но имеются рабочие края и на плоскости откола.

Что касается другой большой группы орудий — скребков, то из общего числа 106 экз. — 13 экз., или 12% изготовлены из пластин, остальные из отщепов. Не вдаваясь в более подробную классификацию, отметим, что заготовками большинства скребков служили относительно крупные отщепы, округлые и, реже, четырехугольные с округлыми, тщательно обработанными рабочими краями (рис. 2, 3). Иногда рабочий край имеет высокую форму, и в таких случаях скребки, наряду со скребками из пластин напоминают типичные ориньякские орудия. Любопытно одно двойное орудие — скребок-проколка, изготовленное из пластинки средних размеров с параллельными краями. Остальные, очень немногочисленные проколки, изготовлены из отщепов и ничем не отличаются от подобных орудий из других палеолитических стоянок Сибири. Долотовидные орудия также единичны, изготовлены из отщепов четырехугольной формы.

Довольно значительная группа орудий изготовлена из целых галек, подавляющее большинство их составляют гальки с одним односторонне обработанным концом, что позволяет сопоставлять их, правда весьма условно, с орудиями типа чопперов, от которых они отличаются тщательной вторичной обработкой рабочего края¹⁵. Некоторые орудия могли выполнять функции топоров (рис. 2, 4).

Таким образом, каменный инвентарь стоянки Кокорево I и родственной ей стоянке Новоселово VI и VII и Аешка I существенно отличается от инвентаря ранее известных стоянок Афонтова гора II и III и вновь раскопанных их аналогов Кокорево II и III, Таштык I и II. На основании этого различия стало возможным высказать предположение, что развитие палеолита Енисея шло двумя различными путями. Для одной археологической культуры, которая названа кокоровской, характерна односторонняя техника обработки орудий, ведущим типом заготовки является крупная пластина. Вторая, афонтовская, культура содержит двусторонне обработанные орудия, преимущественно скребла, заготовками для орудий служили главным образом отщепы, часто мелких размеров¹⁶. Нет никаких

¹⁵ З. А. Абрамова. Галечные орудия в палеолите Енисея (опыт типологии). МИА, № 185, 1972. Один из основных выводов статьи заключается в негативном положении, что галечные орудия в пределах позднего палеолита Сибири не являются показателем хронологической и культурной принадлежности.

¹⁶ З. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. СА, 1966, № 3; она же. Два пути развития енисейского палеолита, «Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», вып. I. Новосибирск, 1969; она же. Новые данные по палеолиту Енисея. МИА, № 173, 1971.

оснований считать, что это две различные хронологические ступени развития одной археологической культуры, т. к. нет данных, что одна является более древней, а другая более поздней, хотя в целом стоянки кокоревской культуры представляются более поздними, частично по геологическим данным, частично судя по отсутствию костей мамонта, который, видимо, во время существования кокоревской культуры на Среднем Енисее, отступил к северу. Иначе трудно объяснить тот факт, что обитатели двух стоянок, Кокорево I и Кокорево II, расположенных в 0,5 км друг от друга, одновременных по утверждению геологов и по радиоуглеродным датировкам, имели различные объекты охоты. Этот факт нельзя объяснить и сезонностью охоты на мамонта, поскольку культурные слои стоянки Кокорево I были отложены, как могла установить по фаунистическим остаткам Н. М. Ермолова, в различные времена года. Скорее всего стоянка Кокорево II является более древней, но отнюдь не связанной генетически со стоянкой Кокорево I.

Любопытно, что наиболее близкие аналогии каменному инвентарю кокоревской культуры находятся на Алтае, как в материалах Усть-Канской пещеры, несомненно более древних, мустьерских¹⁷, так и в материалах стоянки Сростки¹⁸, которую по ее геологическому положению можно считать синхронной стоянкам Новоселово VI и VII на Енисее. Таким образом, представляется вероятным, что один из компонентов, участвовавших в сложении кокоревской культуры, пришел с Алтая, и что связи между этими областями продолжались в позднепалеолитическое время. Речь идет именно о том «пластинчатом» элементе, который столь характерен для кокоревской культуры. Но вместе с тем в каменном инвентаре поселения Кокорево I и родственных ему стоянок существуют изделия общие по форме и технике обработки с орудиями афонтовской культуры, которая долгие годы олицетворяла поздний палеолит Енисея — это прежде всего и главным образом скребла из массивных отщепов и сколов. В целом, улавливаются общие черты и в костяном инвентаре двух енисейских археологических культур, хотя при более детальном изучении видны и существенные различия в технике обработки кости и рога. Все это позволяет высказать предположение, что обе енисейские культуры могли иметь общую подоснову, связанную с южносибирским кругом палеолитических культур. Это предположение подкрепляется несомненным сходством элементов инвентаря енисейского и забайкальского палеолита¹⁹.

Памятники раннего этапа, соответствующего этой южносибирской подоснове верхнепалеолитических культур, на Енисее не найдены, но можно представить, что определенная часть носителей этой подосновы подверглась влиянию с Алтая, и это привело к сложению кокоревской культуры. В дальнейшем обособившиеся культуры могли сосуществовать на одной территории и, возможно, находиться во взаимодействии.

Таковы предварительные выводы, к которым можно прийти на основании вновь полученных данных, изложенные по необходимости сжато и схематично.

¹⁷ С. И. Руденко. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка. МИА, № 79, 1960; Н. К. Анисюткин, С. Н. Астахов. К вопросу о древнейших памятниках Алтая. «Сибирь и ее соседи в древности». Новосибирск, 1970.

¹⁸ Г. П. Сосновский. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катунь. МИА, № 2, 1941.

¹⁹ Э. А. Абрамова. Палеолит Южной Сибири. «Сибирь и ее соседи в древности».

М. Д. ГВОЗДОВЕР, Г. П. ГРИГОРЬЕВ

О ФАЦИАЛЬНОСТИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

(по материалам Каменной Балки II)

В последнее время отечественные исследователи палеолита предложили расширенную сравнительно со своими предшественниками классификацию зубчатых орудий¹. В процессе работы с памятниками, содержащими зубчатые орудия, нам показалось необходимым ввести новую категорию исследования — «группа сопряженных орудий», в данном случае — зубчатых, для определения принадлежности памятника к зубчатому пути развития². Эта категория равным образом применима и для установления других путей развития мустьерской культуры — леваллуазского, типичного, понтийского, прондницкого, бокштайнского. Сопряженную группу образуют типы, родственные морфологически, или в некоторых случаях несколько морфологических групп, неродственных между собой, но связанных постоянным совместным нахождением на одних и тех же стоянках. В качестве типов, относящихся к группе сопряженных орудий, свойственных памятникам зубчатого пути развития, следует назвать следующие разновидности: зубчатые, выемчатые орудия, скребки высокой формы, скребки с рыльцем, клювовидные орудия, орудия с режущей кромкой, орудия с подтеской, орудия с усеченным концом, орудия с симметричными выемками и вытянутым концом, острая тейяк. Кроме того, эта группа сопряженных орудий характеризуется некоей суммой технических приемов, свойственных именно такого рода памятникам: применением резцового скола, использованием залама, подтеской, зубчатой ретушью, чередующейся ретушью, расчленением заготовок на более короткие.

При рассмотрении мазовшанской культуры, относящейся к концу верхнего палеолита, нами было установлено присутствие сопряженной группы зубчатых орудий. Но они были представлены не на стоянках этой культуры, а на памятниках особого рода, называемых польскими археологами «кшемницами» и относимыми ими к так называемой «горнодобывающей фации». Эти памятники связаны с местами добычи и первичного раскалывания кремня, прочие же операции и процессы проходили на дюнных стоянках. Те же орудия зубчатой сопряженной группы были найдены в большом количестве и на стоянке Каменная Балка II. Достаточно пол-

¹ И. И. Коробков. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. СА, 1967, № 4, стр. 199—202; он же. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. МИА, № 173, 1971, стр. 78—80; В. П. Любин, В. Е. Щелинский. Исследование Навалишинской пещеры в 1965 г. КСИД, вып. 111, 1967, стр. 78—79 (см. замечания относительно «бытования орудий зубчатых и выемчатых форм» в верхнем палеолите, стр. 79); Н. К. Анисюткин. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 11, 1969, стр. 10—14.

² Понятие пути развития для времени верхнего палеолита см.: Г. П. Григорьев. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности. ДСА СССР. М., 1966, стр. 27—36.

ная исследованность площади здесь позволяет ставить вопрос о их распределении по отношению к прочему инвентарю и элементам культурного слоя. Ранее зубчатые орудия в их простейшем выражении — в виде однолезвийных — отмечались на некоторых верхнепалеолитических памятниках (Навалишинская пещера, Каменная Балка, имеретинская культура)³, но на Каменной Балке впервые отмечается полный состав всей сопряженной группы.

Стоянка Каменная Балка II под Ростовом⁴, материал которой нами используется в настоящей работе, раскапывалась на протяжении 11 сезонов, с 1959 по 1971 год. Общая площадь, вскрытая за эти годы, превышает 500 м². Культурный слой распространен на всей раскопанной площади и однороден по внешнему виду; он имеет равномерное падение к югу и к востоку, где его ограничивают склоны балки. По характеру слоя и по находкам исследованную площадь можно разбить на три участка: северный, где находки относительно малочисленны, центральный — с кострищами и гумусированным слоем, и южный, представляющий собой вытянутую с запада на восток полосу шириной около 5 м и длиной около 13 м. Примечательно, что почти все орудия сопряженной зубчатой группы были обнаружены именно на южном (окраинном) участке. На площади 80 м² их было найдено около 50 штук, в то время как на остальных 300 м² — 30 штук простейших однолезвийных зубчатых орудий. Между южным и центральным участками тянется трехметровая полоса слоя с редкими находками разрозненных кремней и мелких осколков костей.

Принадлежность обоих интересующих нас участков к одной стоянке засвидетельствована рядом фактов, сходством культурного слоя по многим элементам, тождественностью каменного инвентаря, непосредственным смыканием культурного слоя и сходством стратиграфического положения его на обоих участках.

Культурный слой имеет мощность 15 см, местами окрашен охрой или гумусом, содержит много расщепленного кремня (на подавляющем большинстве квадратов количество кремня колеблется от 100 до 1000 шт.). Имеются очаги, небольшие ямки со вкопанными костями, однако в распределении элементов культурного слоя нельзя усмотреть оснований для предположений о форме жилых сооружений, некогда существовавших на стоянке, ибо ни на каком участке не наблюдается упорядоченной структуры элементов. Можно было бы предположить, что южный участок стоянки, где обнаружена сопряженная группа зубчатых орудий, является такой же мастерской, как «кшемницы» мазовшанской культуры. Однако сравнение характера находок на центральном и южном участках не дает оснований для такого вывода.

По основным элементам культурного слоя эти участки несколько различаются. Только на центральном участке отмечены очаги и крупные камни, располагающиеся возле них. Сам культурный слой в основании окрашен гумусом в темный цвет. Здесь встречаются и ямки с костями и вкопанные в землю кости, расположенные вертикально или с небольшим наклоном. В восточной части этого участка найдены значительные по площади скопления обломков костей.

На южном участке нет очагов, ямок, окрашенности слоя. Встреченные здесь камни расположены в пределах скоплений расщепленного кремня. Обломки костей сгруппированы также в небольшие скопления. На этом

³ В. П. Любин, В. Е. Щелинский. Исследование Навалишинской пещеры..., стр. 79; М. Д. Гвоздовер. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона. САИ, А1-5; П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.—Л., 1964; Г. П. Григорьев. Верхний палеолит. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 49—50.

⁴ М. Д. Гвоздовер. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона. «Вопросы антропологии», вып. 27. М., 1967.

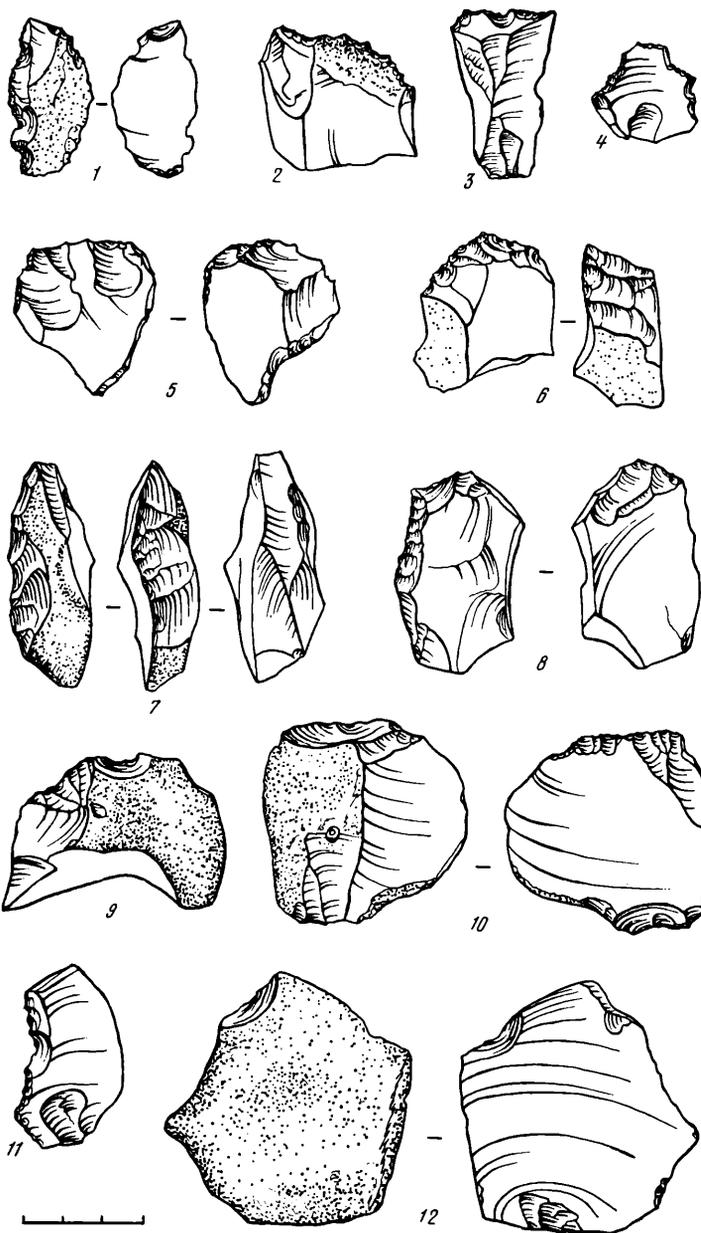

Рис. 1.

1 — зубчатое продольное орудие;	5 — орудие с режущей кромкой;	10 — комбинированное орудие: орудие с режущей кромкой и подтеской концов;
2 — зубчатое поперечное укороченное орудие;	6 — высокий скребок;	11 — выемчатое ашельское орудие;
3 — зубчатое поперечное орудие на пластине;	7 — клювовидное орудие (с резовым сколом вдоль одного края);	12 — выемчатое клектоинское орудие.
4 — орудие с двумя симметричными выемками и усеченным концом;	8 — мустьерское орудие с подтеской конца;	
	9 — высокий скребок с рыльцем;	

участке был найден клад кремневых поделок⁵. Кроме того, здесь найдены два крупных острья и почти все зубчатые орудия мустьерского облика (рис. 1).

⁵ Этот объект был условно назван «ямкой» (М. Д. Гвоздовер, Н. Б. Леонова. Работы Ростовской палеолитической экспедиции. АО 1970. М., 1971). По составу он отли-

Для сравнения кремневого материала двух указанных участков мы взяли примерно равные площади на каждом из них (для южного — 37 м, для центрального — 33 м), имеющие насыщенность кремня на 1 м² не менее 150 экз. (табл. 1).

Концентрация кремня свидетельствует, что по этому показателю оба участка почти неотличимы, на каждом из них примерно в одинаковом количестве представлены квадраты, сильно насыщенные кремнем.

Таблица 1

Характер распределения кремня на центральном и южном участках

Количество кремня на 1 м ²	Южный участок	Центральный участок	Количество кремня на 1 м ²	Южный участок	Центральный участок
	число квадратов			число квадратов	
От 150 до 200	6	6	350 — 400	7	1
200 — 250	9	12	400 — 450	2	1
250 — 300	5	4	Больше 450	4	4
300 — 350	4	3			

Не дало различия и распределение ядрищ — на южном их 152, на центральном — 130. На квадрат приходится от 0 до 13 (в центре) ядрищ и до 11 на юге. Оказалось, что количество ядрищ на 1 м² не связано положительной корреляцией с количеством кремня.

На южном участке обнаружено 725 орудий, на северном — 581. В обоих случаях орудия составляют 8% от общего количества расщепленного кремня. (В целом по всей площади стоянки процент орудий несколько ниже — 6%.) На наиболее насыщенных кремнем квадратах (более 450 кремней на 1 м²) процент орудий колеблется от 3 до 9% на юге и от 7 до 11 в центре. Мы видим, что процент орудий в квадрате не связан прямо с количеством кремня.

Не дала различий между участками и максимальная встречаемость групп орудий в обоих участках.

Таблица 2

Максимальное количество орудий на 1 м²

Орудия	Южный участок	Центральный участок	Орудия	Южный участок	Центральный участок
Скребки	9	7	Сумма орудий	725	581
Пластинки с притупленным краем	14	12	Из них:		
Резцы	19	26	скребков	85	83
Ядрища	11	13	резцов	268	252

Таким образом, из анализа распределения кремня мы видим, что все виды деятельности (скалывание пластин, работа скребками и резцами и пр.) на обоих рассмотренных участках были представлены в равной степени. Южный участок отличается в составе инвентаря только наличием орудий сопряженной группы зубчатых орудий.

чается от обычного набора орудий на всем памятнике (орудия со множеством выемок, однолезвийные орудия с мелкой зубчатой ретушью), хотя есть и типичные для Каменной Балки орудия. Это объект, появившийся в результате особого накопления (однократного), и, нам кажется, в этом — причина его особого типологического состава.

Орудия зубчатой сопряженной группы Каменной Балки II удалось разделить по следующим типологическим категориям (не решая вопроса, являются ли эти подразделения типами или надтипами) (рис. 1):

Зубчатое продольное орудие	3 экз.
Зубчатое поперечное укороченное орудие	3 »
Зубчатое поперечное удлинненное орудие	6 »
Орудие с двумя симметричными выемками и усеченным концом	3 »
Выемчатое ашельское орудие	3 »
Выемчатое клектонское орудие	5 »
Мустьерское орудие с подтеской концов	1 »
Высокий скребок	4 »
Высокий скребок с рыльцем	10 »
Клювовидное орудие (с резцовым сколом вдоль одного края)	4 »
Орудие с режущей кромкой	5 »
Комбинированное орудие: орудие с режущей кромкой + мустьерское орудие с подтеской концов	— 4 экз.

На основе анализа этого перечисления можно утверждать, что появление этой группы на стоянке не случайно, и поскольку механическая примесь исключена по причине одинакового сырья и сохранности орудий, приходится согласиться, что они являются закономерным компонентом набора орудий стоянки.

Существование в пределах поселения участков, различающихся по набору орудий, можно считать доказанным. Южный участок содержал множество типов, не встречающихся на всей остальной части стоянки. Вместе с тем различия в составе набора орудий ограничиваются одной сопряженной группой зубчатых орудий, а по всем верхнепалеолитическим типам орудий южный участок в точности повторяет центральный.

В последнее время исследователи палеолита обращают внимание на фациальность, то есть существование разного выражения одного и того же набора орудий. При этом одни исследователи предполагают фациальность различных участков поселения, другие же полагают, что фацией одной и той же культуры могут быть и наборы орудий, собранные на разных стоянках⁶, относимые другими исследователями к разным культурам. Причину столь большого различия в наборе орудий эта группа исследователей видит в различных видах трудовой деятельности, осуществлявшейся не только в пределах одной стоянки, но в нескольких пунктах. На материалах Каменной Балки II можно убедиться, что особый род деятельности, осуществлявшейся при помощи сопряженной группы зубчатых орудий, не привел к изменению морфологии каменных орудий верхнепалеолитического облика, техники раскалывания или процентного соотношения различных групп орудий. На Каменной Балке не оказалось участка, где бы осуществлялось только одно производство, либо несколько особых производств, отличных от обычной деятельности, осуществлявшейся на территории всей стоянки. Оказывается, род деятельности лишь ограниченно влияет на состав орудий, и размах вариаций в зависимости от рода деятельности уступает межкультурным различиям (а в нашем случае — даже и хронологическим различиям внутри одной каменнобалковской культуры).

Бесспорно, южный участок не представляет собой мастерской по раскалыванию кремня или даже участка, где этого рода деятельность занимала большее место, чем на центральном участке. Можно лишь утвер-

⁶ И. И. Коробков. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. МИА, № 173, 1971, стр. 86—87.

ждать, что на южном участке, где не было очагов, совершались некоторые операции, которые для своего выполнения требовали зубчатых орудий (если справедливо допущение, что орудия терялись там, где они употреблялись).

Присутствие мустьерских элементов (в нашем случае — зубчатых) в верхнепалеолитическом контексте установлено не впервые. Так, в итальянских памятниках граветтийского типа выявлено постепенное нарастание некоторых мустьерских типов, — главным образом сходных с мустьерским остроконечником, — в конце верхнего палеолита, при этом начало или первая половина верхнего палеолита представлены памятниками без мустьерских типов. В Каменной Балке наблюдается особая структурная позиция зубчатых орудий: они не отмечают собой переживания мустьерского прошлого, не возникают при приближении мезолита, не связаны с местами добычи кремня или с его обработкой, они помещаются в пределах стоянки.

До сих пор предполагалось, что все типы орудий равномерно распределены по площади стоянки и, исследовав достаточно большую площадь, можно получить полный набор орудий, который повторится при увеличении площади. Теперь же можно утверждать, что есть особые группы орудий, накапливавшиеся на стоянке особым способом — на ограниченном участке. Их отсутствие на родственных памятниках, неполностью раскопанных, не означает еще, что их не употребляли обитатели стоянки.

Остается весьма сложный вопрос об их мустьерской природе⁷ при том, что они найдены в бесспорном верхнепалеолитическом контексте. До сих пор границы между эпохами верхнего палеолита трактовались как нечто абсолютное, непреходимое. Предполагалось, что человек верхнего палеолита не пользовался мустьерскими формами, а человек мустьерской эпохи не мог изготавливать орудий верхнепалеолитического типа ввиду несовершенства своего физического облика. Из этого вытекало, что можно ответить на вопрос, имеем ли мы дело в каждом случае с верхнепалеолитическим типом, или с мустьерским, даже если орудие найдено вне контекста. Теперь приходится признать, что есть ряд орудий, которые с малыми изменениями могут существовать и в верхнем палеолите, и в мустье. Но тем не менее, что касается группы сопряженных зубчатых орудий, можно говорить (с известными оговорками) о мустьерских зубчатых орудиях и о верхнепалеолитических зубчатых орудиях.

⁷ В данной статье не приводится аргументация в пользу именно мустьерской морфологии исследуемых зубчатых орудий, поскольку это требует большего места. Отметим лишь, что сам набор группы целиком совпадает с группой сопряженных зубчатых орудий, как он был установлен нами на ряде мустьерских стоянок. При обсуждении этого вопроса со специалистами, занимающимися зубчатыми орудиями, наше утверждение не вызвало возражений по существу.

В. И. ТИМОФЕЕВ

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕННЫХ РАЗЛИЧИЯХ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО НЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

К периоду, предшествующему распространению гребенчато-ямочной керамики, с которой связывается начало этапа развитого неолита Восточной Прибалтики, в настоящее время относятся стоянки с керамикой нарвского типа Эстонии¹, типа Оса Восточной Латвии², «сарнатского типа» западного побережья Латвии и Литвы³, а также часть материалов стоянок Цедмарской группы в Калининградской области⁴. Вопросы о локальных различиях и степени близости этих материалов касается ряд исследователей; данная статья является попыткой рассмотрения их с точки зрения хронологической: следует ли считать наиболее ранние неолитические памятники этих районов примерно синхронными или же имеются данные в пользу их неодновременности.

Для территории Эстонии и Восточной Латвии в настоящее время имеется серия радиоуглеродных дат неолитических памятников (табл. 1). Можно отметить отсутствие дат для стоянок с чистым комплексом гребенчато-ямочной керамики и даты памятников с гребенчато-ямочной и более поздними типами керамики в пределах середины — конца III тыс. до н. э. Наиболее интересно соотношение дат Оса и Кяэпа, даже с учетом двойной статистической ошибки указывающее на более ранний возраст Оса. Существенно в этой связи, что на поселении Нарва-город позднемеолитический горизонт, подстилающий горизонт с находками керамики нарвского типа датирован 5300 ± 250 л. т. н. (ТА — 7)⁵, т. е. более поздним или тем же временем, что и раннеолитический слой в Оса. При рассмотрении стратиграфического соотношения находок керамики нарвского типа, типа Оса и гребенчато-ямочной необходимо отметить типичное для эстонских стоянок стратиграфическое совмещение находок керамики нарвского типа и гребенчато-ямочной (нижние горизонты Акали, Нарва I, слой гумусированной земли поселения Нарва-город)⁶. В Оса же находки гребен-

¹ Н. Н. Гурина. Из истории древних племен западных областей СССР. МИА, № 144, 1967; L. Jaanits. Die frühneolitische Kultur in Estland. «Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum». Helsinki, 1968.

² Ф. А. Загорский. Ранний и развитой неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967.

³ Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.

⁴ W. Caerte. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927; H. Gross. Moor-geologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch. «Prussia», Bd. 33, Königsberg, 1939, S. 100—168.

⁵ А. А. Лийва, Э. О. Ильвес, Л. Ю. Янитс. Радиоуглеродное датирование некоторых археологических памятников Прибалтики. МИА, № 129, 1965, стр. 47.

⁶ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959, стр. 31 и сл.; Н. Н. Гурина. Из истории древних племен... стр. 7—31; L. Jaanits. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland. «Finskt Museum», LXXII, 1965, S. 37.

Таблица 7

Радиоуглеродные датировки памятников раннего и развитого неолита Эстонии и Восточной Латвии

Памятник	Дата	Типы керамики			
		оса	нарвский	гребенчато-ямочный	Пиестиня
Оса	ЛЕ—962	5780 ± 70	×		
	ЛЕ—961	5880 ± 80	×		
	ЛЕ—850	5730 ± 50	×		
Кяэпа	ТА—5	4865 ± 235			
	ТА—6	4480 ± 255		×	
	ТА—4	4350 ± 220		×	
Пиестиня	ЛЕ—750	4670 ± 150		×	
	ЛЕ—748	4520 ± 120		×	×
	ЛЕ—867	4250 ± 50		×	×
Сулька	ЛЕ—572	4060 ± 60		×	×
	ЛЕ—648	4170 ± 130		×	×
Найниеkste	ЛЕ—648	4170 ± 130		×	×
Крейчи	ТА—8	4020 ± 300		×	×

чато-ямочной керамики прекращались на глубине 1,6 м, ниже следовали только находки керамики типа Оса, которые не были отмечены выше глубины 1,6 м⁷. В Звейсалас слой с керамикой типа Оса был отделен от вышележащего слоя с гребенчато-ямочной керамикой стерильным слоем речного гравия⁸. К числу стратиграфических данных следует также отнести наблюдения, полученные П. М. Долухановым на памятниках Лубанской низменности; из них можно сделать вывод о том, что время образования раннеолитического слоя в Оса и культурных слоев стоянок Пиестиня и Сулька разделено периодом, по крайней мере, одной трансгрессии Лубанского озера⁹. Существенно при этом, что Сулька содержит чистый комплекс гребенчато-ямочной керамики раннего облика, перекрытый слоем с позднеолитической «пористой» керамикой.

Можно ли объяснить различия между керамикой типа Оса и нарвского типа Эстонии хронологическим фактором? Большее разнообразие узоров на керамике нарвского типа, в частности, украшение отдельных сосудов отгисками «шагающей гребенки» и отсутствие ее на керамике типа Оса объясняется, по-видимому, локальными различиями¹⁰. Интересны и некоторые детали профиля сосудов. Если венчики сосудов типа Оса представлены лишь прямыми, равномерной толщины или утоншающимися к краю¹¹, то при формовке сосудов нарвского типа применялся, кроме того, прием выравнивания среза края, образующий венчик утолщенный, с легким «напльвом» на внешней стороне сосуда (рис. 1, 4, 6), изредка — утолщенный и скошенный внутрь (рис. 1, 3, 5). Венчики этих типов составляют, по подсчетам автора, 10—18% венчиков керамики нарвского типа стоянок Кяэпа, Нарва I и III. Следует отметить, что прием «выравнивания» среза венчика, формирующий утолщенный, часто скошенный внутрь край сосуда, типичен для гребенчато-ямочной керамики¹². В этой связи нельзя не отметить также находки фрагментов керамики нарвского типа, украшенных ромбическими фигурами — «флажками», узором, характерным

⁷ Ф. А. Загорскис. Ранний и развитой неолит..., стр. 9.

⁸ И. А. Лозе. Новые открытия Лубанской экспедиции. АО 1969 г. М., 1970.

⁹ П. М. Долуханов, Г. М. Левковская. История природной среды и первобытных культур на востоке Латвии в голоцене. «Палинология голоцена». М., 1971, стр. 59.

¹⁰ Ф. А. Загорскис. Ранний и развитой неолит..., стр. 9.

¹¹ Там же.

¹² Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита..., стр. 128; Н. Н. Гурина. Из истории древних племен..., стр. 49, 50.

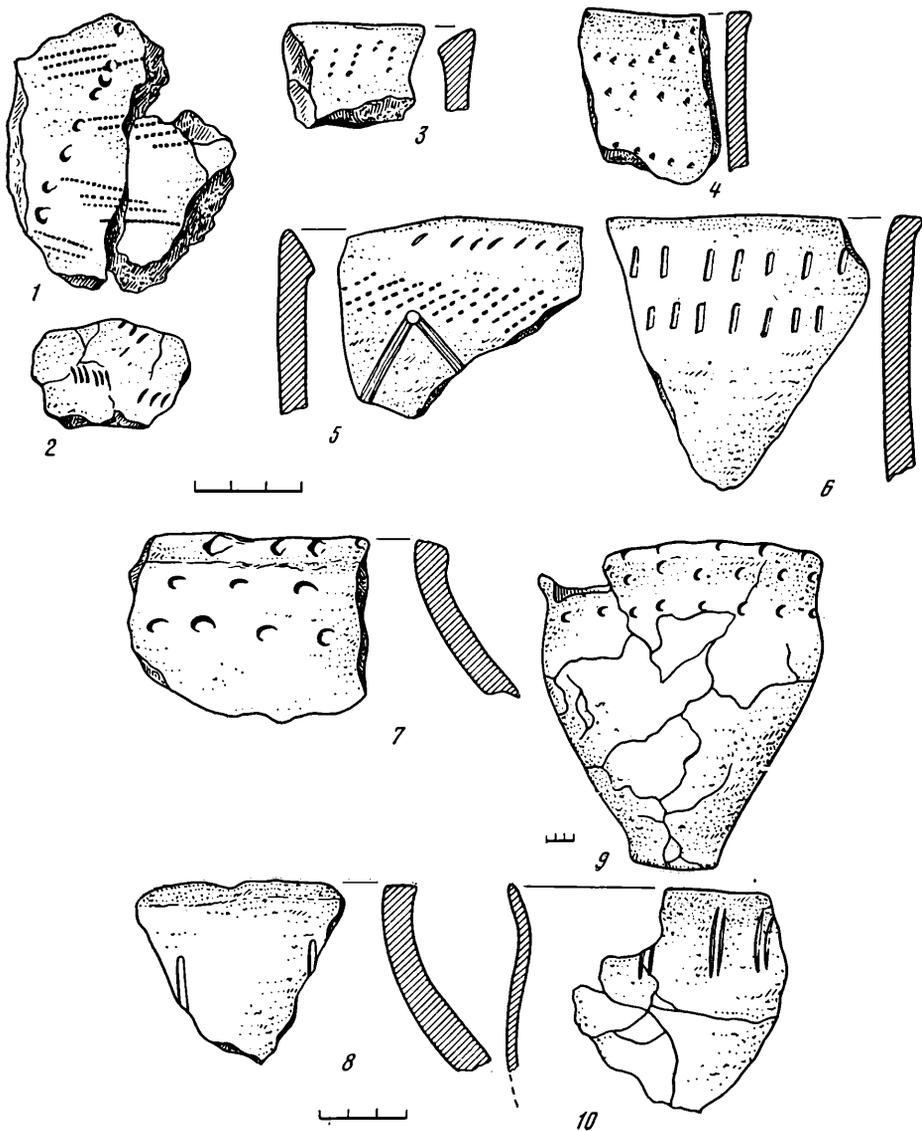

Рис. 1. Неолитическая керамика

1—6 — нарвского типа Эстонии (1, 4—6 — Кяэпа; 2 — Акали; 3 — Нарва III); 7—10 керамика Цедмара (7, 8 — материалы раскопок 1969 г. 9, 10 — из раскопок К. Шгади, по В. Герте)

для гребенчато-ямочной керамики (рис. 1, 1, 2). По-видимому, указанные черты керамики нарвского типа объяснимы соприкосновением ее во времени с керамикой гребенчато-ямочной; отсутствие их в материалах Оса хорошо согласуется с разницей радиоуглеродного возраста слоя с ранней керамикой в Оса и стоянок с гребенчато-ямочной керамикой и керамикой типа Пиестиня (табл. 1).

На побережье Восточной Балтики к раннему неолиту относят обычно часть материалов стоянки Сарнате, опубликованных Л. В. Ванкиной. На поселении было зафиксировано свыше 40 жилищ; в более раннюю группу выделены жилища с остатками деревянных конструкций, давшие находки слабоорнаментированной керамики с примесью в тесте растительных остатков, сближаемой рядом исследователей с керамикой нарвского типа восточной части Восточной Прибалтики. По мнению Л. В. Ванкиной,

начало периода функционирования жилищ этого типа в Сарнате приходится на начало—первую половину III тыс. до н. э., а наиболее поздние из них относятся ко второй половине—концу III тыс. до н. э.¹³ Открытые на том же поселении жилища культуры гребенчато-ямочной керамики датируются Л. В. Ванкиной второй половиной или концом III тыс. до н. э. Касаясь вопроса периодизации материалов жилищ с деревянными конструкциями и их относительной хронологии, Л. В. Ванкина осторожно высказывает предположение о более позднем возрасте жилищ с керамикой, украшенной «зубчатым» орнаментом и оттисками своеобразного штампа подпрямоугольной формы (оттиски его названы Л. В. Ванкиной «столбиками») по сравнению с жилищами, давшими, преимущественно таблицы керамики с «волнистой» поверхностью¹⁴. Можно предложить таблицу соотношения количества различно украшенной и неорнаментированной керамики «сарнатского» типа в жилищах с деревянными конструкциями (рис. 2, А)¹⁵. Предлагаемая таблица дает, как будто бы, основания для рассмотрения процесса изменения во времени комплексов керамики жилищ с деревянными конструкциями Сарнате как постепенного уменьшения относительного количества фрагментов с «волнистой» поверхностью и увеличения количества керамики с ямочным и зубчатым орнаментом. Наиболее позднюю группу жилищ составляют Р, М, D, I. Керамика их, как отмечает Л. В. Ванкина, отражает «некоторое влияние ямочно-гребенчатой керамики на керамику сарнатского типа», — на что указывают «полосы ромбовидных отпечатков зубчатого штампа, утолщение венчика некоторых сосудов с внутренней стороны»¹⁶. Вместе с тем, если рассмотреть распределение находок кремневых изделий и отщепов в тех же жилищах (рис. 1, Б), можно заметить, что увеличение количества кремня в жилищах с деревянными конструкциями приходится на период уменьшения относительного количества керамики с «волнистой» поверхностью и увеличения количества керамики неорнаментированной и с «ямчатым» орнаментом. К комплексам этих же жилищ приурочены находки наконечников стрел ромбической и листовидной формы (жилища А₁, А, L, G).

По-видимому, именно в этот период возникает контакт носителей керамики типа Сарнате с носителями керамики гребенчато-ямочной, нашедшей в последующее время отражение в профилировке и орнаментике керамики «сарнатского типа».

В то же время, гребенчато-ямочная керамика Сарнате не относится к числу ранних комплексов гребенчато-ямочной керамики вообще. Это подтверждается находками серий фрагментов, украшенных оттисками «веревочки, намотанной на палочку». Набор же янтарных украшений, происходящих из жилищ с деревянными конструкциями (сооружение которых предшествовало появлению в Сарнате носителей гребенчато-ямочной керамики), находит аналогии в наборе янтарных изделий лубанских стоянок с гребенчато-ямочной керамикой (пуговицы линзовидной формы с V-образным сверлением, округло-овальные и асимметричные подвески)¹⁷. Следовательно, ранние комплексы Сарнате не отделены значительным хронологическим интервалом от времени распространения гребенчато-ямочной керамики. Это подтверждают и радиоуглеродные даты жилищ Y (4490 ± 250 л. т. н.), T (4700 ± 250 л. т. н.), S (4630 ± 70 л. т. н.), керамические комплексы которых не относятся к числу поздних. Датировки близки датам Пиестиня (4670 ± 150 л. т. н., 4520 ± 120 л. т. н.,

¹³ Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970, стр. 138, 140.

¹⁴ Л. В. Ванкина. Указ. соч.

¹⁵ Рис. 5 составлен по данным Л. В. Ванкиной для жилищ, давших наиболее крупные комплексы керамики.

¹⁶ Л. В. Ванкина. Указ. соч., стр. 141.

¹⁷ И. Лозе. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике. СА, 1969, № 3, стр. 124—134.

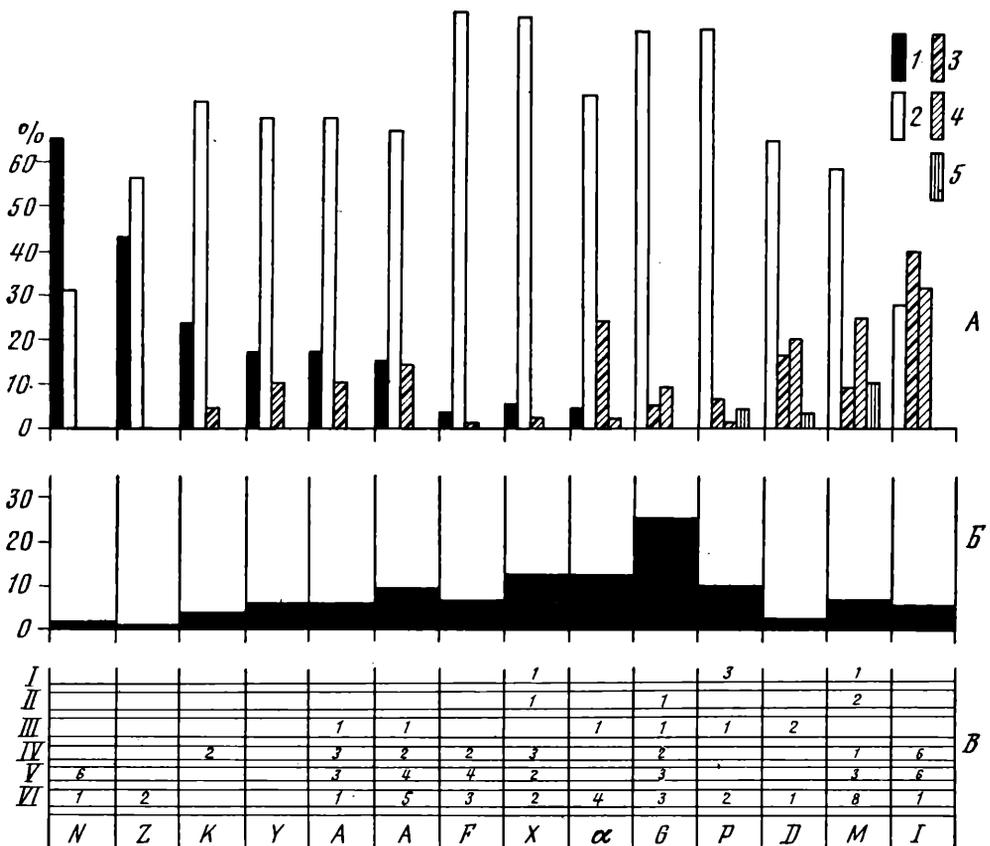

Рис. 2. Соотношение находок различных типов керамики, количества предметов из кремня, основных типов янтарных украшений и наконечников стрел в жилищах с деревянными конструкциями Сарнате (№ 1 — номера жилищ по Л. В. Ванкиной)

А — керамика.

1 — с „волнистой“ поверхностью,
2 — неорнаментированная,
3 — с ямчатым орнаментом,
4 — украшенная „зубчиками“,
5 — украшенная „столбиками“.

За 100% принято общее число фрагментов в каждом жилище
Б — предметы из кремня.

За 100% принято общее ко-

личество (607 экз.) находок кремня во всех рассматриваемых жилищах

В — янтарные украшения и наконечники стрел.

I — трапецевидные янтарные подвески,

II — кремневые наконечники стрел с черешком,

III — кремневые наконечники

ромбической и листовидной формы,

IV — округло-овальные подвески,

V — асимметричные подвески,

VI — пуговицы с V-образным сверлением

Примечание.

В диаграммы не включены материалы жилищ, давших менее 100 фрагментов керамики и жилищ Т, С, S.

4250±50 л. т. н.) и указывают на значительно более поздний возраст датированных комплексов по сравнению с материалами Оса.

Ряд исследователей к раннеолитическому времени относит также материалы стоянок Цедмарской группы (ныне Серово), происходящие из раскопок К. Штади 1905—1914 гг. Документация и материалы раскопок Штади были впоследствии утрачены, опубликована лишь небольшая статья, содержащая краткую информацию о раскопанных памятниках¹⁸. Позднее находки из Цедмара нашли отражение в работе В. Герте, посвященной классификации неолитической керамики Восточной Пруссии¹⁹. Особый интерес Герте вызвали сосуды с отогнутым, S-образным венчиком,

¹⁸ K. Stadie. Die Steinzeitdörfer der Zedmar. «Festschrift Adalbert Bezzenberger dargebracht von seinen Freunden und Schülern». Göttingen, 1921, S. 148—160.

¹⁹ W. Gaerte. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927.

украшенные грубыми «пальцевыми» и «ногтевыми» вдавлениями, имевшие, судя по сохранившимся фрагментам, узкое плоское или острое дно. Сопоставив указанные находки с наиболее ранней, по его мнению, неолитической керамикой — сосудами кюоккенмеддингов, автор пришел к выводу об их значительной близости. Вместе с тем работа Герте показала, что керамика Цедмарских «поселений каменного века» неоднородна. Она содержит фрагменты сосудов культуры воронковидных кубков, гребенчато-ямочных, шнуровых, а также серию фрагментов неопределенного возраста и культурной принадлежности, украшенных насечками, прочерченными линиями, оттисками треугольного штампа и др. Какие-либо стратиграфические данные относительно распределения соответствующих групп керамики в слое не приводились. Концепция Герте о связи сосудов Цедмара с керамикой Эртебелле не нашла поддержки у К. Энгеля и В. Ля-Бом²⁰, которые относили Цедмарские стоянки к числу памятников гребенчато-ямочной керамики, не делая исключений и для сосудов, выделенных Герте в «древнейшую» группу. Сомнения высказывал и А. Яюряпяэ²¹.

Новым этапом в изучении материалов Цедмара явились исследования Г. Гросса²², приведшего к выводу о возможности выделения среди них разновременных групп керамики: позднеолитической, среднеолитической, ранней гребенчато-ямочной, раннеолитической керамики типа «Цедмар—Эртебелле». Наиболее уверенно в последнюю группу были отнесены фрагмент острого днища и сосуд с узким плоским дном, украшенный двумя горизонтальными рядами неглубоких ямок. Орудия из кости и рога были разделены на две группы: рубящие орудия из рога благородного оленя, связываемые Г. Гроссом с керамикой типа Эртебелле и набор орудий архаического облика: «жезл начальника», наконечники стрел «кундского» и «шигирского» типов и т. д., выделенные в особый мезолитический комплекс. Спорово-пыльцевой анализ показал, что образование отложений в районе раскопов Штади происходило длительное время — с бореального по суббореальный периоды. Соответственно, указанные группы материала были распределены по литологическим слоям²³. Так, группа «Цедмар—Эртебелле» была отнесена к пыльцевой зоне VI по Ф. Фирбасу, т. е. к довольно ранней поре атлантического периода, не позднее IV тыс. до н. э.²⁴ Положение о раннеолитической культуре с керамикой, близкой сосудам Эртебелле, нашло отражение в работах А. Яюряпяэ, Р. Индреко, Е. Кемписты²⁵, из советских исследователей — особенно у В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, Л. Ю. Янитса²⁶. Р. Индреко и Л. Ю. Янитс высказались в пользу участия «цедмарского» компонента в сложении памятников с керамикой нарвского типа²⁷. При этом основанием для выделения и ранней датировки «комплекса Эртебелле» служили данные не стратиграфии и спорово-пыльцевого анализа, а в первую очередь, типологического анализа.

²⁰ C. Engel. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg, 1935, S. 20; C. Engel, W. La Baume. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937, Abb. 4.

²¹ A. Ayräpää. Die relative Chronologie der Steinzeitliche Keramik in Finnland. «Acta Archaeologica», vol. I, 1930, S. 214, 215.

²² H. Gross. Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch. «Prussia», Bd. 33. Königsberg, 1939, S. 100, 101.

²³ Раскопок Г. Гроссом не производилось, а при зачистке было найдено лишь несколько фрагментов орудий из рога.

²⁴ H. Gross. Op. cit., S. 112.

²⁵ A. Ayräpää. Den Yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige. «Finskt Museum», 1955, vol. 62, S. 51; R. Indreko. Mesolitische und frühneolitische Kulturen in Osteuropa und Westsibirien. «Kungl. Vitterhest Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar». Antiquariska serien, № 13. Lund, 1964, S. 202—204; E. Kempisty. The complex of comb-and-pit marked pottery cultures. «The Neolithic in Poland». Wrocław—Warszawa—Krakow, 1970, p. 246—252.

²⁶ В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев. 1969; Д. Я. Телегин. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

²⁷ R. Indreko. Op. cit.; L. Jaanits. Op. cit.

Однако, так ли бесспорно сходство сосудов Цедмара и «керамики кьоккенмеддингов»? А. Юрьяпяэ указывал на некоторых сосудах с S-образным профилем «следы влияния» гребенчатой керамики. Е. Кемписты отмечает различия между керамикой Цедмара и Эртебелле в профилировке нижней части сосудов²⁸. Можно отметить также различия в мотивах и технике нанесения орнамента; большинство опубликованных сосудов с S-образным профилем из Цедмара орнаментировано, на поселениях культуры Эртебелле известны лишь единичные орнаментированные фрагменты, в керамике Эртебелле нет плоскодонных сосудов; сосуд из Лимхамна (полуостров Сконе на юге Швеции), который Г. Гросс сопоставляет с сосудом из Цедмара А имеет не плоское, а «цапфовидное» дно²⁹. Такие «цапфовидные» днища известны и на других стоянках Эртебелле в Швеции³⁰. Сосуды же с острым, оттянутым дном и отогнутым, S-образным венчиком, которые также близки к сосудам Эртебелле, на соседних территориях доживают до позднего неолита³¹. В этом отношении большой интерес представляют новые материалы, полученные при работах на Цедмаре D экспедиции ЛОИА под руководством П. М. Долуханова³². В стратиграфически однородном комплексе керамики и орудий, полученном в раскопе 2, привлекают внимание фрагменты сосудов с S-образным венчиком, украшенные горизонтальными рядами ямчатых вдавлений, идущих по верхней части сосуда и редко поставленными вертикальными линиями — отпечатками длинного и узкого, прямоугольной формы штампа. Полные аналогии им мы находим только в сосудах, привлекающихся для характеристики ранне-неолитической керамики типа «Цедмар—Эртебелле» (рис. 1, 7—10). Однако, указанные фрагменты керамики не отличались по своему стратиграфическому положению от основной массы находок, которые следовало бы отнести к II—III хронологическим группам, выделенным Г. Гроссом, т. е. к среднему—позднему неолиту, середине—второй половине III тыс. до н. э. Радиоуглеродный анализ дал несколько более поздний возраст — 4180 ± 50 л. т. н. (LE—848).

Таким образом, с нашей точки зрения, наиболее ранними из рассмотренных материалов следует признать комплекс керамики типа Оса. Это подтверждается, прежде всего, анализом C-14 и стратиграфическими наблюдениями, чему не противоречат и археологические данные. Материалы стоянок с керамикой нарвского типа Эстонии датируются несколько более поздним временем; то же можно сказать и о жилищах с деревянными конструкциями стоянки Сарнате, существование которых относится, по-видимому, уже ко времени, когда слои с материалами нарвской культуры Эстонии и Латвии были перекрыты стоянками носителей типичной гребенчатоямочной керамики. Материалы Цедмара являются наиболее поздними среди рассмотренных и не могут привлекаться для характеристики раннего неолита Восточной Прибалтики и связываться с культурой Эртебелле, памятники которой на основании серий радиоуглеродных дат относятся к интервалу IV—начала III тыс. до н. э.

²⁸ А. Ayräpää. Op. cit.; E. Kempisty. Op. cit.

²⁹ K. Kjellmark. En stenåldersboplats i Jaravallen vid Limhamn. «Antiquarisk Tidskrift», vol. 17. Stockholm, 1905, Pl. VII, 2, 3.

³⁰ A. Bagge, K. Kjellmark. Stenåldersboplatserne ved Siretorp i Blekinge. Stockholm, 1939, Pl. 71, 8; C. A. Althin. The Chronology of the Stone Age Settlement of Scania. «Acta archaeologica Lundensia», series in 4°, № 1. Lund, 1954.

³¹ Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, рис. 32, 2.

³² П. М. Долуханов, В. И. Тимофеев. Исследования поселения Цедмар Д. АО 1969 г. М., 1970, стр. 13 и сл.

Г. Н. МАТЮШИН

К ВОПРОСУ О РАННЕМ НЕОЛИТЕ УРАЛА

История исследования каменного века Урала довольно длительна. Однако проблемы периодизации и происхождения неолита Урала далеки от разрешения. Большинство ранее исследованных памятников неолита Урала не имеет четкой стратиграфии и часто содержит разновременный инвентарь, поэтому попытки периодизации их были недостаточно подкреплены фактическим материалом. До сих пор в схемах периодизации неолита Урала отсутствует убедительное обоснование для выделения раннего неолита. Многие исследователи полагают, что на имеющихся материалах выделить начальный период этой эпохи невозможно, другие пытаются его реконструировать типологически, находя в каждом из исследуемых памятников все этапы неолита. Так, Л. Я. Крижевская считает, что как для Предуралья¹, так и для Зауралья² наиболее типичны наконечники стрел с боковой выемкой, так называемого кельтеминарского типа. В. Н. Чернецов³, а также О. Н. Бадер⁴ относят к раннему неолиту памятники «козловского» этапа с кельтеминарскими наконечниками и керамикой, «основным приемом нанесения узора которой является «отступающая палочка». По мнению О. Н. Бадера, козловский этап неолита Урала является самым ранним не только для неолита Зауралья, но и для неолита Прикамья и Западного Урала.

Основанием для периодизации неолита Южного Урала Л. Я. Крижевской послужили два памятника с несмешанными комплексами — Карагайлы I и Учалинская стоянка. Карагайлы I отнесена ею к позднему неолиту, Учалинская — к раннему и развитому неолиту. Наконечники стрел на дожевидных пластинах, которые она считает датирующими для раннего неолита, на Учалинской стоянке не найдены, но они представлены на стоянке Карагайлы I. В связи с этим логичнее было бы относить подобные наконечники к позднему этапу неолита, но Л. Я. Крижевская относит эти наконечники к Учалинскому этапу. Правда, наконечники с Карагайлы I атипичны, а наиболее четкий из них представлен обломком⁵. Более выразительные наконечники с боковой выемкой найдены на стоянке Чебаркуль II, где представлена как «ранняя», так и «поздняя» гребенчатая керамика. С какой из них связаны кельтеминарские наконечники — не ясно.

Наконечники с боковой выемкой и «ранненеолитическая» керамика выделены В. Н. Чернецовым на основании двух памятников: Козлова мыса на Андреевском озере и Кокшарово на р. Тагил⁶. Оба памятника содер-

¹ Л. Я. Крижевская. Основные типы каменных орудий мезолита и неолита Южного Предуралья. МИА, № 172, 1972, табл. 23.

² Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. Л., 1968, рис. 26.

³ В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 41—53, рис. 1, 3.

⁴ О. Н. Бадер. Уральский неолит. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, рис. 2.

⁵ Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала, табл. XII, 23.

⁶ В. Н. Чернецов. Указ. соч., рис. 3, 1—8.

жат смешанный инвентарь и керамику, орнаментированную как «отступающей палочкой», так и разнообразную, в том числе суртандинского типа. Точных данных о том, с каким из этих комплексов нужно связывать кельтеминарские наконечники, нет. На Андреевском озере В. Т. Юровская⁷ раскопала стоянку Андреевское-8 с керамикой поздненеолитического или энеолитического времени; вместе с ней найдена целая серия наконечников с боковой выемкой на пластинах.

Памятники, исследованные нами, Суратанды VIII, Сабакты III, Долгий Ельник I⁸ и другие также свидетельствуют о том, что наконечники с боковой выемкой появляются на Урале лишь в позднем неолите. Комплексы типа Сабакты III, для которых характерны кельтеминарские наконечники и керамика, орнаментированная исключительно гребенчатым штампом, непосредственно предшествуют суртандинскому этапу, то есть неолиту.

Керамика с «отступающей палочкой» вряд ли может служить основанием для датировки, так как она встречается в лесной полосе Урала и особенно в Западной Сибири, начиная с неолита и вплоть до железа, а кое-где — и до средневековья.

Кроме того (и это представляется нам наиболее существенным), так как никаких пришлых элементов в неолите Урала не заметно, естественно предположить, что памятники раннего неолита Урала должны нести в своем инвентаре какие-то черты преемственности с предшествующими им стоянками мезолита Урала. Однако заметных признаков связи инвентаря памятников козловской фазы с мезолитом Урала не прослеживается.

В последнее время на Южном Урале стали выделяться памятники, которые, по нашему мнению, можно отнести к раннему неолиту. Такие памятники исследованы нами прежде всего в зоне яшмового пояса. Для инвентаря их типично в целом господство микролитических изделий, в том числе и единичных, пережиточных геометрических форм и керамики, орнаментированной преимущественно прочерченными линиями⁹.

До сих пор было не ясно, имеют ли такие памятники локальное значение или они типичны для всего Урала. При просмотре коллекций в Нижне-Тагильском музее в 1973 году обратили на себя внимание материалы стоянки Полуденка II из раскопок Н. П. Кипарисовой¹⁰, в которых содержится, как нам представляется, и раннеолитический комплекс, аналогичный раннеолитическим памятникам Южного Урала, типа Урта-Тюбе и других. В связи с этим остановимся на этом памятнике несколько подробнее.

Стоянка Полуденка II расположена на левом берегу реки Полуденка, в 12 км западнее г. Нижний Тагил. Памятник открыт Н. П. Кипарисовой в 1946 г. и исследовался ею в 1947—1948 гг. Вскрыто 186 кв. м¹¹. Культурный слой памятника нарушен, однако, на отдельных участках удалось проследить, что находки располагаются в дерне и до глубины 40—60 см в суглинке темносерого цвета с галькой. В подстилающем слое обнаружено много ямок, заполненных преимущественно кремневыми изделиями. Найдено 2016 предметов, в том числе 1309 фрагментов керамики, три четверти которой относятся к неолиту, остальная часть — к эпохе развитой бронзы.

Неолитическая керамика разнообразна, часть ее имеет гребенчатый орнамент, около половины фрагментов орнаментировано прочерченными линиями.

⁷ М. В. Романова, В. Т. Юровская. Исследования в районе г. Тюмени. АО 1971 г. М., 1972, стр. 272, 273.

⁸ Г. Н. Матюшин. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 5—39.

⁹ Г. Н. Матюшин. Раннеолитическая стоянка Карабалыкты VIIIa (Урта-Тюбе) на Урале. КСИИМК, вып. 137, 1973, стр. 96—103.

¹⁰ Нижнетагильский музей, инв. № 5, 7, 9.

¹¹ Н. П. Кипарисова. Отчет за 1947 г. и за 1948 г.; В. М. Раушенбах. Керамика ширгирской культуры. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 60, 61.

Изделий из камня всего 513 (не считая кусков кремня), в том числе: нуклеусов — 117, ножевидных пластин — 92, резцов на пластине — 9, отщепов 133, отщепов с ретушью — 24, скребков — 58, наконечников стрел — 16, ножей на отщепах — 16, острый — 3, пестов — 3, заготовок орудий — 9, шлифованных орудий — 8, обломков шлифованных орудий — 11, шлифованных топоров — 2, отбойников — 12, серпов кварцитовых — 2.

Изделия из камня, большая часть которых представлена ножевидными пластинами и изделиями из них, разнообразны. Обращает внимание значительное количество нуклеусов, ножевидных пластин, но вместе с ними имеются и изделия с двусторонней обработкой и шлифованные изделия из сланца. Найденны песты, кварцитовые «серпы» и другие изделия энеолитического возраста. В связи с этим принято считать Полуденку II более поздним памятником в сравнении с Полуденкой I, Стрелкой и другими памятниками неолита Среднего Зауралья¹². Обычно Полуденку II синхронизируют с нижним слоем 6-го разреза Горбуновского торфяника. Приведенные выше общие данные о составе инвентаря тоже как будто бы говорят об этом.

Однако при более внимательном анализе инвентаря Полуденки II можно обнаружить некоторые особенности. Так, для среднеуральских неолитических памятников, как впервые заметила В. М. Раушенбах¹³, типично однообразие изделий из камня, как правило, немногочисленных и малообразных. Это объясняется тем, что на Среднем Урале мало подходящего кремня и совершенно отсутствует яшма. В отличие от подавляющего большинства неолитических памятников Среднего Урала, изделия из камня Полуденки II многочисленны и разнообразны. Удивляет обилие нуклеусов и ножевидных пластин, количество которых почти вдвое превышает число отщепов. Все это, как и наличие керамики с прочерченным орнаментом, как-то не вяжется с теми явно позднеолитическими или даже энеолитическими материалами, которые найдены здесь же.

Логично предположить, что здесь мы имеем дело с коллекцией, где представлены разновременные комплексы в смешанном состоянии, что характерно для Урала.

Как при анализе изделий из камня Полуденки II, так и при разборе керамики, выделяются два различных комплекса.

Изделия из камня четко разделяются на две части уже при классификации их на уровне категорий¹⁴, то есть, по материалу. Значительная часть коллекции состоит из пластин и нуклеусов, изготовленных из яшмы и темного кремня, местонахождения которых локализованы только в пределах Южного Зауралья (яшмовый пояс), другая часть изготовлена из широко распространенных на Урале, в том числе и в окрестностях стоянки, пород камня.

Изделия этой категории инвентаря большей частью представлены разнообразными, но мало пригодными для обработки техникой расщепления и скола, породами камня: горным хрусталем, кремнистым сланцем, шифером, кварцитом. Преобладают в этой категории изделия с двусторонней обработкой и отщепы, хотя и имеется некоторое число призматических нуклеусов, ножевидных пластин и изделий из них.

Из южноуральских пород камня изготовлена большая часть нуклеусов, значительная часть ножевидных пластин, скребков, резцов, пластины с ретушью и другие изделия. В привозном «импортном» комплексе представлены главным образом, следующие виды яшмы и кремня:

¹² В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры, стр. 61.

¹³ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, стр. 8.

¹⁴ Г. Н. Матюшин. К вопросу об основных принципах единой таксономической системы и применении ЭВМ в археологии. «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам годовых археологических исследований 1972 г. в СССР». Ташкент, 1973, стр. 70—73.

	Ножевидные пластины	нуклеусы	скребки
сургучная		1	
сургучно-зеленая		1	1
зеленая с желтой коркой			2
зеленая	2	2	1
коричневая			1
синевато-зеленая		2	1
голубоватая			2
полосчатая			5
черная	20	11	
темносерая с желтой коркой		11	
темносерая	18	9	

Примерно 10% этого комплекса занимают сургучные и сургучно-зеленые яшмы и почти 90% — полосчатые, темносерые и черные яшмы и кремнь. Такой состав яшм и кремня типичен для инвентаря южноуральских памятников каменного века, где преобладают темные породы кремня и яшмы сургучно-зеленые и зеленоватые с желтой коркой. Идентичность сочетания пород камня в «импортном комплексе» Полуденки II с южноуральскими памятниками дает возможность предполагать, что здесь имел место не просто импорт материала, а переселение какой-то группы населения с Южного Урала.

«Местная» и «импортная» группы инвентаря различаются между собой и типологически. Нуклеусы из южноуральского камня в большинстве своем сильно сработаны, некоторые — до предела. По размерам они невелики, по форме — конические и реже призматические (рис. 1, 17—28), есть необработанные заготовки некрупных нуклеусов из яшмы, большей частью это плитки без обработки или первичные заготовки нуклеусов с небольшими легкими сколами с одной стороны.

Ножевидные пластины из яшмы и южноуральского камня по размерам также очень невелики, ширина их не превышает 1,5 см (рис. 1, 1, 3, 4—8).

В «местном комплексе» нуклеусы более крупные (рис. 2, 11, 12), ножевидные пластины менее стандартны. Ширина их сильно варьирует от очень узких до широких (рис. 2, 3—7). Больше половины пластинок здесь имеют ширину 1,5—2 см, а часть их имеет ширину и более 2 см. Такое соотношение пластинок уже позволяет предполагать более ранний возраст «импортного комплекса».

Общий облик других изделий также подтверждает это предположение. Из «местных» пород изготовлены скребки на отщепах и сколах (рис. 2, 1), двустороннеобработанные орудия (рис. 2, 8), шлифованные топоры (рис. 2, 10, 13) и другие орудия. В целом общий облик «местного комплекса» производит впечатление более позднего.

Наиболее убедительным доказательством раннего возраста «импортного комплекса» является наличие геометрических микролитов и угловых резцов.

К геометрическим микролитам можно отнести два изделия (рис. 1, 1, 2). Одно из них — острое с диагонально скошенным лезвием с одного конца и боковой выемкой с другого, — принято называть асимметричной трапецией с боковой выемкой. Анализ подобных изделий¹⁵ показывает, что значительная часть их в позднем мезолите использовалась в качестве наконечников. Представленный в инвентаре Полуденки II микролит (рис. 1, 1) такого типа имеет со стороны короткого бока двустороннюю краевую ретушь: со стороны спинки — тонкую ретушь, со стороны брюшка — чешуйчатую¹⁶ Диагонально скошенное лезвие обработано крутой, почти перпен-

¹⁵ Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, № 4, стр. 23—48.

¹⁶ Г. Н. Матюшин. К вопросу о методах классификационного анализа пластинчатых изделий. «Тезисы докладов на сессиях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.» М., 1973, стр. 338.

дикулярной плоскости пластины, ретушью. Идентичные геометрические формы характерны для памятников мезолита Урала¹⁷, исследованных не только на Южном Урале, но и в районах, пограничных со Средним Зауральем — на оз. Зюраткуль¹⁸, найдены они и на Среднем Урале, на оз. Б. Аллаки¹⁹. Наличие подобной трапеции в инвентаре Полуденки II свидетельствует о том, что такие микролиты распространились и по территории Среднего Урала вплоть до его северных границ.

Второе изделие геометрической формы атипично. Четкая обработка в виде ступенчатой краевой ретуши имеется только со стороны одного бока и верхнего основания. Второй бок трапеции не обработан, но на поверхности его видны небольшие зазубрины и выщерблины, позволяющие предполагать использование этого изделия в качестве геометрического микролита. Со стороны спинки сохранился остаток желвачной корки. Кремень черный. По своей форме трапеция напоминает аналогичное изделие со стоянки Долгий Ельник II, найденное также в сочетании с удлиненными, сильно вытянутыми остриями²⁰ (лишь по характеру обработки сходными с раннемезолитическими асимметричными трапециями, остриями и треугольниками). Наличие и той и другой формы в одном комплексе как на Полуденке II, так и на Долгом Ельнике II свидетельствует, видимо, об относительной близости и синхронности памятников.

В «импортном комплексе» Полуденки II представлены и другие поздне-мезолитические изделия — это угловые резцы с миниатюрными сколами, нанесенными с одного угла пластинки, концевые и небольшие округлые скребочки (рис. 1, 9—16), что также говорит об относительно раннем возрасте этой категории изделий в сравнении с местным комплексом.

Анализ керамики также приводит к выводу о наличии двух разновременных комплексов в инвентаре памятника. Значительная часть ее представлена фрагментами сосудов с округлым дном и прямым венчиком. Орнамент покрывает часть сосуда или весь сосуд и состоит из волнистых линий, прочерченных палочкой с расщепленным концом (рис. 3, 1—8). Такая керамика найдена в большинстве случаев в нижней части культурного слоя и в ямах, тогда как керамика с «ромбами» и другими элементами гребенчатого штампа и «отступающей» палочки (рис. 3, 9—14) располагается преимущественно в верхней части культурного слоя. Несмотря на нарушенность культурного слоя ямами XIX—XX вв. и неизбежную перемешанность слоев, можно заметить концентрацию прочерченной керамики и изделий из яшмы в нижней части культурного слоя и в ямах.

Следовательно, исходя из общего анализа расположения находок, можно высказать предположение о неодновременности «импортного» комплекса изделий из камня с прочерченной керамикой, и комплекса, изготовленного из местных пород камня с керамикой с геометрическим гребенчатым орнаментом.

Аналогичное сочетание поздне-мезолитического инвентаря (с единичными атипичными геометрическими микролитами) вместе с прочерченной керамикой прослежено на стоянке Карабалыкты VIIa и других памятниках раннего неолита Южного Урала. Не исключено, что «импортный комплекс» и прочерченная керамика Полуденки II — это также ранне-неолитический комплекс.

Способ орнаментации расщепленной палочкой относительно долго живет в лесном Зауралье, как и вообще неолитические элементы орнамента, но он довольно редко применялся в развитом и позднем неолите Урала. Там господствовали иные элементы орнамента. В тех случаях, когда в более поздних памятниках встречается такой способ украшения, спаренные линии

¹⁷ Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры. . .

¹⁸ Г. Н. Матюшин. Мезолитические памятники высокогорных районов Южного Урала и Сибири. М., 1973, стр. 44—55.

¹⁹ На оз. Б. Аллаки подобные формы найдены В. Т. Петриним.

²⁰ Г. Н. Матюшин. Мезолитические памятники. . ., рис. 3, 6, 11 и др.

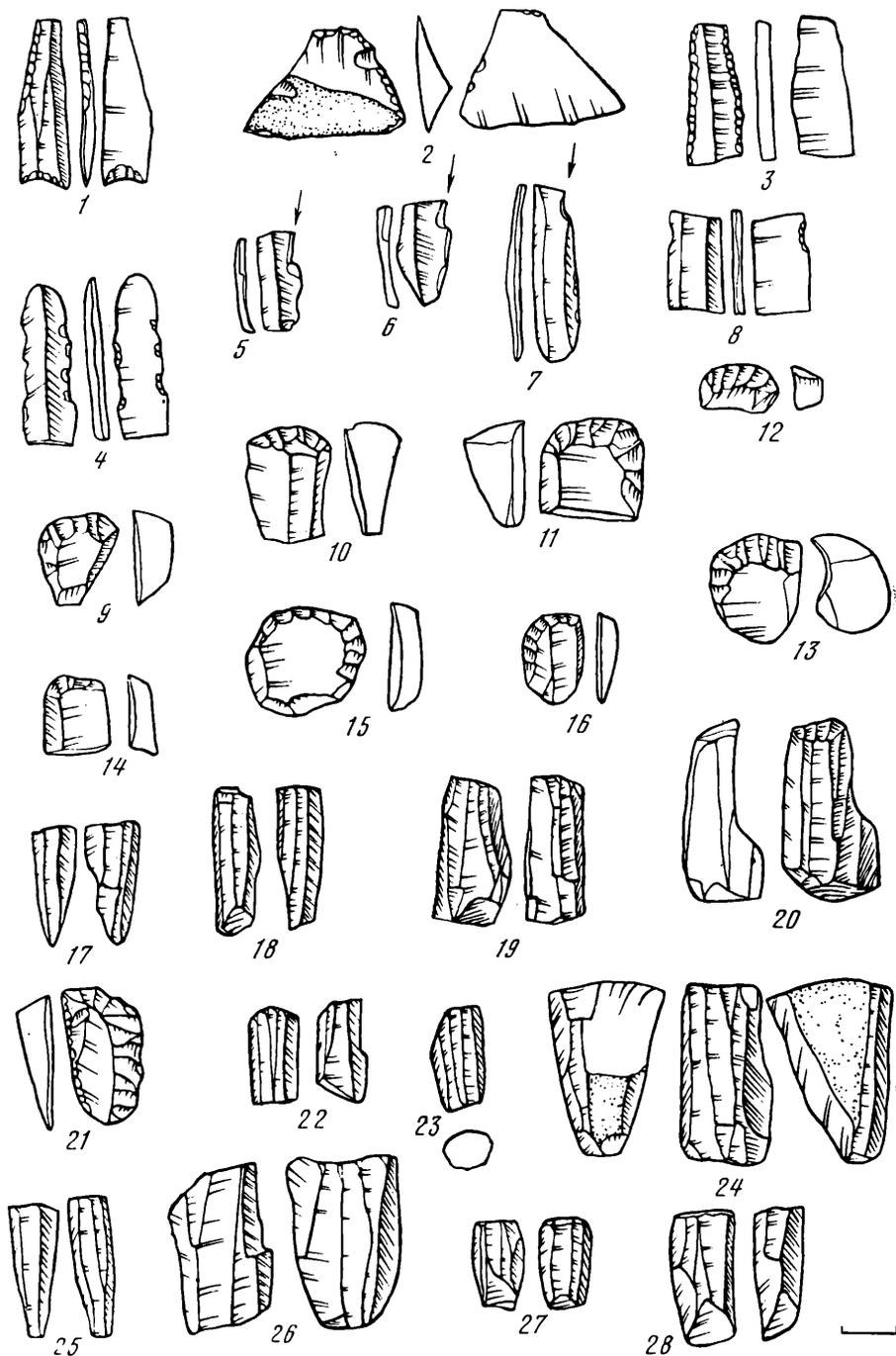

Рис. 1. «Импортный» инвентарь стоянки Полуденка II

на таких сосудах прочерчены, видимо, не расщепленной палочкой, а двузубым штампом. Это хорошо видно даже при небольшом увеличении: на ранних сосудах линии тонкие и неровные, дно их треугольно в сечении (острая палочка), на поздних — дно прочерченных линий в поперечном сечении имеет форму четкой трапеции, неизменной на всем их протяжении (штамп).

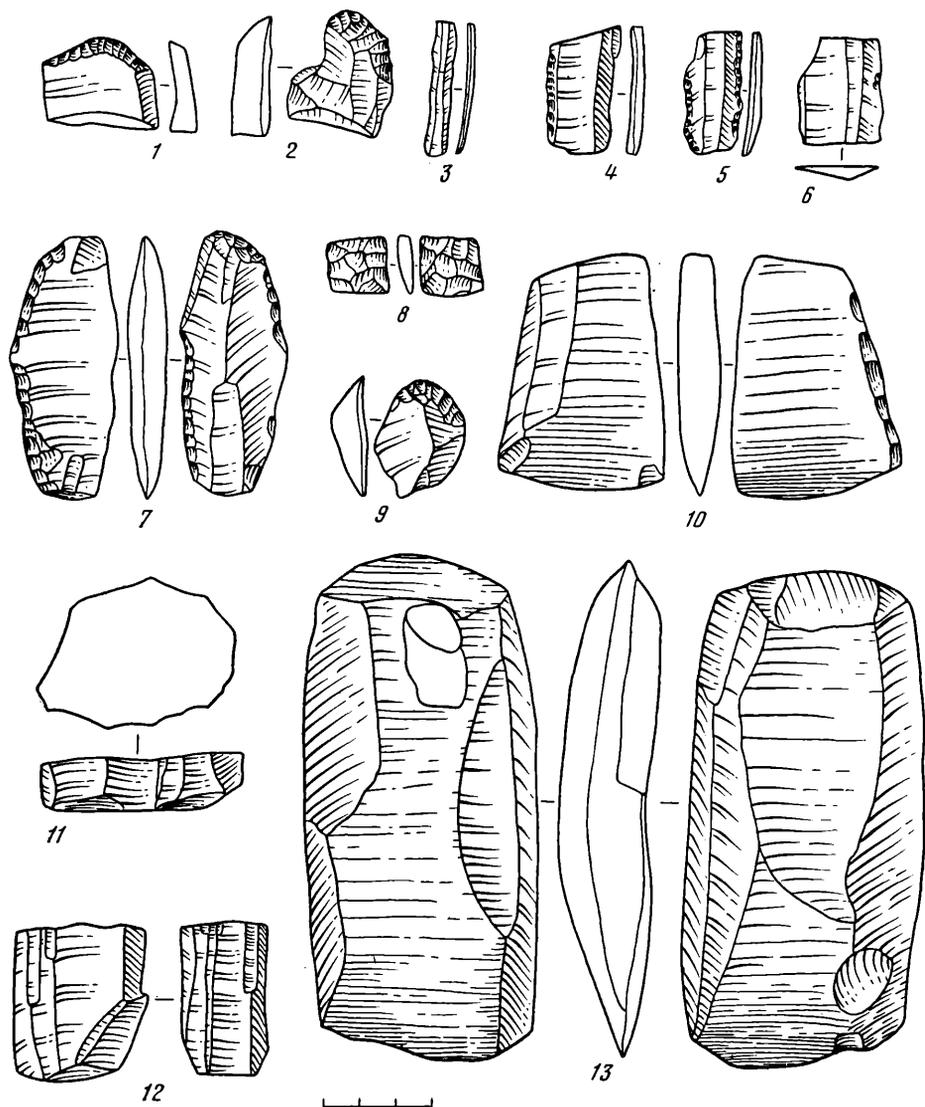

Рис. 2. «Местный» инвентарь стоянки Полуденка II

Таким образом, можно предполагать, что для раннего неолита Среднего Зауралья, как и для Южного Урала, характерны сосуды, орнаментированные прочерченными линиями и микролитический инвентарь с единичными геометрическими формами атипичных пережиточных очертаний.

Мы не считаем проблему происхождения неолита Урала окончательно решенной. Достаточно ознакомиться с недавно вышедшей работой Ф. Шлетте²¹, чтобы представить, насколько сложна вообще проблема выделения раннего неолита. Однако, уже сейчас можно высказать предположение: не только неолит Южного Урала, но и неолит Среднего Зауралья генетически восходит к янгельской культуре. В пользу этого свидетельствуют: 1. Типологическое сходство инвентаря раннего «импортного» комплекса Полуденки II и южноуральских памятников типа Урта-Тюбе (Кара-

²¹ F. Schlette. Das Neolitikum als historische Erscheinung. «Evolution und Revolution in Alten Orient und in Europa». Berlin, 1971.

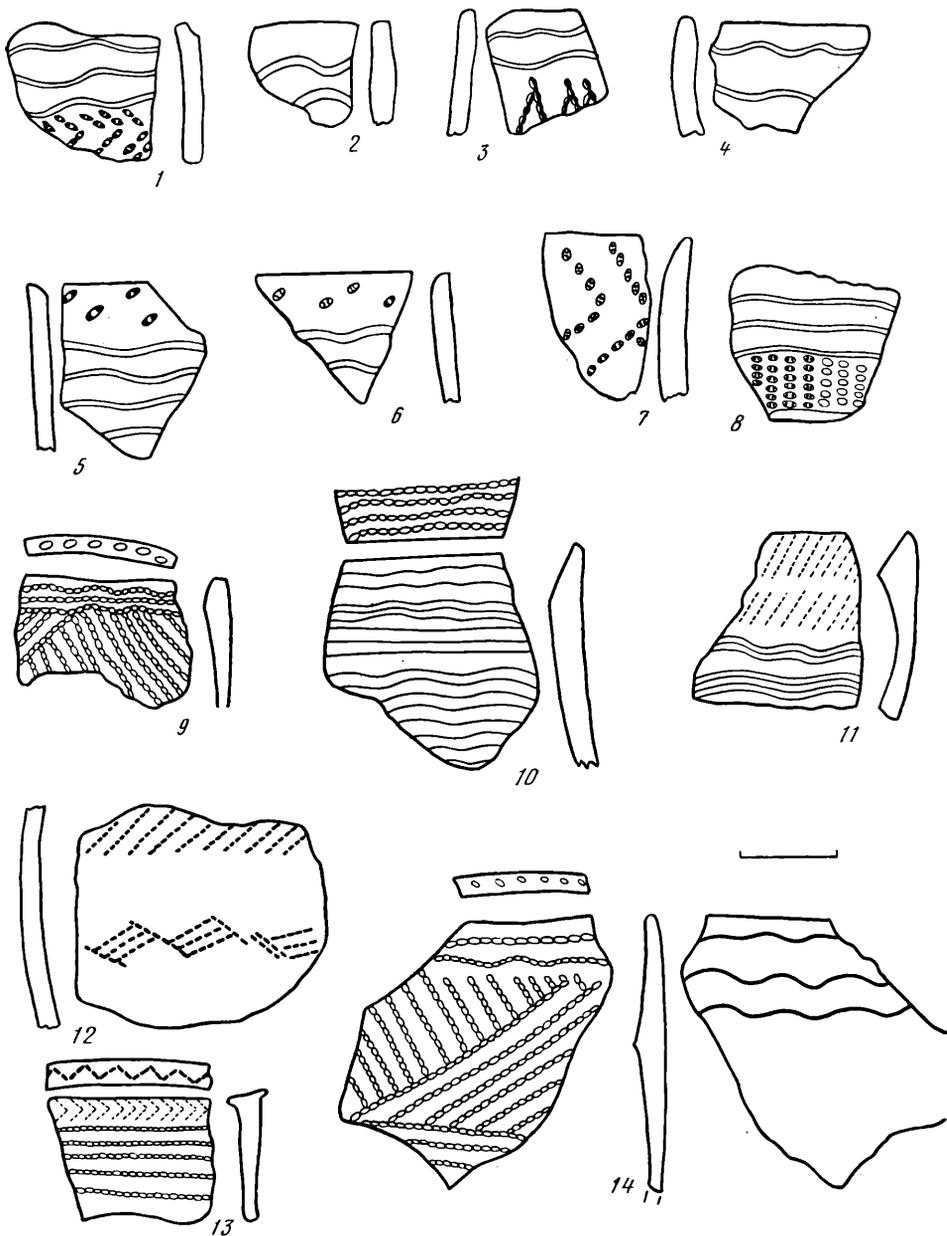

Рис. 3. Керамика со стоянки Полуденка II

балыкты VIIIa). 2. Наличие в них единичных геометрических микролитов янгельского типа, генетически восходящих к южноуральскому палеолиту (Шикаевка II). 3. Идентичность сырья (весь ранний комплекс Полуденки II изготовлен из южноуральских яшм и кремня). 4. Сходство керамики Полуденки II с прореченным орнаментом с керамикой Урта-Тюбе и других ранненеолитических памятников Южного Урала.

Б. А. ФОЛОМЕЕВ

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ «ДУБРОВИЧСКОГО» ТИПА
БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ ОКИ

Вопрос о памятниках «дубровицкого» типа возник еще в конце прошлого века, когда В. А. Городцов исследовал две стоянки в окрестностях с. Дубровичи: «плотинную» стоянку Черепки и расположенную рядом дюнную стоянку, давшие очень близкий материал¹. Тогда В. А. Городцов не решился отнести керамику этих стоянок к какой-либо из известных археологических культур, отметив, однако, что ближе всего она стоит к волосовской².

Затем последовало открытие целого ряда стоянок с керамикой подобного типа, локализующихся преимущественно в бассейне Средней Оки: Владычинская береговая, Ибердус I, Борковская I и II, Коренец I, Ловецкие Борки, Рыкова слобода, Логинов хутор, Засеченская, Белоомут (Большой лес), Лопачи и др.

А. Я. Брюсов, а за ним И. К. Цветкова отнесли эти памятники к рязанской культуре (А. Я. Брюсов ко второму этапу ее развития, а И. К. Цветкова к третьему³, заключительному.)

С 1967 по 1971 г. в бассейне р. Пры, в пределах Рязанской области, отрядом Рязанской археологической экспедиции ГИМ проводились разведки и рекогносцировочные раскопки, которыми было охвачено почти все течение р. Пры. В результате этих исследований было открыто и частично раскопано 10 стоянок эпохи неолита и раннего металла⁴. Слои, содержащие керамику «дубровицкого» типа, зафиксированы на следующих памятниках: Беломуттово I, III, Совка II, Тюков городок (слой под валом), Городской парк II. Наибольший интерес представляют два памятника: Беломуттово III и Совка II.

Стоянка Беломуттово III расположена на невысоком мысу правого берега р. Ялмы, правого притока р. Пры, в 1 км выше с. Беломуттово. В длину мыс достигает 300 м, в ширину от 40 до 80 м, высота над межленным урезом воды 2—4 м. С севера и запада он омывается водами р. Ялма, с востока к нему вплотную подходит обширный заболоченный водоем⁵. Поверхность мыса задернована, поросла кустарником и соснами. Мощност культурного слоя достигает 1 м. Основную массу находок составляет керамика, в небольшом количестве встречены отщепы преимущественно из темносерого и черного кремня.

¹ Далее в тексте плотинная стоянка будет называться Черепки, а дюнная Дубровицкой.

² В. А. Городцов. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубровичи Рязанской губернии. ТАС VIII, т. III, 1897, стр. 197.

³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 60—65; И. К. Цветкова. Племена рязанской культуры. «Труды ГИМ», вып. 44. М., 1970, стр. 118.

⁴ Раскопки произведены на стоянках: Совка II — 48 м², Тюков городок — 228 м², Городской парк I, II, III — 40 м², Беломуттово III — 6 м².

⁵ Д. Мещеряков. Природные условия мелиорации Приозерной Мещеры. «К использованию естественно-производительных сил Мещерского края». Рязань, 1930, стр. 28.

Керамический материал представлен 110 фрагментами и типологически делится на две группы.

К первой группе, представленной 98 фрагментами (около 90%) относятся обломки относительно толстостенных сосудов (6—9 мм) с прямыми непрофилированными или слабопрофилированными венчиками и круглыми днищами (рис. 1, 1—9). В глиняном тесте этой керамики значительная примесь мелкозернистого песка. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. Среди орнаментальных мотивов встречаются: горизонтальные ряды, сочетания горизонтальных и диагональных рядов, елочка. Наиболее частыми элементами орнамента являются неглубокие вдавления, нанесенные в технике «отступающей палочки» — 70%. Встречаются разреженные горизонтальные ряды, образованные «отступающей палочкой» и «скоростной» орнамент, непрерывный ряд неглубоких вдавлений, нанесенных штампом. Другими элементами орнамента являются так называемые «лапчатые» и «гусеничные» отпечатки — 12%, образованные отпечатками палочки с накрученной на нее тонкой веревочкой, а также крупноребенчатые отпечатки и вдавления, образованные углом этого же штампа — 11%. Реже встречаются шнуrowой и прочерченный орнамент.

Керамика второй группы (12 фрагментов) тонкостенная (4—6 мм), из хорошо отмученной глины, также со значительной примесью мелкозернистого песка (рис. 1, 10—15). В нескольких фрагментах отмечен шамот. Венчики этой группы более разнообразны: одни имеют легкий отгиб наружу, другие профиль, характерный для фатьяновских сосудов. Наличие неорнаментированных фрагментов свидетельствует о том, что сосуды этой группы не имели сплошной орнаментации. Украшения, как правило, тонкие, неглубокие. Встречаются прерывистые прочерченные линии, образующие кососетчатую композицию в сочетании с треугольниками; елочный узор, выполненный плоским или зубчатым штампом; неглубокие «гусеничные» и «лапчатые» отпечатки; отпечатки веревочки и шнура. Поверхность большинства фрагментов второй группы хорошо заглажена, а некоторых — даже подлощена.

Четкая грань между керамикой первой и второй групп не прослеживается. Вторая группа имеет более тонкий и поверхностный орнамент.

Стоянка Совка II находится на левом берегу р. Совки, левого притока р. Пры, в 1 км от ее устья, на окраине г. Спас-Клепики. Топографическое ее положение очень сходно с положением стоянки Беломутово III. Она также расположена на мысу, образованном левым берегом р. Совки и заболоченной низиной, отделяющей ее от г. Спас-Клепики. Культурный слой стоянки, мощностью свыше 1 м содержит большое количество керамики, кремневый инвентарь и кости животных.

Керамика стоянки Совка II (1104 фрагмента) типологически делится на 3 группы.

Керамика первой группы, представленная 880 фрагментами (около 80%) толстостенная (7—10 мм), с примесью мелкого песка и органики (рис. 2, 1—12). Количество органической примеси в разных сосудах неодинаково: в одних она еле ощущается, в других весьма значительна. Внутренние части сосудов иногда обработаны штампом или щепой. Орнаментация по мотивам и элементам очень близка орнаментации первой группы стоянки Беломутово III: «отступающая палочка», образующая горизонтальные и диагональные ряды; «лапчатый» и «гусеничный» орнамент, часто покрывающий всю поверхность сосуда; елочный мотив, выполненный зубчатым или плоским штампом; отпечатки веревочки и шнура. Отличия наблюдаются в количественном соотношении элементов и мотивов орнамента, в некотором преобладании геометрических мотивов и разреженности украшений на стоянке Совка II. Большинство орнаментальных мотивов выполнено в технике «отступающей палочки». Однако в отличие от керамики Беломутово III, где применялся преимущественно гладкий штамп, на стоянке Совка II чаще использовалась палочка с намотанной

на нее ниткой, «Лапчатые» и «гусеничные» отпечатки встречены на 70% фрагментов керамики этой группы, неглубокие ямчатые вдавления — на 15%, веревочные и шнуровые — на 9%, зубчатые — на 5%. Из редких элементов орнамента встречены треугольные вдавления, сплошь покрывающие поверхности сосудов, «рамчатый» штамп. Венчики часто оформляются вертикальными или диагональными и идущими под ними горизонтальными оттисками веревочки. На керамике стоянки Беломутово III этот мотив встречен всего лишь один раз.

Есть отличия и в профилировке венчиков, на стоянке Совка II они разнообразнее. Есть прямые или со слабым отгибом наружу, большей частью они сверху приплюснуты или скошены внутрь, и в этом случае на них имеются косые отпечатки веревочки — деталь орнаментации, встречающаяся на керамике стоянки Беломутово III гораздо реже. Орнамент часто переходит и на внутреннюю часть венчика, спускаясь на стенки. Встречаются венчики с утолщенными краями, резко отогнутыми наружу. Часто у таких венчиков бывает широкий ровный срез края, орнаментированный оттисками веревочки (рис. 2, 8). Такой тип венчиков отчасти напоминает поздневолоховскую керамику⁶, для которой, однако, не характерен веревочный орнамент. Растительная примесь в данных фрагментах отсутствует или очень незначительна.

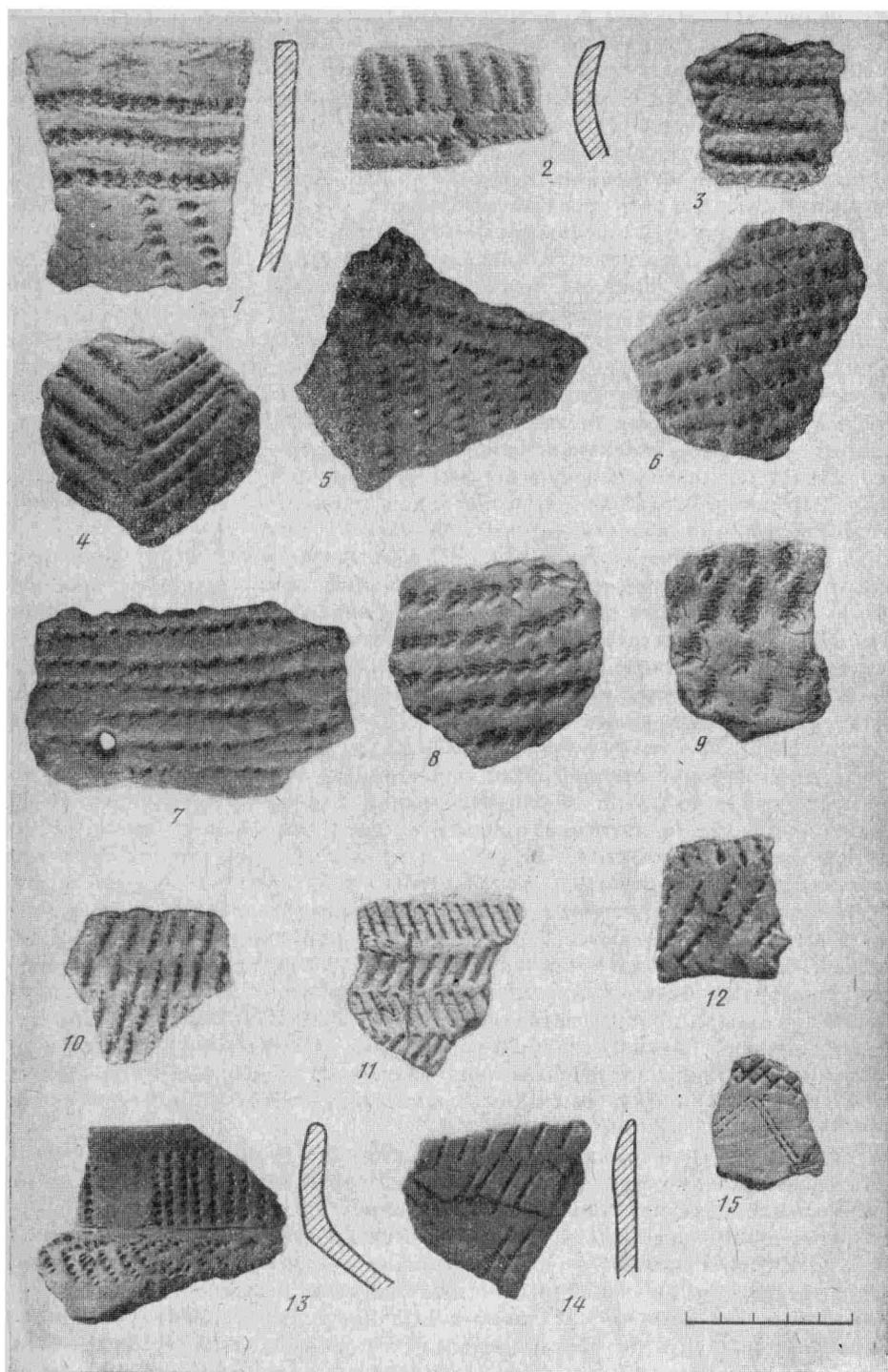
К первой группе типологически примыкают отдельные фрагменты (около 2%), имеющие обильную растительную примесь, орнаментированные «рамчатым» штампом, крупной гребенкой и неглубокими ямками (рис. 2, 13—15). Вместе с тем они не могут быть выделены в отдельную группу из-за малочисленности и наличия ряда общих признаков с керамикой первой группы. Так, например, существует несколько фрагментов, орнаментированных «рамчатым» штампом, но без растительной примеси (рис. 2, 12).

Керамика второй группы стоянки Совка II, представленная 140 фрагментами (около 13%) по многим признакам (примеси, профилировке венчиков, элементам и мотивам орнамента) совпадает с керамикой второй группы стоянки Беломутово III (рис. 3, 1—9). Толщина стенок ее не превышает 6 мм. Среди примесей встречается в небольшом количестве мелкий песок (меньше по сравнению со стоянкой Беломутово III), в отдельных фрагментах отмечен шамот. Венчики имеют преимущественно слабый эсвидный профиль, но встречаются и фатьяновидные, переходящие в округлое тулово. Преобладают круглые днища, встречено только одно плоское. Орнамент тонкий, преимущественно нарезной и мелкозубчатый, реже встречается плоский штамп. Наиболее распространенным мотивом является елочка и наклонные оттиски мелкозубчатого штампа, реже — кресты из прочерченных линий и сложные композиции, выполненные «шагающей гребенкой».

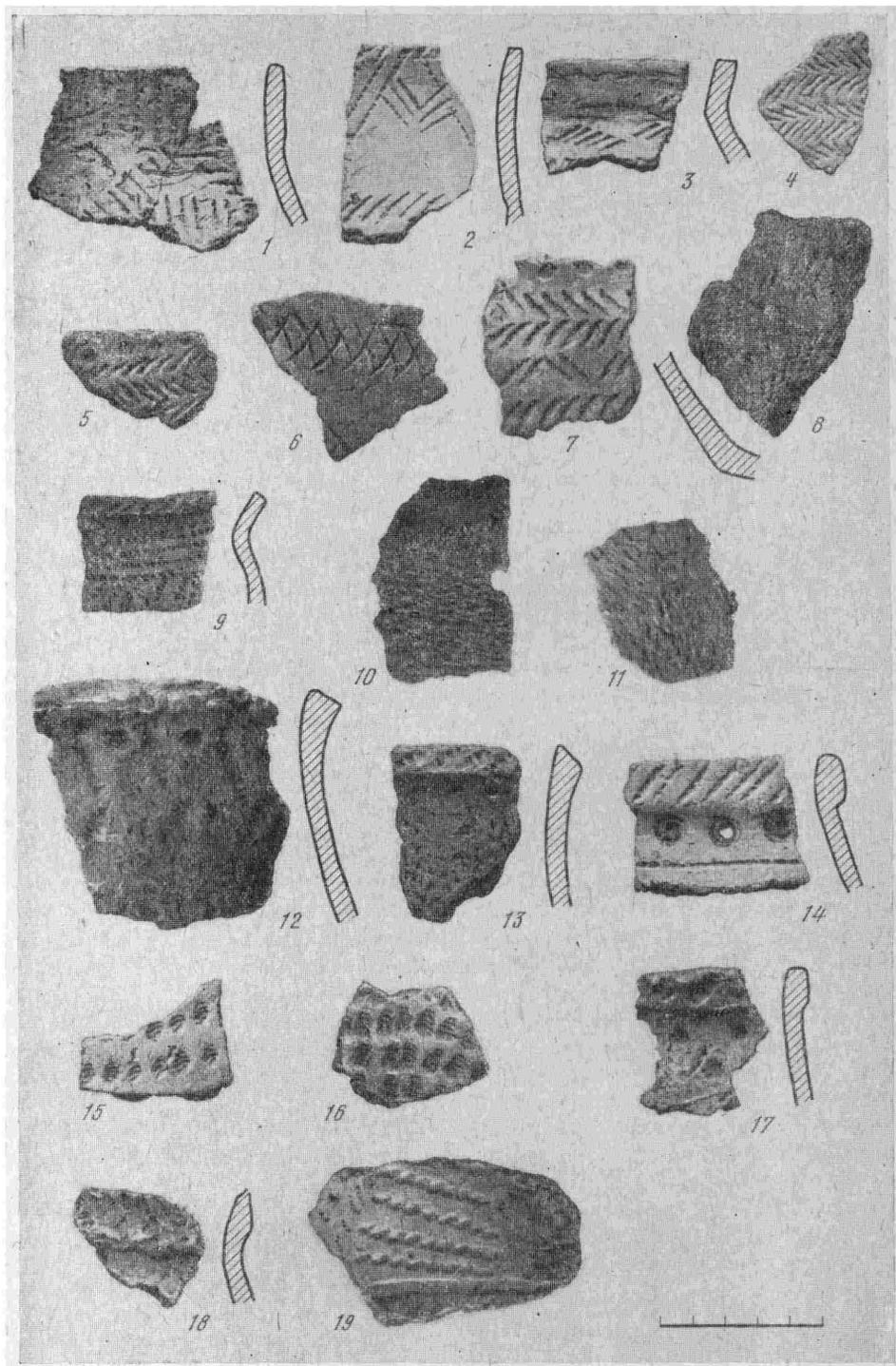
Типологически керамика первой и второй групп стоянки Совка II делится более четко, чем керамика этих же групп стоянки Беломутово III.

Керамика третьей группы, представленная 80 фрагментами (около 7%), — типичная ямочно-гребенчатая второго этапа (по И. К. Цветковой) рязанской культуры (рис. 2, 16—18). Орнамент зональный и геометрический, преимущественно из наклонных ямок. Венчики имеют утолщения — так называемые «воротнички». Однако на целом ряде фрагментов встречены элементы орнамента, характерные для керамики первой группы — отпечатки «рамчатого» штампа и «гусеничные» оттиски, расположенные чаще всего на венчиках. В качестве примеси в керамическом тесте присутствует в небольшом количестве мелкий песок, а в отдельных фрагментах и мелкотолченая дресва.

⁶ И. К. Цветкова. Стоянка Подборица-Щербининская. СА, 1961, № 2, стр. 179; Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 90, 113; А. Л. Никитин. Рождественская стоянка на озере Неро. СА, 1965, № 1, стр. 259.

Рис. 1. Керамика стоянки Беломутово III

Рис. 2. Керамика стоянки Совка II

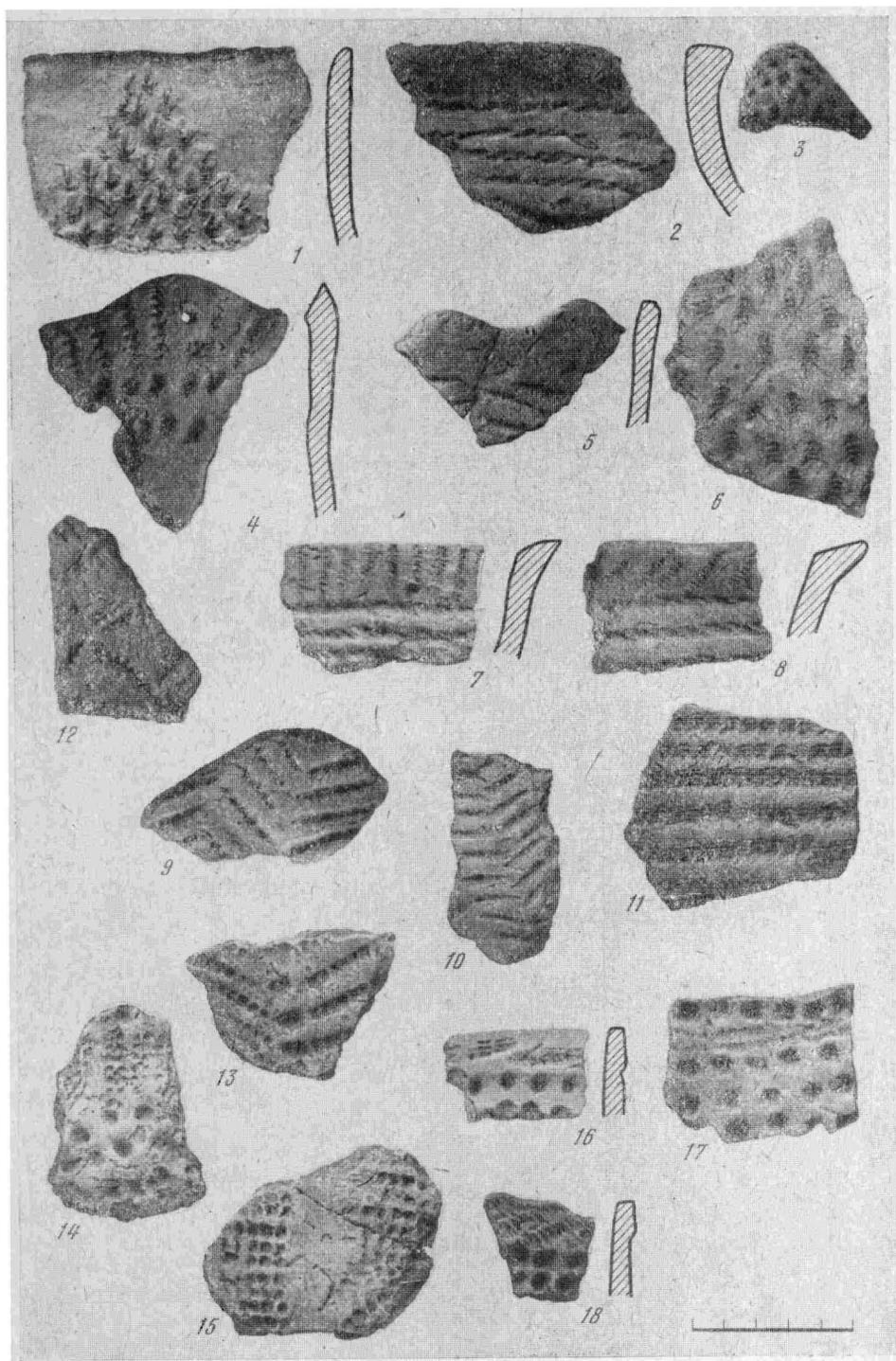

Рис. 3. Керамика стоянки Совка II (1—11); Фефелов Бор I (12—19)

Выделяются 4 фрагмента «сетчатой» керамики, встреченные на глубине от 10 до 50 см (рис. 3, 10, 11). По составу теста они ближе всего стоят к керамике первой группы, но в отличие от нее имеют небольшую примесь мелкотолченой дресвы. Внутренние части некоторых фрагментов заглажены щепой. «Сетчатые» отпечатки покрывали не всю поверхность сосудов.

Рассмотренные выше группы керамики стоянки Совка II залежали совместно во всей толще культурного слоя. Стратиграфические данные скорее всего свидетельствуют о синхронности всех групп керамики.

Кремневые орудия, встреченные на стоянке Совка II, многочисленны и имеют ярко выраженный поздненеолитический облик: скребки с круглыми и прямыми рабочими краями, резчики изогнутой «клювовидной» формы, наконечники стрел с черешком, некоторые по форме приближаются к сейминским.

Рассмотренный материал при сопоставлении с ранее известным позволяет несколько уточнить наши представления о хронологии и культурной принадлежности стоянок «дубровичского» типа.

Исследования последних лет показали, что керамика, близкая «дубровичской», распространена гораздо шире территории рязанской культуры. Она зафиксирована в ряде пунктов Волго-Окского междуречья на стоянках: Бисерово озеро, Тростенецкая I, Полецкая I (Московская обл.); Лопачи (Владимирская обл.); Завьяловка (Ивановская обл.), Плещеево I и III, Польцо, Сомино, Рождественской, Языковской (Ярославская и Калининская обл.) и др.

На аналогии «дубровичской» керамике за пределами Волго-Окского междуречья в Тульской области и бассейне Десны впервые указала М. Е. Фосс⁷.

В. П. Третьяков также отмечает аналогии этой керамике за пределами Волго-Окского междуречья, на стоянках днепро-донецкой культуры и усматривает в этом проникновение отдельных южных племен в бассейн Средней Оки⁸.

Вопрос о датировке памятников «дубровичского» типа пока еще остается нерешенным. А. Я. Брюсов датировал их первой—третьей четвертями второго тыс. до н. э.⁹ И. К. Цветкова находит возможным ограничить конец их существования серединой второго тыс. до н. э.¹⁰ Попытка В. П. Третьякова датировать стоянки «дубровичского» типа второй половиной третьего тыс. до н. э. не может быть признана удачной¹¹. Он пытается синхронизировать их с памятниками, расположенными на основной территории днепро-донецкой культуры, бассейнов Среднего Днепра и Дона, откуда они довольно рано вытесняются ямно-катакомбными племенами и не учитывает того обстоятельства, что в бассейнах Верхнего Дона и Верхнего Днепра, т. е. на территориях, непосредственно примыкающих к Средней Оке, племена, близкие по культуре днепро-донецким продолжали еще жить в начале второго тыс. до н. э.¹² Наиболее близкие аналогии «дубровичской» керамике имеются именно на этих территориях и в особенности на верхнеднепровских и деснинских стоянках¹³. Характер-

⁷ М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово Озеро. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 34.

⁸ В. П. Третьяков. О юго-западных связях рязанского неолита. СА, 1964, № 4, стр. 24.

⁹ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 63.

¹⁰ И. К. Цветкова. Племена рязанской культуры. . . , стр. 126.

¹¹ В. П. Третьяков. Указ. соч., стр. 21.

¹² И. И. Артемько. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 73; И. М. Тюрина. К вопросу о неолите Смоленщины. КСИА, вып. 126, 1971, стр. 119.

¹³ И. И. Артемько. Неолитические стоянки; он же. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 78, 1960; И. М. Тюрина. Указ. соч., и др.

ными общими признаками для первой группы керамики стоянок Беломутово III, Совка II и деснинских стоянок являются: заполнение орнаментом всей поверхности сосудов; большой процент «гусеничного» и «лапчатого» орнаментов; диагональные и горизонтальные ряды, выполненные «отступающей палочкой»; елочка, образованная зубчатым или плоским штампом и т. п. Общим для поздненеолитических верхнеднепровских и «дубровичских» стоянок является присутствие на них керамики эпохи бронзы. В пользу одновременности бытования неолитической керамики и керамики эпохи бронзы свидетельствует наличие ряда общих черт, отмеченных выше, а также присутствие на всех без исключения памятниках «дубровичского» типа керамики эпохи бронзы, типологически очень близкой и имеющей некоторые аналогии на памятниках деснинского варианта среднеднепровской и фатьяновской культур. Это обстоятельство не дает возможности датировать появление памятников «дубровичского» типа в бассейне Средней Оки ранее конца третьего тыс. до н. э. Наличие большого количества «лапчатых» и «гусеничных» отпечатков на верхнеднепровских стоянках также служит показателем их относительно позднего возраста¹⁴. «Лапчатые» и «гусеничные» отпечатки имеются на всех без исключения памятниках «дубровичского» типа; на стоянке Совка II ими покрыто 70% всей неолитической керамики, что указывает на более поздний возраст этой стоянки по отношению к стоянке Беломутово III. Следует отметить чистоту гребенчато-накольчатого керамического комплекса стоянки Беломутово III и полное отсутствие на ней местной ямочно-гребенчатой и волосовской¹⁵, что возможно свидетельствует о враждебных отношениях между пришельцами и местным населением. Подтверждает это и использование темносерого и черного деснинского кремня, а не коричневого окского. На керамике более поздних стоянок уже отчетливо выявляются следы воздействия на пришельцев традиций местных племен рязанской культуры второго этапа и волосовцев, что хорошо прослеживается по керамике стоянки Совка II, имеющей не только примесь песка, но и растительную, г-образную форму некоторых венчиков, характерную для поздневолосовских памятников и элементы орнамента, типичные для волосовской керамики («рамчатый» штамп). Гладкая, «отступающая палочка» заменяется «лапчатыми» отпечатками и ямчатыми вдавливаниями, которые по сравнению со стоянкой Беломутово III гораздо реже наносятся в технике «отступающей палочки», а чаще, как и в ямочно-гребенчатой керамике образуют геометрические фигуры или сплошь покрывают поверхность сосудов. Ямочно-гребенчатая керамика позднего типа, встречаемая на стоянке Совка II, несомненно одновременно основному керамическому комплексу «дубровичской» керамики. Об этом свидетельствует ее стратиграфическое положение и появление отпечатков «рамчатого» штампа и «гусеничных» оттисков. Следует отметить, что керамика с «воротничками» отмечена и на ряде поздненеолитических стоянок Верхнего Днепра¹⁶, что является еще одним доводом в пользу одновременности и тесных контактов поздненеолитических верхнеднепровских и среднеокских племен.

Отражением интенсивного процесса смешения всех групп населения в верховьях Прия является верхний слой стоянки Владычинская береговая, которую А. Я. Брюсов даже затруднялся отнести к какой-либо из двух культур, волосовской или рязанской; О. Н. Бадер относит ее к волосовской, а И. К. Цветкова — к заключительному этапу рязанской культуры¹⁷.

¹⁴ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки. . . , стр. 71.

¹⁵ И. К. Цветкова даже сочла возможным охарактеризовать керамику стоянки Беломутово III как «чистый комплекс керамики днепродонецкого типа» (Указ. соч., стр. 124).

¹⁶ И. М. Тюрина. Указ соч., стр. 115—119.

¹⁷ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 64; О. Н. Бадер. Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе. СА, 1971, № 1, стр. 56; И. К. Цветкова. Стоянка и могильник у дер. Владычино. АО 1970 г. М., 1971, стр. 60.

Конец существования памятников «дубровичского» типа характеризуется появлением «сетчатой» керамики. На стоянке Совка II найдено всего 4 фрагмента «сетчатой» керамики, в верхних горизонтах Владычинской береговой — 5%, есть она и на других памятниках: Борковской I и II, Дубровичской дюнной, Логиновом хуторе, Рыковой слободе, Беломуте. На этих стоянках она довольно толстостенная (до 8—9 мм), имеет примесь мелкотолченой дресвы и иногда растительную, преобладают круглые днища. Абсолютную дату конца существования памятников «дубровичского» типа дает Владычинское погребение, которое О. Н. Бадер относит к самому позднему этапу существования стоянки, «когда появляется сетчатая керамика» и датирует его несколько более ранним временем, чем балановские погребения Николо-Перевоза, то есть ранее XIV в. до н. э.¹⁸

Однако считать «сетчатую» керамику этих стоянок одновременной керамике «дубровичского» типа только на основании их совместного залегания нельзя. Доказательство этому было получено в результате раскопок однослойной стоянки Фефелов Бор I в окрестностях г. Рязани¹⁹. Культурный слой ее не превышает 30 см, очень слабо насыщен находками и перекрыт пойменными отложениями. В одном из жилищ, углубленном в материк на 50 см, зафиксировано совместное нахождение керамики «сетчатой» и орнаментированной «лапчатыми» отпечатками (рис. 3, 12—19). Характер примесей и обработки поверхности сосудов обоих типов тождественны. Кроме того, на отдельных фрагментах с «сетчатой» поверхностью имеются «гусеничные» отпечатки (рис. 3, 12). Венчики некоторых «сетчатых» сосудов имеют «воротнички», характерные для рязанской культуры второго этапа (рис. 3, 13, 14, 17, 18). Приведенный пример свидетельствует о доживании ямочно-гребенчатой керамики с «воротничками» и «лапчатой» до распространения «сетчатой», которая появляется на Средней Оке около середины II тыс. до н. э. Таким образом, время бытования «лапчатой» керамики на Средней Оке — конец III—середина II тыс. до н. э. Дата эта хорошо согласуется со стратиграфическими наблюдениями на стоянке Тростенецкая I, Языковская, Владычинская: «лапчатая» керамика лежит выше поздней ямочно-гребенчатой и волосовской и перекрыта слоями с ранней «сетчатой» керамикой. Вероятно, памятники «дубровичского» типа — результат сложного взаимодействия племен рязанской культуры второго этапа, волосовских и верхнеднепровских (деснинских?). Однако ведущим компонентом в сложении этих памятников племена рязанской культуры не явились. Весь облик дубровичской керамики говорит скорее о близости ее с поздней гребенчато-накольчатой. Поэтому возникает сомнение в правильности отнесения этих памятников к рязанской культуре (А. Я. Брюсов, И. К. Цветкова) или волосовской (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков). По-видимому, было бы целесообразнее среднеокские памятники, характеризующиеся «лапчатой» керамикой, выделить в отдельную дубровичскую культуру.

¹⁸ О. Н. Бадер. Указ. соч., стр. 60.

¹⁹ Стоянка открыта и раскапывалась Б. А. Фоломеевым в 1967, 1970, 1971 гг. Вскрыта площадь 312 м². Полностью раскопаны два жилища. Б. А. Фоломеев. Исследования в бассейне Средней Оки. АО 1971 г. М., 1972.

II. МАТЕРИАЛЫ

Б. Г. ЕРИЦЯН

НОВАЯ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ
ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА ЛУСАКЕРТ I
(АРМЕНИЯ)

В последние годы в процессе изучения палеолита Армении было открыто несколько пещерных стоянок с мощными напластованиями четвертичных отложений, чрезвычайно насыщенные культурные слои которых содержат материалы, свидетельствующие о последовательном развитии одной или нескольких культур в рамках мустьерского вюрма.

В настоящее время на Кавказском перешейке известно 20 пещерных стоянок с комплексами мустьерского времени, но ни в одной из них не отмечено явление интерстратификации (переслаивания различных вариантов мустье). Только на материале пещеры Лусакерт I стал очевидным факт переслаивания различных по типу и времени комплексов мустьерской эпохи.

Пещера Лусакерт I (рис. 1) открыта комплексной археологической экспедицией АН Армянской ССР (рук. А. А. Мартиросян) в 1968 г. во время разведочных работ в каньоне р. Раздан. В 1970 г. палеолитический отряд этой экспедиции под руководством автора начал изучение пещеры. В данном сообщении освещаются полевые наблюдения (1970, 1971 гг.) и предварительные обобщения археологического материала.

Пещера Лусакерт I расположена на правом берегу расширенного участка каньона р. Раздан, в 300 м к западу от реки. Поперечно-овальный вход в пещеру находится в отвесном борту андезито-базальтовой толщи и обращен на северо-восток. Высота толщи над пещерой около 50 м, поверхность отложений лежит на 10 м выше дна оврага, перед пещерой. Абсолютная отметка пола пещеры — 1600 м.

По своим основным геоморфологическим особенностям она аналогична Ереванской пещере. Это неглубокий, широкий грот сравнительно небольших размеров (7 м глубиной, 13 м шириной и 3 м высотой). Площадь внутри пещеры составляет 85 кв. м. Небольшая площадка перед пещерой (100 кв. м) довольно круто (под углом 45°) понижается к оврагу.

Поскольку грот использовался местными жителями для загона скота в жаркое время дня и в дождь, поверхность пола и передней площадки пещеры выровнена, очищена от глыб базальта и покрыта тонким (5 см) кизячным слоем¹.

¹ Верхние слои пещеры, видимо, разрушены при очищении кизячного накопления, употребляемого жителями для удобрения огородов. Большое количество изделий было собрано на поверхности склона площадки перед пещерой до раскопок. Анализ показал разнородность этого материала, не включенного в данную статью.

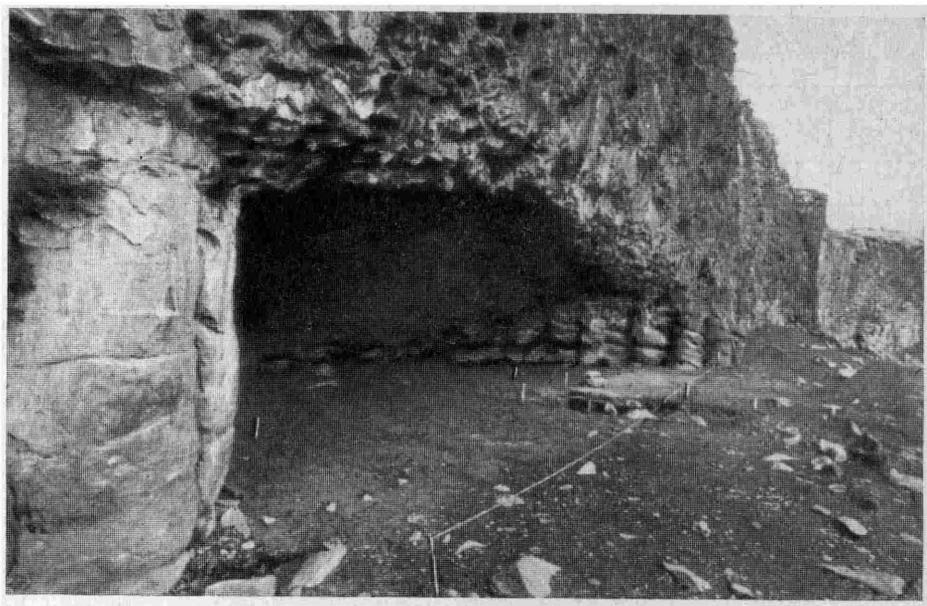

Рис. 1. Общий вид пещеры Лусакерт I

Раскопками 1970—1971 гг. был вскрыт участок отложений между скалистым навесом и передней площадкой, по центральной оси пещеры. При этом основной задачей являлось выяснение геологической позиции напластований пещеры и получение археологического материала, достаточного для определения культурной принадлежности стоянки. Была исследована небольшая площадь (2×6 м), с мощностью слоя до 1,5 м, в результате чего выявлены 4 литологических слоя, представляющих лишь верхнюю часть отложений пещеры: слой А — гумусированная почва (0,05—0,1 м); слой В — светло-коричневатая супесь со щебнем (0,3—0,6 м); слой С — темно-коричневатая супесь, разделен крупнощебенчатый прослоем на два горизонта (0,4—0,6 м); слой Д — светло-желтоватая глина (видимая мощность до 0,6 м). Скалистое дно достигнуто не было.

Стратиграфия Лусакертской пещеры, в отличие от Ереванской стоянки, была очень четкой. Слои имели определенный наклон по направлению к оврагу. Сохранность материала хорошая. Все слои чрезвычайно насыщены культурными остатками (каменные изделия, кости ископаемых животных).

Очаги не были обнаружены, хотя найдены мелкие, потускневшие от огня изделия из камня и обожженные кости. Комплексы остеологического материала стоянки еще не определены полностью. По предварительным данным (С. Х. Межлумян) мустьерские слои стоянки содержат: *Equus caballus*, *Ursus spelaeus*, *Canis lupus*, *Gazella subgutturosa*, *Vulpes vulpes* и т. д. Кости грызунов: (определение И. М. Громова) *Gitellus hantthropymus*, *Ellobius lutescens*, *Microtus* sp., *Mesocricetus* sp., *Allactaga* sp. и т. д. Имеются также кости птиц.

Каменный инвентарь, полученный при раскопках стоянки, насчитывает более 6 тысяч предметов, изготовленных почти целиком (99%) из обсидиана. Коренные выходы местного вулканического стекла имеются в изобилии как в окрестностях пещеры, так и к востоку от стоянки на левом берегу, на обнаженном плато выше ущелья р. Раздан. Помимо этого использованы и разноразмерные речные гальки обсидиана. Обсидиан темный, различных оттенков черного, коричневого и серого цветов. Патина слабая, еле отличающаяся от свежих повреждений.

Таблица 1
Распределение материала по слоям стоянки Лусакерт I

Слой	Нуклеусы	Отщепы	Пластины	Различные сколы	Куски	Количество	%
А	5	85	11	27	59	187	3,1
В	45	1045	387	291	308	2076	34,3
СI	56	842	343	249	257	1747	28,9
СII	37	548	97	201	376	1259	20,8
Д	19	296	13	101	350	779	12,9
Общ. количество	162	2816	851	869	1350	6048	
%	2,8	46,6	14,1	14,2	22,3		100

Ниже дана характеристика индустрии различных слоев (снизу вверх). Слой Д (рис. 2). Коллекция состоит из 779 предметов (рис. 2; 1—10, табл. 2). Малочисленны, но хорошо представлены нуклеусы — 19 (2,4%) различных форм и стадий сработанности. Одноплощадочные — 9 (48,7%), диски — 7 (36,8%), атипичные или аморфные — 3 (15,8%). Все они односторонние, без корки. Ударная площадка оформлена преимущественно одним сколом. Форма ядрищ треугольная, овальная. Несмотря на наличие нуклеусов типа леваллуа (4) заготовки в основном массивные, короткие, с явными признаками клетонской техники скалывания. Много расколотых пополам желваков. Леваллуазские сколы: 11 отщепов (3,7%) и 4 пластины. $Plam$ — 13 (3%). Ножи со спинкой единичны; первичные отщепы — 41 (10%). IF — 18%, IFs — 7%.

Таблица 2²

№ пп.	Изделия	Без обработки	С ретушью	Орудия	Количество	%
1	Нуклеусы	—	—	—	19	2,4
2	Отщепы	143	110	43	296	38
3	Пластины	6	4	3	13	1,6
4	Различные сколы	66	24	11	101	13
5	Куски	184	79	87	350	45
	Всего	399	217	144	779	
	%	51,2	30	18,8		100

Общее количество бифасов 58 (IB — 40,3%). В основном это рубящие, режущие орудия (22), дисковидные формы (18), долота (11), ручные рубила (7), тейкоидные острия и зубцы — 29 (20,1%). Орудия разных форм с крупнозубчатой выемчатой отделкой — 21 (15,3%). Остальные орудия на массивных сколах, с частичной отделкой краев составляют низкий процент и типологически маловыразительны. Вторичная обработка грубая, неустойчивая, в основном крутая. Большинство орудий оформлены оббивкой, подтеской.

Сочетания в комплексе техники леваллуа и клетон, преобладание двустороннеобработанных форм (ручные рубила), режущих форм, дисковидолот, наличие заготовок крупных массивных форм, низкий процент пластин и леваллуазских сколов позволяют нам предварительно отнести индустрию слоя Д к мустье типа Арзни и датировать ранним периодом этой эпохи (премустье?).

² В графу 4 включены изделия с частичной ретушью, а в графу 5 — законченные изделия из категорий заготовок, перечисленных в графе 2.

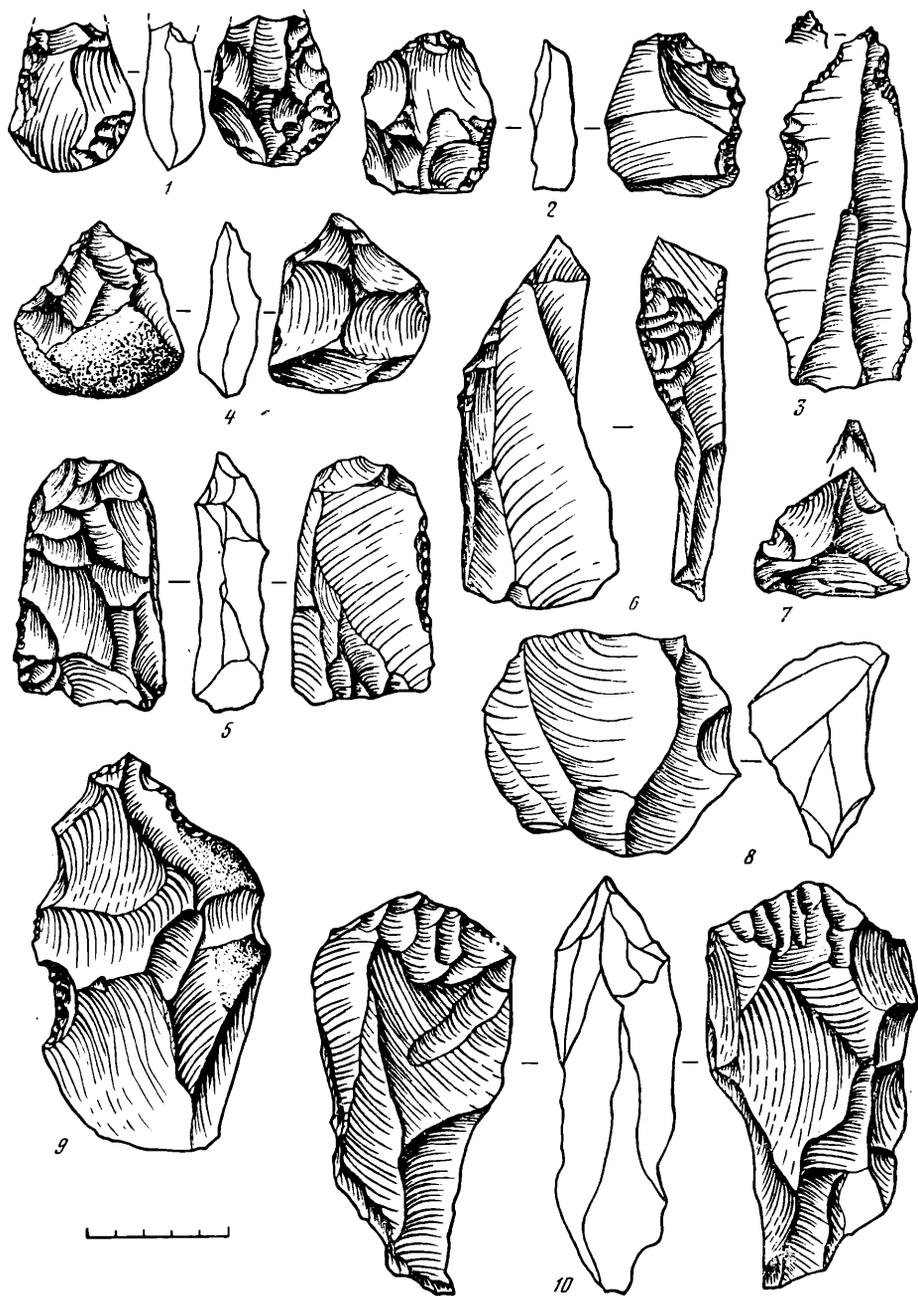

Рис. 2. Каменные орудия стоянки Лусакерт I. Слой Д: 1—10

1—3 — ручные рубильца; 2, 5, 6, 10 — скребущие рубящие орудия; 4 — остроконечник с выемками; 8 — нуклеус; 9 — орудие с выемками на массивном отщепе

Слой С. Стратиграфически состоит из двух горизонтов, по облику археологического материала четко разделяется на два комплекса, каждый из которых можно рассматривать как отдельную культурную ступень. Горизонт СII. Коллекция содержит 1259 предметов (рис. 14, 1—19, табл. 3). Из них нуклеусы — 37 (3%) — подразделяются следующим образом: одноплощадочные односторонние — 14 (38%), одноплощадочные двусторонние — 6 (16,2%), дисковидные — 8 (21,6%), неопределимые — 5 (13,2%), шаровидные — 2, призматические — 2 (5,4%) В целом, нуклеусы

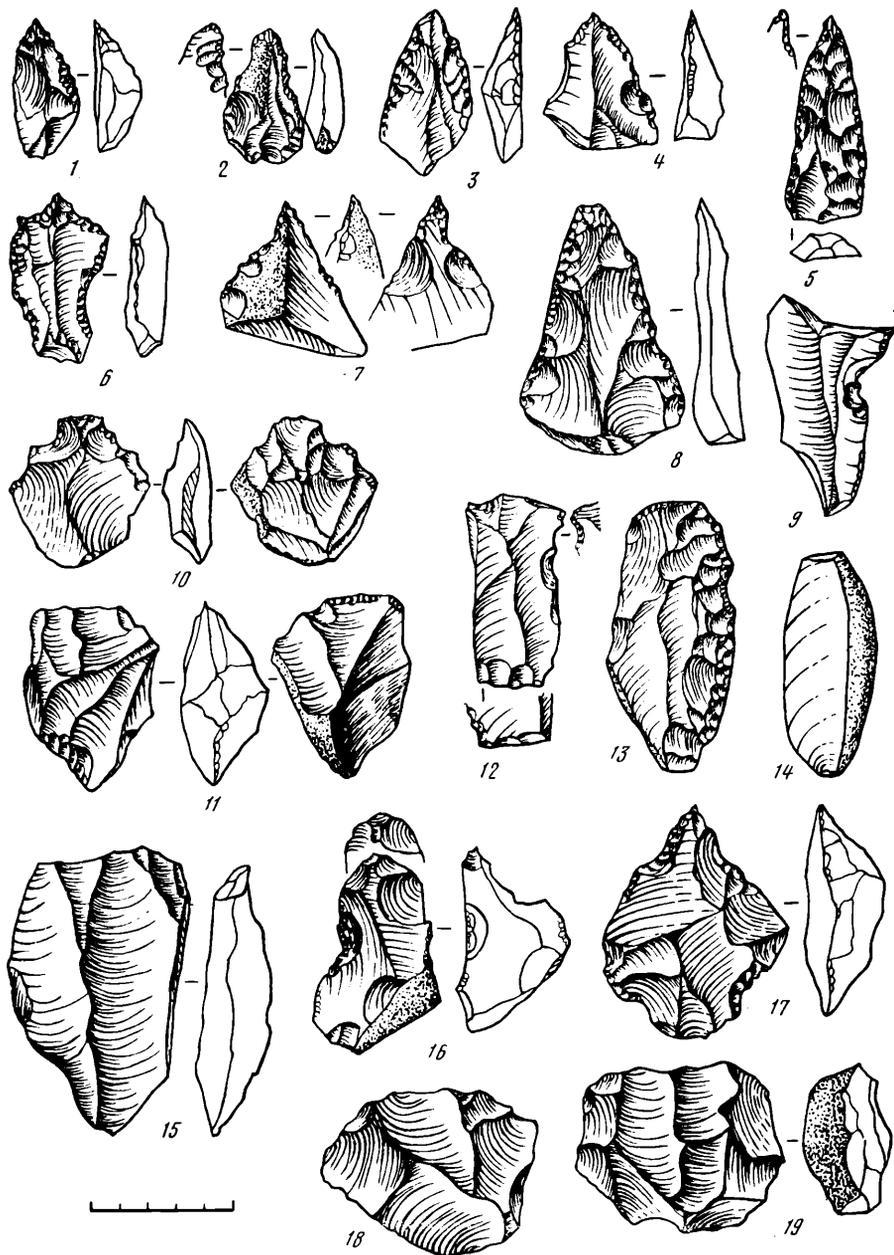

Рис. 3. Слой С II: 1—19

1, 3, 4, 7, 17 — тейжикские острия;
2 — скребок с рыльцем;
5, 8 — мустьевские остроконечники;
6 — орудие с крупнозубчатой отделкой;

9, 16 — орудия с выемками;
10 — дисковидное орудие;
11 — долото;
12 — клювовидное острие;

13 — скребло со спинкой;
14 — нож с естественной спинкой;
15 — нуклеус;
18, 19 — диски

типа нелеваллуа господствуют. Ударные плоскости, тыльная сторона и края на них не подправлены. Тем не менее, превосходное качество естественно уплощенных кусков позволяло обитателям стоянки при скалывании получать сравнительно многочисленные удлиненные заготовки. Сколы леваллуа широкие, тонкие пластины асимметричные и изогнутые в профиле. Основная масса заготовок массивных, укороченных пропорций. Технические данные: IL — 127 (15%), ILam — 97 (13%), IF — 18%, IFs — 10,5%. Среди

орудий первое место занимают ножи с естественной спинкой— 48 (26,8%), из них 21 с частичной отделкой лезвия; тейякских остроконечников— 9, острий— 16, зубцов, шипов, клювовидных острий— 19, вся эта группа тейякоидных форм орудий составляет 44 (25,1%); зубчатовыемчатых типов— 39 (21,8%); мустьерских остроконечников— 16 (9%); скребел различных форм— 14 (7,8%), долот 13 (7,2%). Верхнепалеолитические типы— 5 (2,8%)— представлены скребками с желобчатым краем, с рыльцем, атипичными резами и т. д. Частично обработанных двусторонних орудий— 12 (6,7%). Значителен также процент орудий, рабочий край которых отделан противоположащей ретушью— 43 (24%). Более половины орудий— 21 (50,4%) комплекса— изготовлены из кусков.

Таблица 3

№ пп.	Изделия	Без обработки	С ретушью	Орудия	Количество	%
1	Нуклеусы	—	—	—	37	3
2	Отщепы	279	210	59	548	43,6
3	Пластинки	50	36	11	97	7,4
4	Различные сколы	152	31	18	201	16
5	Куски	182	103	91	376	30
	Всего	663	380	179	1259	
	%	52,6	30,2	17,2		100

Сопоставление показателей слоя Д и СII свидетельствует, что в них почти одинаковы приемы расщепления камня, разница между заготовками из этих слоев лишь в количестве и размерах. Что касается типологии вещей этих индустрий, то здесь вырисовывается противоречивая картина. По своим техническим и типологическим данным индустрия СII может считаться скорее тейяко-зубчатым местным вариантом, чем мустье слоя Д типа Арзни с ашельской традицией.

Горизонт СI. Содержал 1747 предметов (рис. 4, 5—8, 12—15, 17, 18, 20—23, табл. 4). Из них почти половина сравнительно мелких изделий. Нуклеусов— 56 экз. (3,2%), в том числе одноплощадочных односторонних— 14 (25%), из них на отщепе— 11 (19,6%), продольно-поперечных 10 (17,8%), подпризматических— 7 (12,5%), двуплощадочных односторонних 2 (7%), маловыразительных 10 (17,8%). Преобладают ядрища треугольной и овальной формы. Размеры наиболее крупных до 7 см, наиболее мелких— 4 см. Типично леваллуазских ядрищ— 29 (51,5%). В целом нуклеусы и заготовки инвентаря (в отличие от предыдущих комплексов СII и Д) обнаруживают гармоничную согласованность. Заготовки тонкие, преобладают удлиненные формы, грани на спинке отщепов конвергентные, на пластинках— параллельные. Показатели подправок ударных площадок высокие (IF— 61%, IFs— 43%, IЛam— 24%, IЛ— технически 36,7%). Индустрия СI отличается малым количеством готовых орудий— 284

Таблица 4

№ пп.	Изделия	Без обработки	С ретушью	Орудия	Количество	%
1	Нуклеусы	—	—	—	56	3,2
2	Отщепы	395	246	201	842	48,1
3	Пластинки	180	130	33	343	20
4	Различные сколы	164	54	31	249	14,0
5	Куски	168	70	19	257	14,7
	Всего	907	500	284	1747	
	%	53	29,7	17,3		100

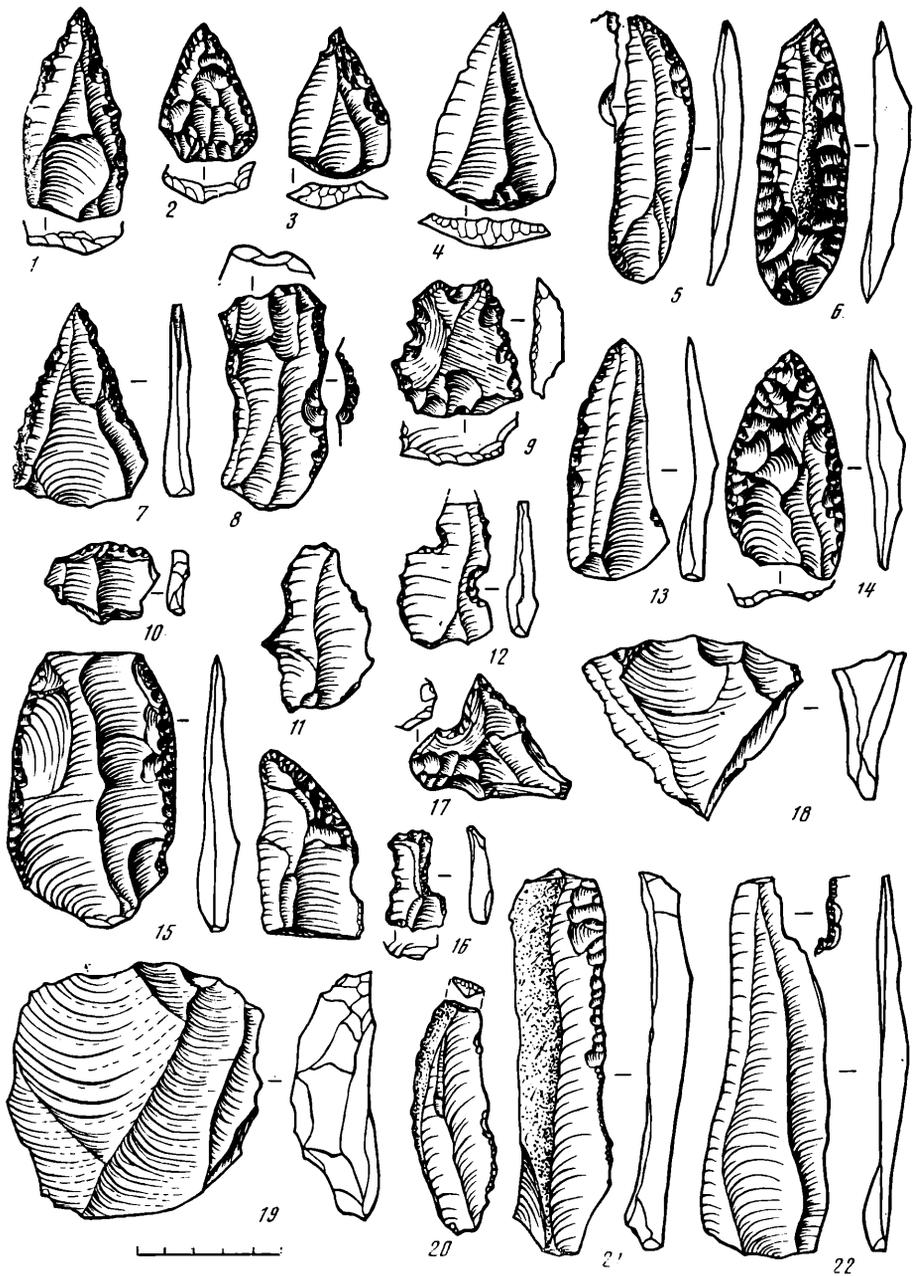

Рис. 4. Слой С1: 1—4, 6—8, 10, 11, 16, 17, 20, 22, 23
Слой В: 5, 9, 10, 12—15, 18, 19, 21

1, 2, 11 — остроконечники с утонченным основанием (ереванского типа); 3, 4, 7 — леваллуазские острья;
5, 6, 22 — скребла-ножи; 8, 9, 13—15, 19, 23 — зубчатые орудия; 10, 12, 17, 18 — скребла

(17,3%). Основные виды их: остроконечники типа леваллуа — 29 (45%), из них без обработки — 97, с обработкой (верхняя треть) — 31. Скребла: простые — 16, двойные — 12, со сходящимися краями, симметричные — 9 и асимметричные — 5, всего 146 (16,2%). Орудий с зубчатой отделкой — 29 (10,2%). Ножей с натуральной спинкой, иногда с обработкой лезвия — 24 (8,4%). Верхнепалеолитических форм — 23 (8,1%), мустьерских остроконечников — 17 (6%), выемок ретушированных — 12 (4,2%), долотопориков — 12 (1,8%).

Таким образом, инвентарь этого горизонта представляет собой выразительный и устойчивый набор орудий, характерных для леваллуазского варианта мустьерской культуры. Чрезвычайно искусные поделки, ретушированные по контуру тонкой плоской ретушью, являются типичными. Особый интерес представляет группа изделий-61 (3,5% всего инвентаря) — с утонченным основанием или концом. Поскольку они типологически (особенно остроконечники) сходны с такими же орудиями из Ереванской пещеры, то могут послужить, помимо всего, индикаторами хронологического порядка.

Слой В этой стоянки содержит наибольшее количество (2076) изделий по сравнению с комплексами других слоев (рис. 4, 1—4, 9—11, 16, 19). Нуклеусы, как обычно, составляют ничтожный процент — 45 (2,1%). Доминируют леваллуазские нуклеусы одноплощадочные — 26 (58%), двухплощадочные — 10 (22%), подпризматические — 3 (6,6%), остаточные — 6 (13,2%). Все они односторонние. Заготовкой для 27 из них (60%) послужили крупные отщепы, среди них: треугольные, подпрямоугольные, овальные. Размеры ядрищ сравнительно стабильны (5—6 см в длину), сработанность средняя. Заготовки тонкие, правильные. Некоторые пластины имеют размер до 14 см. Отщепы также отличаются удлиненностью пропорций.

Таблица 5

№ шп.	Изделия	Без обработки	С ретушью	Орудия	Количество	%
1	Нуклеусы	—	—	—	45	2,1
2	Отщепы	487	307	251	1045	50,4
3	Пластины	197	129	61	387	18,1
4	Различные сколы	198	70	23	291	14,1
5	Куски	154	121	33	308	14,7
	Всего	1036	627	368	2076	
	%	50	31	19		100

Индустрия этого слоя характеризуется следующими показателями: iL — 25,4%, $ILam$ — 22,4%, показатели ударных площадок: подправленных — 34%, фасетированных — 53%.

Устойчивыми типами орудий являются: зубчатые — 198 (53,8%), ножи (некоторые с частичной отделкой) — 59 (16%), верхнепалеолитические типы — 31 (8,4%) (представлены остриями — 15, скребковидными формами — 9, резцами с плоскими резовыми сколами — 7), выемки — 27 (7,3%), скребла — 18 (4,9%), из них простые — 8, двойные — 10, ножи-скребла 11 (3%). Орудия, не поддающиеся классификации — 18.

Приведенные данные показывают, что и здесь налицо некоторые отличия индустрии слоя В от комплекса подстилающего его С1. Хотя между ними и не прослеживается резкого различия, тем не менее, нет оснований относить комплексы этих слоев к одной фации и считать их однородными.

Индустрия слоя В по своей выразительности может послужить эталоном для зубчато-леваллуазских комплексов данного региона и отражает еще одну разновидность зубчатых индустрий Армении. Что касается отдельных совпадений (близость технических показателей, типов некоторых орудий), то эти совпадения вряд ли могут служить убедительными доказательствами генетического единства памятников; такие элементы широко представлены в материалах любого варианта мустье и в каждом отдельном случае могут иметь самостоятельное развитие.

Слой А. Материалы самого верхнего слоя малочисленны (всего 187 экз.) и представляют собой комплекс неразрушенной части слоя. Из 5 нуклеусов леваллуазских — 3, дисков — 1, шаровидных — 1. Заготовки мелкие, но массивные. Пластин всего 6. Орудия составляют значительный процент инвентаря — 39 (20%): скребла — 12 (поперечные 6, конвергент-

ные 3, угловатые 3). Ножей — 8, остроконечников — 5, зубчатых орудий — 4, выемок — 2, долот — 1.

Материалы этого слоя для каких-либо ответственных выводов явно недостаточны. Таким образом, анализ каменного материала позволяет заключить, что формирование мустьертских культур стоянки Лусакерт I шло в основном в разных направлениях, на базе местных традиций обработки камня и некоторых заимствований. Высокая концентрация и аккумуляция культурных остатков (на кубический метр — 540 предметов) говорит о длительности обитания данного поселения. Анализ инвентаря различных слоев позволяет проследить качественные изменения материала в разрезе стоянки. Сложившиеся в разное время и, видимо, различными путями комплексы этого памятника, наряду с конкретно морфо-типологическими характеристиками, различающими их, отражают общие черты закономерного развития индустрий стоянки в целом. Они выражаются в уменьшении (послойно, снизу вверх) массивности и размеров всех типов изделий, постепенном исчезновении дисковидных нуклеусов и клетонских сколов, двусторонне обработанных форм, возрастании числа нуклеусов из отщепа, пластинчатости сколов и выемок с ретушью. Вместе с тем намечается нарастание изменчивости типов орудий, дифференциация их форм. В инвентаре различных слоев поразительна стабильность процента нуклеусов.

Особый интерес для корреляционных построений представляют региональные особенности как наиболее связанные с существенными изменениями хронологического порядка: тесная взаимосвязь между типами нуклеусов и различными заготовками (несмотря на их морфологические отличия), раннее проявление техники леваллуа и ее постепенное развитие, возникновение приема утончения изделий и т. д.

Исследователями палеолита³ нередко отмечалось своеобразие нижнепалеолитических индустрий в географических обособленных районах Кавказского перешейка. Изучения новых стоянок со специфическими комплексами полностью подтверждают эти высказывания⁴.

Сейчас нельзя еще определить точно, с какими индустриями данного региона генетически связаны лусакертские комплексы. Они наиболее близки мустьертским культурам Армении: Арзни⁵ (наш слой Д), Ереван I, Ераблур⁶ (наш слой СII), Ереван I, слой 3—4 (наш слой CI) и т. д.

Такие же параллели можно найти и среди мустьертских стоянок Ближнего Востока: Ябруд I⁷, слои 7—9 (наш слой В), ниже слой 9 Ябруд I⁸ и IV навес Ябруда⁹ (наш слой СII). Стоянка Лусакерт I по характеру чередования разных индустрий наиболее близка стоянке Ябруд I. Вопросы, связанные с генезисом мустьертских индустрий Лусакертского поселения, остаются пока неясными. Имеем ли мы дело с генетической преемственностью (определяемой немногими наследственными факторами) или с процессом наследования разных этнических групп? Ответы на эти вопросы могут быть даны только в результате расширения исследования площади стоянки, сопоставления изделий из разных участков каждого слоя и изучения аналогичных памятников в этом районе (пещеры Лусакерт II).

³ В. П. Любин. Ранний палеолит Кавказа. «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР». М., 1969; А. Н. Каландадзе. К истории изучения памятников древнепалеолитической культуры в Грузии. Тбилиси, 1964; И. И. Коробков. К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий. «ДСА на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966.

⁴ Б. Г. Ерицян. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа. Автореф. канд. дисс. М., 1970.

⁵ М. Э. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950.

⁶ К. И. Карапетян, Б. Г. Ерицян. Новое Ераблурское мустьертское местонахождение в Армении. «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», 1969, № 2.

⁷ A. Rust. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster, 1950.

⁸ A. Rust. Über Kulturen des Neanderthalers im Nahen Osten. «Hundert Jahre Neandertaler. Beihefte der Bonner Jahrbücher», Bd. 7, Bonn, 1958.

⁹ R. S. Solecki. The Shemsi Industry, a Tayacian Related Industry at labroud, Syria. «La préhistoire. Problèmes et tendances». Paris, 1969.

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФУНКЦИЙ
КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ГУБСКОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ
В ПРИКУБАНЬЕ

Систематическое изучение мустьерских каменных орудий на основе трасологического метода началось лишь в последние годы. Несмотря на это, в инвентаре целого ряда мустьерских стоянок в настоящее время обнаружены отдельные орудия с отчетливыми следами изнашивания от работы. Эти следы позволили установить действительные функции данных орудий и получить исключительно ценные свидетельства о производственной деятельности мустьерского человека. Следы изнашивания на орудиях показали, в частности, что мустьерцы выделывали и шивали шкуры животных, обрабатывали дерево и другие материалы. При этом они практиковали разные приемы обработки, такие как резание, скобление, прокалывание и строгание. Были известны им и приемы рецовой обработки материалов¹. Производственные операции, как оказалось, зачастую осуществлялись невыработанными и нестандартными по форме орудиями, в морфологических признаках которых при технико-типологическом изучении далеко не всегда угадывались установленные функции.

Возможность применения трасологического метода для изучения мустьерских материалов и значительные успехи исследований, проведенных в этом направлении, ставят в настоящее время задачу трасологического изучения массовых коллекций и определения функций, по возможности, значительного числа орудий из инвентаря мустьерских стоянок. Изучение функций больших серий орудий из стоянок, несомненно, будет иметь важное значение для решения широкого круга вопросов, связанных с производственной деятельностью, развитием трудовых навыков, сложением психики и социальной организации мустьерцев, историей техники и хозяйства. В первую же очередь оно будет, как нам представляется, способствовать глубокому и всестороннему исследованию производства, организации и культуры населения конкретных мустьерских стоянок.

Изучение функций мустьерских орудий по следам изнашивания от работы сопряжено, однако, с большими трудностями. Нередко мустьерские орудия имеют повреждения в виде люстража и легкой исцарапанности поверхности и выкрошенности краев. Подобные повреждения в ряде случаев характерны не только для орудий из подъемных коллекций. Они часто об-

¹ С. А. Семенов. Трасологическое изучение орудий древнего палеолита, «ДСА СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966, стр. 18—26; Н. Д. Праслов. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968; Н. Д. Праслов, С. А. Семенов. О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья. КСИА, вып. 117, 1969, стр. 13—21; С. А. Семенов, В. Е. Щелинский. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях. СА, 1971, № 1, стр. 19—29; Б. Г. Ерицян, С. А. Семенов. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван». КСИА, вып. 126, 1971, стр. 32—36; В. П. Любин, Л. Н. Соловьев. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа. МИА, № 173, 1971, стр. 34—36; Ю. Г. Колосов. Шайтан-Коба — мустьерская стоянка Крыма. Київ, 1972, стр. 118—124.

наруживаются и на орудиях, казалось бы, из непо потревоженных культурных слоев. На многих орудиях с повреждениями обычно не сохраняются следы изнашивания от работы, и они часто оказываются вообще непригодными для трасологического изучения². Очень усложняет анализ коллекций слабая изношенность большинства мустьерских орудий, не имеющих отчетливо выраженных линейных следов и заполировки изнашивания, которые принято считать основными диагностическими признаками функций. Для выявления таких следов приходится скрупулезно исследовать орудия не только под бинокляром, но и при помощи более сложной оптической и фотографической аппаратуры (металлографической и двойной микроскопы) и широко использовать данные экспериментальных исследований.

Одним из мустьерских памятников, функции каменных орудий которого в настоящее время исследуются трасологическим методом, является Губская (Монашеская) пещерная стоянка близ ст. Баракаевской на р. Губе в Прикубанье³.

Памятник был открыт в 1961 г. П. У. Аутлевым и П. А. Дитлером и исследован пока лишь предварительно. Он датируется поздним или финальным мустье и сопоставляется с памятниками типа «классического мустье»⁴.

Добытый на стоянке каменный инвентарь происходит из единого культурного слоя и в целом насчитывает свыше 1000 предметов⁵.

В настоящее время нами исследована выборочная коллекция изделий со стоянки⁶, состоящая из 131 предмета. Среди них 66 экземпляров орудий со вторичной обработкой, 57 отщепов и пластинок без обработки или с бессистемной ретушью по краю, 8 нуклеусов. Большинство предметов изготовлены из серого, темносерого и черного кремня, около десятка — из розоватого и молочно-белого. Кремень серого цвета, довольно крупнозернистый и орудия из него имеют шероховатую поверхность. Кремень темно-серый и черный в основном тонкозернистой структуры с гладкой поверхностью скола. Находки не патинизированы и не окатаны. На поверхности некоторых предметов сохранились прикипевшие карбонатные и марганцовистые корочки. Признаки повреждения в виде люстража разной интенсивности и иногда легкой исцарапанности и мелкой двусторонней выкрошенности краев⁷ обнаружены на 95 предметах. 80 из них признаны непригодными для трасологического анализа.

Следы изнашивания от работы установлены на 34 орудиях⁸. По совокупности этих следов, сопоставимых с признаками изнашивания на опытных кремневых образцах, на орудиях прослеживаются следы изнашивания: от скобления и прокалывания шкур животных, резания мяса и дерева, скобления дерева (и кости), подправки и ретуширования кремневых орудий.

Изнашивание от скобления шкур животных бывает двух разновидностей. В одном случае оно представлено равномерной и сравнительно далеко

² По-видимому, для определения функций таких орудий потребуются разработка специальных экспериментальных приемов исследования путем установления сравнительных показателей эффективности использования орудий в зависимости от особенностей их морфологии и деталей вторичной обработки.

³ П. У. Аутлев. Губская палеолитическая стоянка. СА, 1964, № 4, стр. 172—176.

⁴ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 39—40; он же. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье. МИА, № 173, 1971, стр. 116.

⁵ П. У. Аутлев. Губская палеолитическая стоянка, стр. 174.

⁶ Коллекция доставлена в ЛОИА и обрабатывается В. П. Любыным.

⁷ Фасетки выкрошенности краев от повреждений, как правило, имеют разный угол наклона, они обычно крутые, неправильной формы, располагаются с обеих сторон края бессистемно. В целом же по морфологическим признакам их бывает трудно отличить от следов изнашивания края в результате резания и пиления дерева и кости неретушированными отщепами. Выделяя следы повреждений орудий в виде выкрошенности краев, мы учитываем наличие на их поверхности и других признаков повреждений, таких как царапинок, участков с вдавлениями и люстража.

⁸ На 17 орудиях следы изнашивания или отсутствуют, или интерпретация их в настоящее время представляется крайне затруднительной.

заходящей на плоскости двусторонней заполировкой рабочего края и очень тонкими и короткими линейными следами — царапинами, которые приурочены к участкам заполировки, преимущественно на кромке и ориентированы поперек линии края орудия (рис. 1, 7). Кромка края от истирания выровнена в плане и плавно закруглена в поперечном сечении (если рассматривать под увеличением). Данные признаки изнашивания свидетельствуют об обработке мягких непросушенных шкур животных (мездрении). Такие следы изнашивания установлены на 3 орудиях. Одно из них типологически скребло с выпуклым рабочим краем, заостренным под углом 52° (рис. 1, 7). По-видимому, оно специально изготовлено для скобления шкур. Совпадение функции, формы и деталей вторичной обработки у этого орудия позволяет определить его как скребок. Два других орудия остроконечной формы (угловое скребло и леваллуазский остроконечник). Непродолжительное скобление производилось остриями. Не исключено, что функция скобления у этих орудий вторичная; они были изготовлены, скорее всего, для резания, на что указывает слабый износ орудий от скобления⁹ и заостренной ретушью рабочий край (рис. 1, 5; 2, 8). Такая форма и обработка рабочего края, несомненно, более целесообразны для режущих орудий.

Другая разновидность следов изнашивания от скобления шкур животных отличается несколько более грубой деформацией рабочего края орудий. Заполировка распространяется по краю узкой полоской (на спинке орудия заполировка несколько шире) и на кромке постепенно переходит в легкую шлифовку. Здесь же прослеживаются единичные резко прочерченные поперечные линейные следы. Поперечное сечение кромки края на месте шлифовки имеет форму дуги со слегка уплощенной вершиной. Отмеченные признаки изнашивания характерны для скобления более жестких, сухих шкур. Они прослежены также на 3 орудиях, которые представляют собой типологически скребки на отщепках (рис. 1, 1; 2, 2). Весьма показательно, что по морфологии и следам изнашивания они тождественны позднепалеолитическим скребкам, которые использовались для чистовой обработки шкур¹⁰. Следы изнашивания, по-видимому, от прокалывания и провертывания шкур в процессе их сшивания обнаружены на двух орудиях остроконечной формы (рис. 1, 9; 2, 7). Они проявляются в виде легкой двусторонней заполировки и сглаженности верхней части острия орудий и тончайших линейных следов (на одном орудии), которые на вершине ориентированы вдоль или под небольшим углом, а на боковых краях — поперек оси острия. С нижней плоскости орудие заполировано сплошь, с верхней стороны — отдельными участками на ребрах фасеток ретуши. У самой вершины острия заполировка устанавливается также в раковинках фасеток. Форма и характер обработки орудий и прежде всего их рабочих краев с описанными следами изнашивания позволяют заключить, что они изготовлены только для прокалывания.

Следы от резания мяса и дерева не всегда отличаются друг от друга вследствие слабой изношенности орудий. От резания мяса на краях наблюдается очень мелкая двусторонняя выкрошенность, особенно заметная на кромке лезвия, фасетки выкрошенности размером более 1—2 мм единичны. Обычно она сопровождается легкой двусторонней заполировкой, которая располагается отдельными участками на выступающих углах и ребрах фасеток и на некоторых выровненных гранях края (рис. 1, 10). Вследствие выкрошенности линия края мелко зазубрена и извилиста. Такого же рода заполировка и отсутствие линейных признаков характерны для орудий, используемых для резания дерева и других твердых материалов. Однако в этом случае они сопровождаются более интенсивной выкрошенностью

⁹ Эксперименты показывают, что при скоблении шкур кромка рабочего края скребка изнашивается (затупляется) довольно быстро.

¹⁰ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 108.

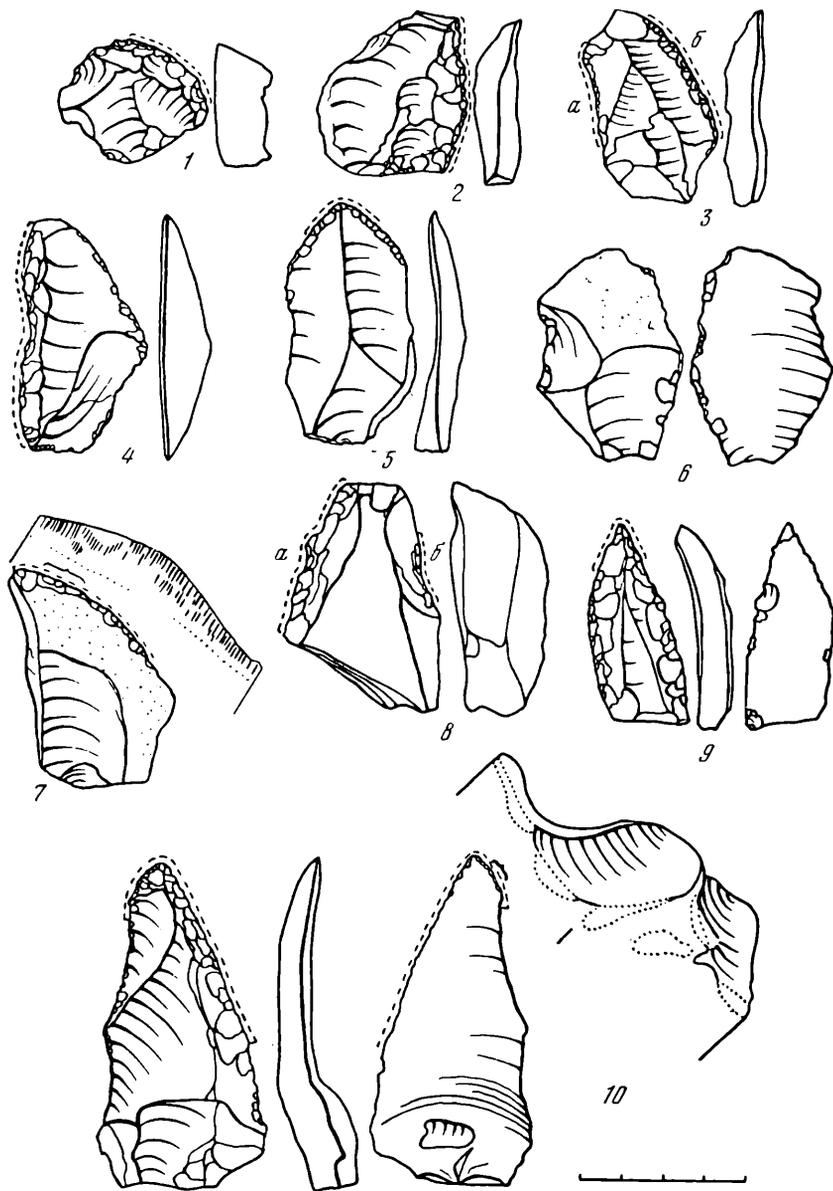

Рис. 1. Кремневые орудия Губской мустьерской стоянки

1, 7 — скребки; 2, 4 — скобели; 3 — скобель-скребок (а, б — рабочие края со следами изнашивания от скобления дерева и кости); 5 — скребок-нож;	6 — отщеп со следами повреждения (выкрошенности) краев; 8 — скобель (а, б — рабочие края со следами изнашивания от скобления дерева и кости); 9 — проколка;	10 — нож. Прерывистая линия показывает рабочие края орудий со следами изнашивания от работы, точечная линия — границы участков заполировки на краях

края, когда фасетки располагаются бессистемно с обеих сторон его. Они неправильной формы, имеют разный угол наклона и обычно не крупнее 2—3 мм. Те и другие следы изнашивания чаще всего прослеживаются на краях одних и тех же орудий, что свидетельствует об использовании их для работы по разным материалам. Следы изнашивания от резания обнаружены на 10 орудиях. 6 из них (4 угловых скребла, 2 остроконечника) тщательно отделаны и по праву могут быть названы ножами (рис. 1, 10;

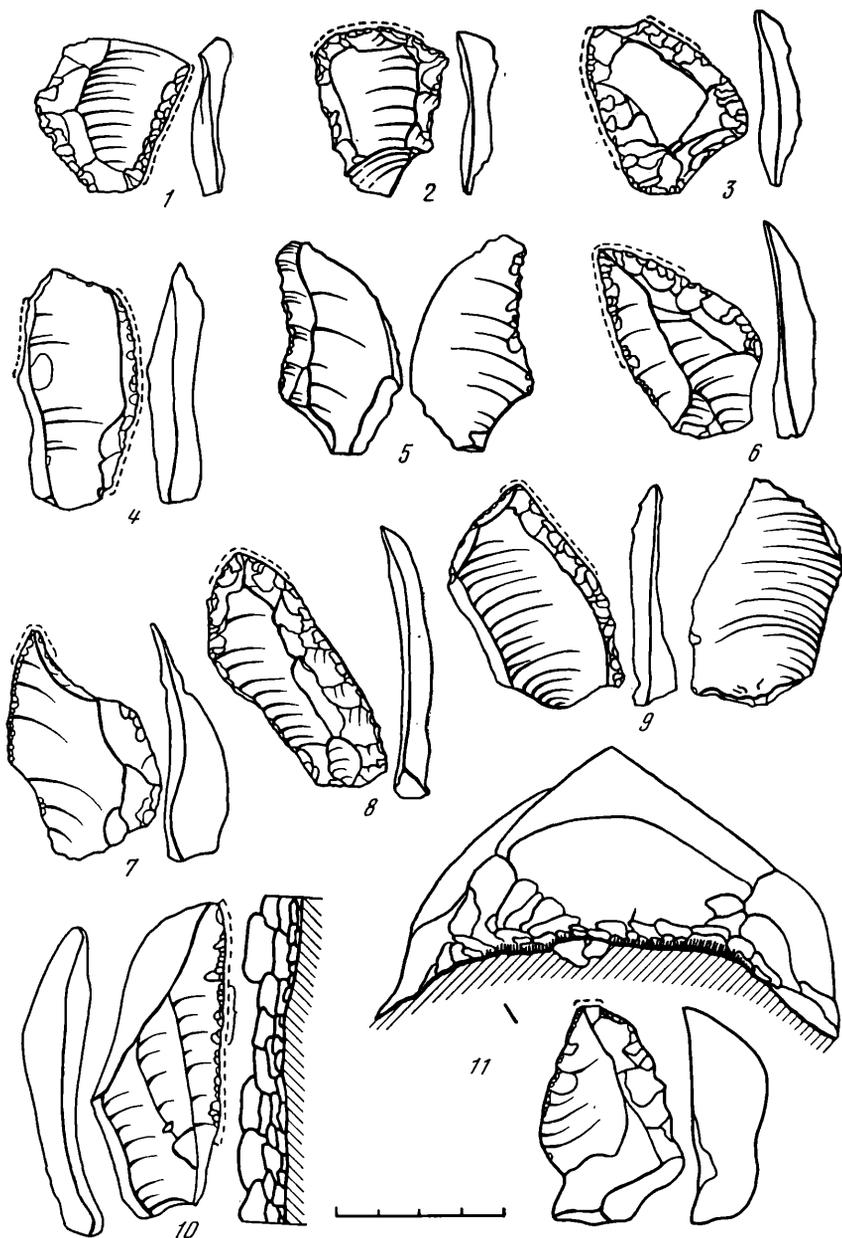

Рис. 2. Кремневые орудия Губской мустьерской стоянки

1 — скобель-нож;	6 — рабочий край со следами изнашивания от резания;	10 — скобель;
2 — скребок;	5 — отщеп со следами повреждения (выкрошенности) края;	11 — резчик-скобель. Прерывистая линия показывает рабочие края орудий со следами изнашивания от работы
3, 6, 9 — ножи;	7 — проколка;	
4 — скобель-нож	8 — скребок-нож;	
(а — рабочий край со следами изнашивания от скобления дерева и кости,		

2, 3, 4, 9), хотя некоторые из них могли использоваться также и в качестве наконечника дротика (рис. 2, 3). Из четырех остальных ножей один имеет незначительную ретушь на выпуклом рабочем крае, три лишены какой-либо вторичной обработки (рис. 2, 4).

Отличительным признаком следов от скобления дерева и кости является интенсивная выкрошенность рабочего края орудий, преимущественно

односторонняя и нередко напоминающая мелкую регулярную ретушь обработки (размер фасеток 2—4 мм). Крупные фасетки выкрашивания сопровождаются многочисленными и также односторонними мелкими заломами на кромке, имеющими форму мельчайших, часто микроскопических укороченных фасеток. Они как бы накладываются одна на другую (рис. 2, 10) и затупляют кромку рабочего края орудия под углом 70—130°. Заполировка края при этом слабая и ограничивается узкой полоской по кромке. Здесь же прослеживаются единичные и очень тонкие линейные следы, имеющие поперечную ориентацию; чаще, однако, они отсутствуют. Зубчатость линии края иногда достигает 2—3 мм. Следы изнашивания от скобления дерева (и кости) установлены на 15 орудиях¹¹. 9 из них в типологическом отношении являются скреблами (с выпуклым краем — 4, прямыми — 5, вогнутым — 2), 5 — отщепами без обработки или с мелкими в основном бессистемными фасетками по краю, 1 — массивным острием на отщепе. Интенсивная, но вместе с тем грубая вторичная обработка в виде крупной ретуши характерна для 6 орудий (типологически скребла). Они сильно изношены от работы. Угол заострения края крутой (от 58 до 83°). Линия края извилистая и зубчатая (рис. 1, 2, 4, 8). Характер обработки рабочего края этих орудий свидетельствует, что они изготовлены именно для грубого скобления твердого материала¹². Отмеченные скобели¹³, по-видимому, неоднократно подправлялись в процессе работы¹⁴ и допустимо, что ретушь и конфигурация их рабочих краев являются результатом не предварительной обработки, а подправки орудия по мере его затупления¹⁵. Значительно меньше использовались в работе 6 скобелей — отщепы с мелкими фасетками по краю, являющимися в основном следами изнашивания от работы (рис. 2, 10). Очень слабо изношены также два орудия (типологически скребла) с тщательно отретушированными рабочими краями. Функция скобления дерева у этих орудий является, скорее всего, вторичной. Одно из них (рис. 1, 3), по-видимому, изготовлено для скобления шкур, другое (рис. 2, 1) служило ножом. Особый интерес представляет скобель с массивным суженным рабочим краем, изготовленный из толстого треугольного в сечении отщепа (рис. 2, 11). Рабочий край имеет долотовидную форму и образован одним плоским срединным сколом со стороны спинки орудия. Рабочая кромка располагается с нижней стороны. Правый край орудия обработан крупной зубчатой ретушью со стороны спинки, левый — оставлен практически без обработки. Отчетливые следы изнашивания в виде характерных для скобелей выкрошенности и резко прореченных линейных следов¹⁶ прослеживаются по кромке доло-

¹¹ На одном из этих орудий имеются, кроме того, следы изнашивания от резания (рис. 2, 4). Оно учтено также в числе ножей. У четырех орудий отмечается по два рабочих края со следами от скобления дерева и кости (рис. 1, 3, 8). При этом степень износа и очертания краев различны.

¹² При грубом скоблении наиболее эффективны орудия, у которых рабочий край обработан односторонней зубчатой ретушью.

¹³ Орудия со следами изнашивания от скобления дерева и кости в отличие от скребков, служивших для скобления шкур и имеющих совершенно другие следы изнашивания, мы называем скобелями.

¹⁴ От скобления дерева и особенно кости край каменного орудия быстро затупляется за счет выкрашивания и снятия рабочей кромки и нуждается в частой подправке ретушью (в среднем через 20—30 мм). Частая подправка обуславливает крутизну и значительную изменчивость очертаний рабочего края орудий.

¹⁵ Как показывают эксперименты, у наиболее распространенной категории скобелей, служивших для обработки плоских и округлых заготовок, совершенно нет необходимости в предварительном ретушировании и оформлении рабочего края. Любой отщеп или осколок камня может служить прекрасным скобелем, ибо рабочие качества неретушированного и ретушированного края в большинстве случаев практически одинаковы. Существенно не влияет на эффективность использования скобеля также угол заострения его рабочего края.

¹⁶ Отмечается закономерность: чем уже рабочий край орудия, тем большее напряжение он испытывает при работе и тем отчетливее проявляются на нем линейные следы изнашивания.

товидного края и не выходят за его пределы. В отличие от рассмотренных выше скобелей, служивших для обработки широких уплощенных или сферических поверхностей, данное орудие использовалось для выскабливания полостей или широких пазов в деревянных заготовках и является специализированным орудием. Такого рода инструменты, получившие название «резчиков-скобелей», в настоящее время широко известны из неолитических стоянок¹⁷. В мустьерских материалах эта разновидность орудий для обработки дерева выделяется впервые.

Следы, характерные для ретушеров, выявлены на двух орудиях. Они приурочены к гладким, «бугорковым» частям нижней плоскости орудий. Проявляются в виде мелких удлиненных или неправильных по форме лунок с рваными краями, которые близко располагаются друг к другу и концентрируются на небольшой площади. Аналогичные следы на кремневых орудиях из мустьерских стоянок уже описаны в литературе¹⁸.

Трасолого-функциональные исследования пока лишь очень небольшой и выборочной коллекции каменных изделий, разумеется, не позволяют в полном объеме охарактеризовать хозяйственную деятельность мустьерского человека на Губской стоянке и установить процентное соотношение между различными видами этой деятельности. Что же касается основных черт отраслей производства на стоянке, то они уже сейчас выявляются достаточно отчетливо.

Помимо изготовления кремневых орудий и применения их при разделке охотничьей добычи, орудия особенно широко использовались для обработки дерева и, вероятно, кости. Распространенным способом обработки было скобление и резание. Обработывались, по-видимому, древки рогатин, дротиков и простых приспособлений для копания. Возможно, изготовлялись также и наконечники из твердых пород дерева (тис, самшит). Для этих целей употреблялись весьма простые орудия, не требующие ни тщательной отделки рабочего края, ни общего оформления. По-видимому, имела место и более развитая форма применения дерева. Наличие в коллекции специализированного скобеля с узким рабочим краем (резчик-скобель) позволяет предполагать, что обитатели стоянки изготовляли весьма сложные деревянные изделия (посуда, орудия с пазами?).

Видное место на стоянке занимала также обработка шкур животных, которые к тому же сшивались. По орудиям устанавливаются две стадии обработки шкур: мездрение и пушение бактармы. Чрезвычайно важно, что чистовая обработка шкур производилась скребками, ничем не уступающими соответствующим позднепалеолитическим орудиям.

Приведенные в настоящем сообщении данные о функциональном назначении каменных орудий свидетельствуют о разнообразной и, по-видимому, долговременной производственной деятельности коллектива охотников на стоянке. В ряде случаев она сопровождалась изготовлением специализированных орудий, которые указывают на довольно высокий уровень развития отдельных отраслей производства.

Заслуживают внимания факты, указывающие на широкое использование дерева. В этом отношении данная стоянка отличается от одновременной мустьерской стоянки Носово I, находящейся в Приазовье, пока единственной изученной трасологически. Там среди многочисленных орудий со следами изнашивания орудия для обработки дерева представлены ограниченным числом экземпляров, в то время как скребки для мездрения шкур составляют значительный процент. Дальнейшие исследования позволят дать всестороннюю интерпретацию отмеченных производственных различий между мустьерскими стоянками.

¹⁷ С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 118—120; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969, стр. 22.

¹⁸ С. А. Семенов. Следы работы на орудиях и доказательства работы неандертальцев правой рукой. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 13—14; Н. Д. Праслов, С. А. Семенов. О функциях мустьерских каменных орудий из стоянок Приазовья, стр. 17—18.

В. Я. СЕРГИН

О ПЕРВОМ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ
КОМПЛЕКСЕ ЕЛИСЕЕВИЧЕЙ

Верхнепалеолитическое поселение Елисеевичи получило мировую известность благодаря замечательным произведениям искусства. Однако памятник в целом, в связи с тем, что исследовался давно и о нем не сохранилось достаточной документации, остается не до конца понятным.

По мнению К. М. Поликарповича, в Елисеевичах имелось овальное жилище (9,4×8,8 м), в середине которого помещалась неглубокая «спальная яма»¹. Вместе с тем характеристика участка культурного слоя с предполагаемым жилищем дана очень обобщенно, границы не обоснованы и даже не обозначены на плане. Поэтому существование такого необычного жилища представляется маловероятным. Приняв точку зрения К. М. Поликарповича, нам пришлось бы признать, что по столь важному элементу культуры, как тип жилища, Елисеевичи выпадают из группы сходных памятников (Юдиново, Добраничевка, Мезин и др.).

Большой интерес в связи с этим вызывает скопление из 27 черепов и других костей мамонта в раскопе I (1935 г.)², план которого, к сожалению, утрачен. Второй исследователь поселения, В. Д. Будько, считает возможным видеть в скоплении остатки жилища³. Но поселение в целом интерпретировано им, по-видимому, неверно. Он полагает, что жилищем являлось и «чурингохранилище» раскопа 3 (1946 г.), и яма, изученная им в 1963 г. «Ход», обнаруженный в раскопе 1 и 2, по его мнению, представляет собой остатки небольшого жилища или краевой спальной ямы⁴.

«Чурингохранилище» имело вид заглубленной в землю овальной чаши, к стенам которой было приложено несколько лопаток мамонта. Ее размеры по верху равнялись 1,53×1,34 м, по дну 1,2×0,68 м, глубина около 0,4—0,5 м⁵. Очевидно, яма слишком мала, чтобы служить жилищем. То же относится и к «ходу». Промежутки между врытыми в землю лопатками и тазовыми костями не могут быть достаточными для жилища (рис. 1)⁶. Хотя яма, раскопанная в 1963 г., и очень крупная (2,1×2,5×0,7 м), но необходимо учесть, что изнутри вдоль стен она была обставлена 11 черепами мамонта⁷. Это сужало ее размеры по меньшей мере вдвое.

¹ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968, стр. 53—65.

² К. М. Поликарпович. Дер. Елисеевичи и др., 1935—1936 гг. «Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941, стр. 34; он же. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 42—44.

³ В. Д. Будько. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение. «Доклады АН БССР», т. IX, № 10, 1965, стр. 707; он же. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 9—10.

⁵ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 69.

⁶ К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной области. СА, V, 1940, стр. 287—288; он же. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 43—44.

⁷ В. Д. Будько. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение, стр. 705. Размеры ямы уточнены по чертежу.

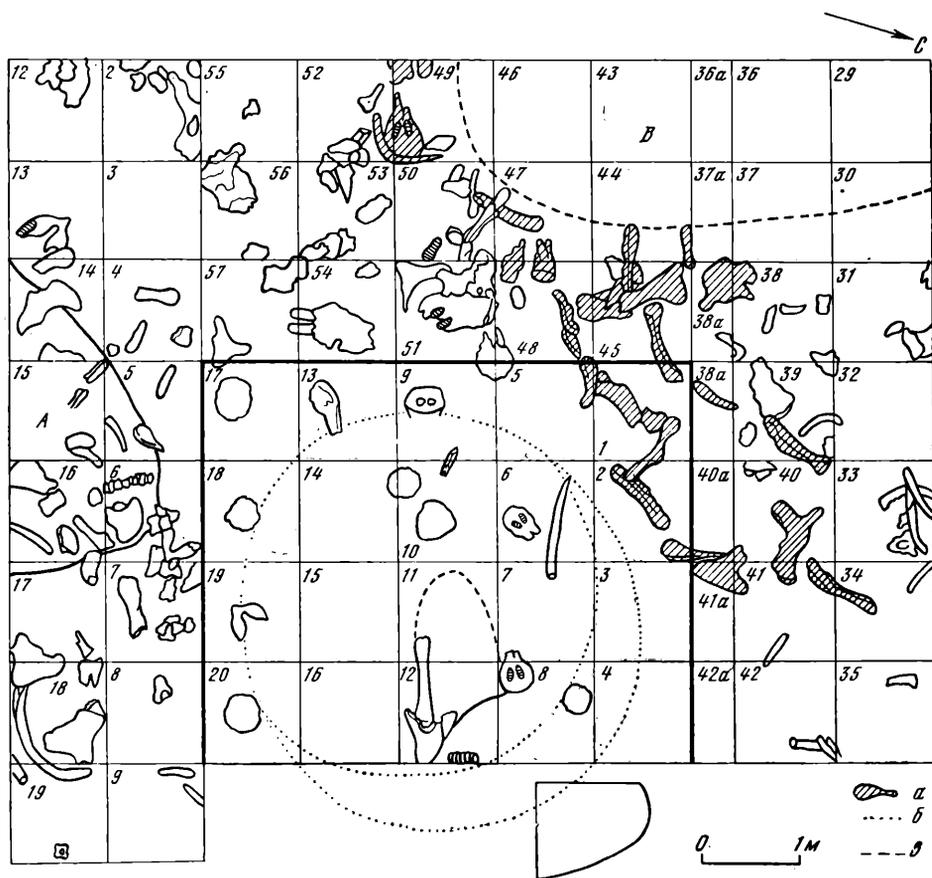

Рис. 1. Елисеевичи. Скопление черепов мамонтов

В центре раскоп 1, к северу и западу — 2, к югу — 4, к востоку — расчистка. А — «спальная яма» по К. М. Поликарповичу; В — участок уничтоженного культурного слоя; а — кости «хода»; б — варианты внутренних контуров жилища; в — приблизительная граница скопления бивней

Остается предположить, что жилище находилось лишь на месте скопления черепов мамонта. К этому склоняют и находки, сделанные в раскопе 1. К. М. Поликарпович писал о «чурингах»: «Наибольший интерес представляют те из них, что были обнаружены в 1935 г. в небольшом углублении посередине культурного слоя стоянки»⁸. Единственная мотыга из рога, лучшая мотыга из бивня, а также уникальная женская статуэтка найдены также в раскопе 1⁹. Таким образом, пространство в 20 м² (против 181 м² раскопов 2—4) оказалось средоточием наиболее примечательных поделок.

Следует отметить, что в позднем палеолите пока неизвестны столь же крупные скопления черепов и других костей мамонта, которые не были бы связаны с жилищами. Кучи костей, предназначенные для хозяйственного использования, обычно невелики и содержат до 2—3 черепов мамонта¹⁰. На самой большой из свалок, обнаруженной в Дольни Вестонице, на 120 м² насчитывалось 18 нижних челюстей мамонта. Имелись и другие кости, но черепов, судя по планам, встречено едва ли больше 3—4 штук¹¹. Что касается ям-хранилищ, то яма, раскопанная в 1963 г. в Елисеевичах, содержит наибольшее количество черепов.

⁸ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 117.

⁹ Там же, стр. 107—108, 116.

¹⁰ См., например: И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 57, 63.

¹¹ В. Klíma. Dolní Věstonice. «Výzkum tábořiště lovců mamutů v letech 1947—1952». Praha, 1963, stor. 91—101.

В 1970 г. примерно в 10 м западнее раскопа 1 Л. В. Грехова обнаружена вторую яму овальной формы (2×1,3 м), вдоль стен которой имелось ограждение из черепов (5) и костей конечностей (6) мамонтов¹². Такого своеобразного конструктивного приема при оборудовании хозяйственных ям пока неизвестно в других палеолитических поселениях. Естественно думать, что его наличие — результат особо широкого применения черепов и других костей мамонта при сооружении разнообразных объектов.

О том, что черепа мамонтов не были простым нагромождением отбросов, свидетельствует и следующее. В раскопе 1 встретилось скопление бивней (в основном, их концов) и некоторых других костей мамонта, занимавшее пространство 1,5×0,75 м и достигавшее 0,73 м в высоту¹³. «Это скопление было как бы окружено черепами мамонта, поставленными на разных расстояниях от него большей частью альвеолами бивней вниз (самые бивни отсутствуют)»¹⁴. Закрепление черепов альвеолами бивней вниз ныне хорошо известно как один из приемов палеолитического домостроения.

Для суждения о размещении костей мамонтов в раскопе 1 кроме кратких письменных упоминаний мы располагаем небольшими фотографическими материалами. Посредством сопоставления ряда данных на фотографиях удалось в значительной мере восстановить квадратную сетку и благодаря этому нанести на план наиболее хорошо различимые черепа (рис. 18)¹⁵.

Надежно устанавливается положение черепа в кв. 9. Он стоит на альвеолах бивней, частично врытых в землю, и обращен лобной стороной к середине раскопа¹⁶. Хорошо заметный череп в кв. 13 лежит на левой стороне, концами бивневых альвеол к востоку¹⁷. Череп в кв. 17 как будто бы стоит на альвеолах, но он виден недостаточно четко лишь на одной фотографии¹⁸. Череп или крупная часть свода черепа заметна в кв. 18, где рядом лежат три зуба мамонта¹⁹. Не затрагивая менее ясные случаи, касающиеся южной линии квадратов, отметим череп «в крайнем юго-восточном углу раскопа»²⁰. На фотографиях в кв. 20 видна крупная торчащая кость, которая, возможно, и является этим черепом²¹.

В кв. 8 один череп лежит кверху зубами, а другой, поменьше, видимо, стоит на альвеолах бивней, лобной частью вне раскопа²². Это отнюдь не все черепа, находившиеся в северо-восточной половине²³. В средней части раскопа, в кв. 6 указан лежащий череп. По фотографии видно, что он перевернут зубами вверх²⁴. Два черепа находились в кв. 10. Об одном

¹² Л. В. Грехова. Работа Деснинской экспедиции Государственного Исторического музея. АО 1970 г. М., 1971, стр. 47.

¹³ «Отчет К. М. Поликарповича об археологических работах в 1935 году в Западной области». Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1935, № 103, л. 9. Мы нанесли его на план по фотографии (К. М. Поликарпович. Елисевицкая стоянка. Отчеты за 1935, 1936, 1946, 1948 гг. Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 2511-6, рис. 67) и на основе некоторых сведений (К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 66, 89, 93).

¹⁴ «Отчет К. М. Поликарповича...», л. 9.

¹⁵ Их положение в пределах квадратов дано более или менее условно, особенно если они не зафиксированы в перекрестных ракурсах. Столь же условны контуры черепов. От нанесения на план других костей пришлось почти полностью отказаться.

¹⁶ К. М. Поликарпович. Елисевицкая стоянка, рис. 72; «Отчет К. М. Поликарповича...», фото 1.

¹⁷ «Отчет К. М. Поликарповича...», фото 1; К. М. Поликарпович. Елисевицкая стоянка, рис. 71.

¹⁸ «Отчет К. М. Поликарповича...», фото 1.

¹⁹ К. М. Поликарпович. Елисевицкая стоянка, рис. 73.

²⁰ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 136. Изображен нами в кв. 20.

²¹ «Отчет К. М. Поликарповича...», рис. 69, 73.

²² Там же, рис. 68, 69.

²³ Там же, л. 8.

²⁴ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 66; он же. Елисевицкая стоянка, рис. 69, 71.

сказано, что он «лежал»²⁵. Такое же положение, по-видимому, занимал и второй, крупный череп. Из двух почти вертикально стоящих лопаток в кв. 10 одна опиралась на пол, другая — на этот череп. Если бы череп стоял, уровни лопаток были бы резко различны²⁶. В кв. 12 один череп находился прямо на скоплении бивней, видимо, заняв это положение после падения. Рядом, в кв. 11, также имелись крупные части черепов²⁷.

Расположение черепов не дает наглядной картины остатков жилища. Однако свидетельством того, что здесь действительно было жилище, является также массовое залегание костей в культурном слое в сильно наклоненном положении, свойственное лишь раскопу 1. Благодаря этому скопление бивней и некоторых других костей имеет толщину 0,73 м. Со значительным наклоном располагалась бивень в кв. 5, малые берцовые кости в кв. 6, 8 и 12, лопатки в кв. 10, 11 и т. д.²⁸ Такое положение костей, как результат завала стен и кровли — обычное явление для остатков жилищ типа мезинского, аносовского и др.

Примечательно и применение другого строительного приема — использование сочлененных костей при сооружении основания стен. Анатомически связанные группы позвонков, берцовых костей и пр. особо отмечены для окраинных частей раскопа 1²⁹.

Попытаемся приблизительно очертить внутреннюю границу жилища. Важным ориентиром при этом может служить череп в кв. 9, на ближайшем пространстве к востоку от которого черепа отсутствуют (рис. 1)³⁰. Череп в кв. 13, вероятно, только упал. Южная граница жилища определяется по черепам в кв. 18 и 20. Менее ясно просматриваемые черепа в этой полосе не нарушают линии. Вряд ли она могла быть еще южнее, так как на ближайших квадратах раскопа 4 черепов нет и там проходит край ямы. На северо-западе граница определяется соседством «хода». Наименее ясно ее положение на северо-востоке. Если череп в кв. 8 действительно вкопан, то она вероятнее всего проходит по диагонали через кв. 8. Тогда внутренний диаметр жилища должен равняться около 3,5 м. Если череп смещен, граница жилища могла пролетать далее к северо-востоку, так как в кв. 3 и 4 (как и более северных), уже в раскопе 2 также имелись черепа мамонтов. Кроме того, крупные кости мамонтов: лопатка, бедро, тазовая, а под ними и по соседству, по-видимому, и черепные кости (много «стружки») встречены М. В. Воеводским в расчистке рядом с северо-восточной частью раскопа 1³¹.

Но далеко к востоку граница жилища простираться не могла, поскольку на уровне внешнего края расчистки начинался более резкий склон берега Судости. Диаметр жилища по второму варианту мог равняться 4—4,5 м. Наличие черепов на примыкающих с запада участках раскопа 2, по-видимому, можно считать свидетельством того, что стены жилища местами укреплялись двойным рядом черепов.

Предположительно можно определить, что вход в жилище был с юго-востока. Об этом свидетельствует залегание на нескольких квадратных метрах большого количества костного угля и кремня, прослеженное только в юго-восточной части раскопа 1³².

²⁵ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 66.

²⁶ К. М. Поликарпович. Елисевицкая стоянка, рис. 68.

²⁷ Там же, рис. 67.

²⁸ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 66—67, 89. На указанных фотографиях видны и другие кости, залегающие наклонно в кв. 8, 12, 18, 19, 20.

²⁹ Там же, стр. 135—136.

³⁰ Западнее раскопа 1, на 14 м² к югу от «хода» обнаружено 16 черепов мамонтов. Значительная их часть несомненно являлась краем интересующего нас скопления. К сожалению, на плане обозначены только 5—6 черепов (К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 44, приложение).

³¹ М. В. Воеводский. Отчет о полевых исследованиях 1946 г. Деснинская экспедиция. Архив ИА АН СССР, р. 1, № 72, л. 4—5, фото 83.

³² К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 42.

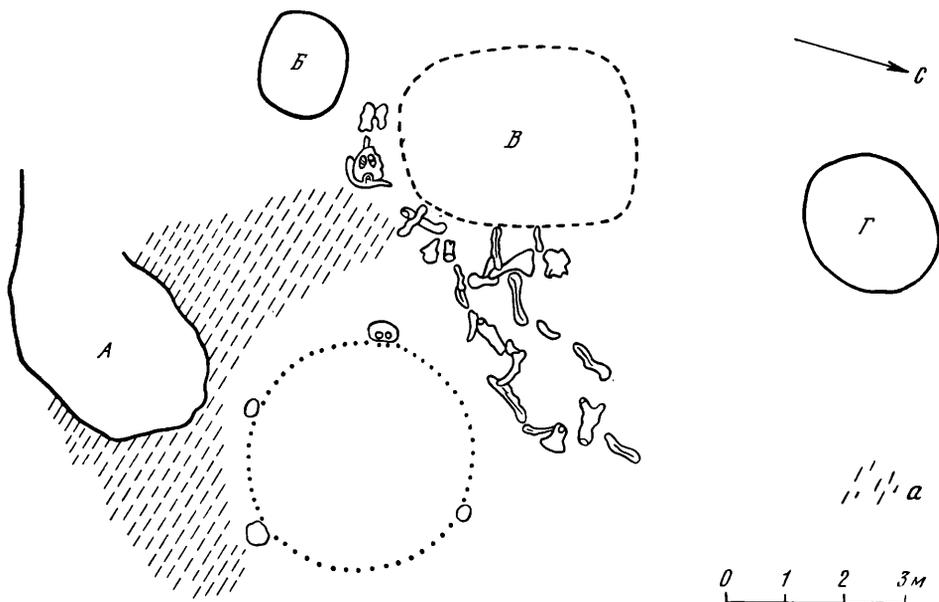

Рис. 2. Елисеевичи. Первый жилищно-хозяйственный комплекс

А — «спальная яма» по К. М. Поликарповичу; Б — яма — «чурингохранилище» по К. М. Поликарповичу; В — участок уничтоженного культурного слоя; Г — яма с 11 черепами мамонтов; а — основное место обработки кремня и кости

Жилища, сооруженные с помощью костей мамонта, всегда окружены хозяйственными объектами, прежде всего ямами, очагами, местами обработки кремня и кости, расположенными в непосредственной близости³³. Группы ям никогда не встречались вдали от жилищ. В Елисеевичах рядом со скоплением черепов имеются две ямы («чурингохранилище» и яма с 11 черепами — рис. 2). В промежутке между ними разрушен участок культурного слоя с массой крупных костей мамонта. Факт залегания костей на большей глубине, чем в яме — «чурингохранилище»³⁴, делает весьма вероятным предположение, что и здесь имела хозяйственная яма. «Спальная яма» раскопа 4, возможно, была третьей или четвертой хозяйственной ямой, хотя некоторые детали ее не вполне ясны.

Возле ям и скопления черепов имела мастерская по изготовлению орудий из кремня и кости, а также, по-видимому, и очаги³⁵. Полоса вкопанных костей «хода», вероятно, служила заслоном жилища от вод, стекавших с возвышенных участков. Таким образом, вырисовывается целый хозяйственно-бытовой комплекс.

Первый жилищно-хозяйственный комплекс не исчерпывал всего поселения. Хозяйственная яма, раскопанная В. Д. Будько в 1965 г., в 33—35 м к северо-западу от раскопа 1, может служить признаком наличия здесь еще одного комплекса. Исходя из обычной правильной конфигурации ям возле жилищ Гонцов, Мезина, Аносовки II и др. поселений, можно думать, что яма, обнаруженная в Елисеевичах в 1970 г., относится уже к третьему комплексу.

³³ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 310—311; А. Н. Рогачев. Об аносовско-мезинском типе жилищ на Русской равнине. КСИА, вып. 92, 1962; Г. Г. Шовкопляс. Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту. «Археологія», 1971, № 3.

³⁴ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 40, 69.

³⁵ Там же, стр. 46, 55, 66, 72, 132.

В. Ф. КОПЫТИН

ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПЕЧЕНЕЖ

Начало изучения мезолитических памятников Белорусского Поднепровья относится к 20-м годам нашего столетия и связано с именем К. М. Поликарповича. В результате сплошного обследования верхнего течения бассейна Днепра была открыта серия мезолитических поселений и местонахождений¹. Выявленные памятники подразделялись на свидерские, микролитические и макролитические, что в общих чертах позволило наметить основные этапы в развитии мезолита на данной территории. Подъемный материал, полученный в процессе разведок и рекогносцировочных раскопок на стоянках Печенеж и Журавель, широко привлекался исследователями для решения свидерской проблемы в генетическом, территориальном и хронологическом аспектах. Разработка вопросов этнической истории, хронологии, типологии выдвинула в качестве первоочередной задачи изучение локальных культур, базирующиеся на эталонных памятниках. Одним из таких памятников является стоянка Печенеж, по материалам которой и ей подобных выделена макролитическая культура Верхнего Поднепровья².

Стоянка Печенеж находится в Костюковичском районе Могилевской области, в водосборе р. Беседь (левый приток Сожа), на северо-восточном склоне урочища Печенеж. В 1 км к северо-востоку от стоянки протекает р. Деряжня (правый приток Беседи). Урочище Печенеж представляет собой торфяной массив с промышленными разработками торфа, представленного верховыми, переходными и низинными залежами. По форме торфяник напоминает неправильный круг площадью 780 га, несколько вытянутый с юго-запада на северо-восток.

Прилегающая местность — слегка холмистая равнина, полого спускающаяся к торфянику, поросшему голубико-беломошным лесом.

Памятник открыт К. М. Поликарповичем в 1926 г. Коллекция подъемного материала, собранная на распаханном участке, состояла из 78 расщепленных кремней, в том числе двух обломков рубящих орудий, скребков из пластин и отщепов, трех одноплощадных конических нуклеусов и различных отходов производства. Топография поселения и анализ кремневого инвентаря позволили датировать стоянку временем раннего неолита с указанием на отсутствие керамики³.

В 1930 г. памятник повторно изучался К. М. Поликарповичем⁴. В местах обнаружения кремневых изделий была заложена серия шурфов в 1 м². Находки залежали на глубине до 0,5 м и состояли из небольшого количе-

¹ В. Ф. Исаенко. Археологическая карта Белоруссии, вып. 1. «Памятники каменного века». Минск, 1968.

² В. Ф. Исаенко. Мезолит. «Очерки по истории Белоруссии», Минск, 1970.

³ К. М. Поликарпович. Неолітычная стаянка каля балота Печанеж на Калініншчыне. «Гістарычна-археалагічны зборнік Унбелкульта», т. I. Менск, 1927, стр. 237—238.

⁴ К. М. Поликарпович. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў ў БССР ў 1930—1931 гг. «Працы секцыі археалогіі», т. III. Менск, 1932, стр. 227.

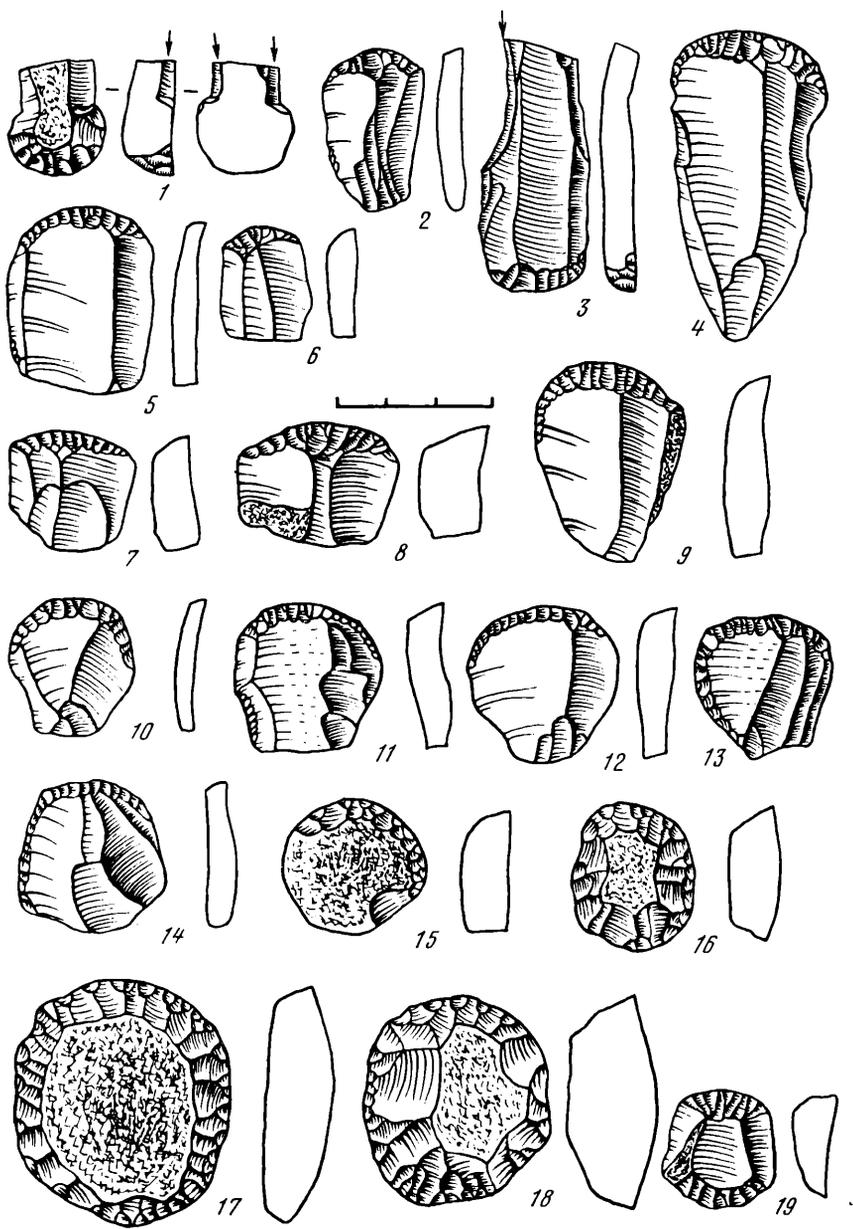

Рис. 1. Скребки со стоянки Печенеж

ства резцов и концевых скребков. Стратиграфия и вещественные материалы дали возможность отнести стоянку к эпохе мезолита.

В целях уточнения стратиграфии и датировки памятника нами в 1972 году было заложено два раскопа общей площадью 265 м².

Изучение геологического разреза северо-восточной части урочища позволило установить, что склон (раскоп I) покрыт опесчаненным с поверхности лёссом, на котором развита дерново-подзолистая почва. Под лёссом лежит слой моренного суглинка, подстилаемый мелкозернистым неслоистым песком. У подножья склона на конусе выноса (раскоп II) под слоем современной почвы залегает песок деллювиального шлейфа, перекрывающий слой погребенного торфа. Ниже торфа залегает погребенная почва, обесцвеченная до белесовато-серого цвета, которая сформировалась на слоях аллювия.

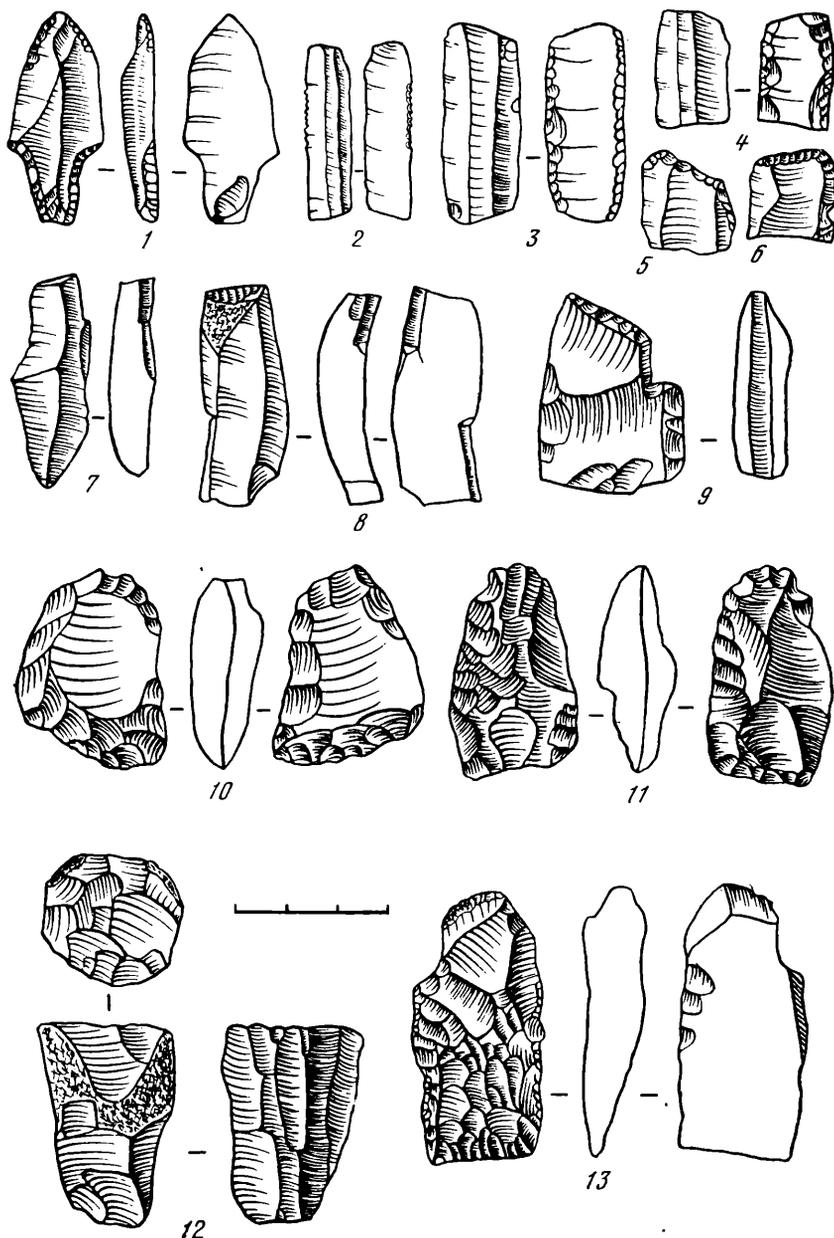

Рис. 2. Кремневый инвентарь стоянки Печенж

В толще торфа встречаются находки кремня, снесенные со склона водными потоками, свидетельством чему является вертикальное положение отдельных кремней.

Культурный слой стоянки частично разрушен делювиальными процессами и вспашкой склонов. Находки, сохранившиеся в западинах участка, залежали в верхней части опесчаненного лёсса, под пахотным слоем, в аллювиальном горизонте на глубине от 0,4 до 0,5 м. В пределах раскопа обнаружены остатки двух очагов, размывтых по направлению стока вод. В связи с тем, что в пределах раскопа значительная часть культурного слоя разрушена, воссоздать бытовую картину поселения невозможно.

Коллекция материала со стоянки состоит из 1933 расщепленных кремней, среди них 135 орудий (6,9%). Обработка кремня локализовалась

в отдельных пунктах и производилась на площади поселения, о чем свидетельствует большой процент нуклеусов (6,5%) и отбросы всех стадий, представленные отщепами (1184 экз.), пластинами (327 экз.) и морфологически не определенными кусками кремня (161 экз.).

Исходным материалом для нуклеусов служили небольшие желваки темносерого кремня, имеющие поверхность в виде мелкопористой губки. Одноплощадные конусообразные нуклеусы со скошенной ударной площадкой, иногда подправленной сколами, образуют выразительную и устойчивую серию (рис. 2, 12).

Самой многочисленной категорией кремневых изделий являются скребки (60,7% от общего количества орудий), изготовленные из пластин и отщепов. Значительное число скребков имеет следы сработанности. По характеру заготовок, форме и технике обработки рабочего края среди скребков выделяются 4 типа. К первому относятся концевые скребки из пластин и их обломков (рис. 1, 1—6). В этой серии особо выделяются комбинированные скребки-резцы (рис. 1, 1, 3).

Второй тип представлен скребками высокого профиля на толстых укороченных отщепках с дугообразным рабочим краем без боковой ретуши (рис. 1, 7, 8).

Третий тип составляют скребки из хорошо ограниченных отщепов с полуокруглым рабочим краем, полностью или частично обработанные боковой ретушью (рис. 1, 9—15).

К четвертому типу относятся скребки различной величины из отщепов округлой формы, рабочая часть которых распространяется на всю окружность (рис. 1, 16—18). К ним же следует отнести двойные скребки небольших размеров (рис. 1, 10).

Особо следует отметить серию скребков, изготовленных из отщепов случайной формы и различной величины, часто сохраняющих меловую корку. Рабочий край, как правило, имеет дугообразную или полуокруглую форму и обработан мелкой короткой ретушью. Скребки подобного типа характерны уже для неолитической эпохи на данной территории.

Датирующее значение, в известной мере, может иметь процентное соотношение скребков и резцов (6,7%). Резцы изготовлены из отщепов и представлены двумя типами — угловыми однофасеточными и боковыми (рис. 2, 7—9). Единичен двойной резец (рис. 2, 8).

Для решения вопроса датировки памятника, по-видимому, важное значение имеют рубящие орудия (6,7%) — долотовидные (рис. 2, 10, 11), изготовленные из толстых отщепов, обработанные крупнофасеточной ретушью с тыльной и лицевой сторон. Подобные изделия известны на стоянке Семенов Хутор. В коллекции имеется набор тесел, обработанных, подобно неолитическим орудиям, крупнофасеточной двусторонней ретушью по всей поверхности. Вместе с тем устойчивую серию представляют тесла, обработанные только с лицевой стороны. Крупнофасеточная ретушь, часто с заламами, снимает неровности у рабочего края и приостряет лезвие (рис. 2, 13).

Двумя экземплярами представлены пластины-вкладыши, обработанные по краям с тыльной стороны приостряющей ретушью (рис. 2, 3, 4). Несомненный интерес вызывают обломки пластинок со слегка скошенным концом, оформленным притупляющей ретушью, заходящей на край изделия, а также пластины с небольшими зубчиками по краю (рис. 2, 5, 6, 2). Подобные пилочки известны в коллекции стоянки Семенов Хутор⁵.

Близок к неолитическим наконечник стрелы с черешком, выделенным тщательной крутой ретушью (рис. 2, 1).

⁵ Н. Н. Гурина. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии. МИА, № 126, 1966, стр. 30, рис. 10, 21, 22.

Коллекция кремневых изделий и геологические условия залегания культурного слоя свидетельствуют о позднемезолитическом возрасте стоянки. Обилие скребков из отщепов, наличие рубящих орудий, пластин-вкладышей и незначительное количество резцов подтверждают этот вывод. Вместе с тем, здесь хорошо прослеживается живучесть более ранних форм, представленных долотовидными орудиями, комбинированными и пластинками-пилочками.

Подобное сочетание мезолитических и неолитических черт в инвентаре этой стадии прослеживается на территории Литвы⁶, Волго-Окского⁷ и Днепровско-Донского междуречий⁸.

⁶ Р. К. Римантене. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, стр. 125—152.

⁷ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, № 4, стр. 21.

⁸ В. П. Левенок. Мезолит Среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, № 126, 1966, стр. 92—93; М. В. Воеводский, А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, вып. 35, 1950.

В. П. ЛЕВЕНОК

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ
И НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ
СЕЛЕЦКИХ ДЮН

В конце прошлого столетия на борových террасах р. Десны в Черниговской губ. Д. Я. Самоквасовым были собраны коллекции кремневых изделий микролитического облика¹. Исследование памятников каменного века на этой территории было продолжено в 20—30-х годах нашего века М. Я. Рудинским, обратившим внимание на концентрацию к северу от линии Чернигов—Путивль дюнных стоянок с микролитическим кремнем особого облика, среди которого выделялись высокие трапеции. Пользуясь терминологией Ж. Дешелетта, М. Я. Рудинский украинское Подесенье, от Камня до Сосницы, назвал «зоной малого транше»².

Позднее было установлено, что «зона малого транше» не ограничивается этой областью и что крупнейшим памятником микролитической индустрии являются дюны, находящиеся в 20 км севернее границы УССР, у с. Селец Трубчевского района Брянской области. Стоянки, содержащие такой инвентарь, были впоследствии найдены также в Гомельской и Курской областях³.

Топография и геоморфология Селецких дюн характеризуется наличием трех групп останцов боровой террасы правого берега деснинской долины, лежащих на пойме у протока р. Десны — речки Быстрик. Первая группа находится в 160 м от села. Ее площадь 250×150 м, высота дюн до 4 м. Вторая, наиболее обширная группа удалена от первой на 340 м к ЮВ и состоит из трех невысоких дюн. Их площадь 370×320 м. Площадь третьей 200×100 м. Таким образом, общая площадь Селецких дюн в 1939 г. составляла около 176 тысяч м².

Урочище Селецкие дюны ранее было покрыто сосновым бором с дубовым подлеском, но сосны исчезли давно, а подлесок был уничтожен около 30—40 лет назад, в связи с началом выпаса скота. Дерново-почвенный слой был нарушен, и под воздействием ветра останцы превратились в дюны (рис. 1, А).

С середины 30-х годов Селецкие дюны обследовались автором. В целях выяснения стратиграфии здесь закладывались шурфы, но более обстоятельные работы были предприняты в 1940, 1946, 1957, 1962, 1963, 1965, 1969 и 1970 гг., что позволило изучить на части поверхности дюн характер и стратиграфию культурного слоя и его сохранность.

¹ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908; П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранне-неолитического возраста. РАЖ, т. XIII, № 3—4. М., 1924, стр. 223, рис. 124—144.

² М. Рудинский. Деякі підсумки та ближчі завдання палетнологічних вивчень у межах УСРР. «Антропология», т. IV. Київ, 1931, стр. 162.

³ И. В. Гаврилова. Дюнная стоянка Романовичи. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 113—119.

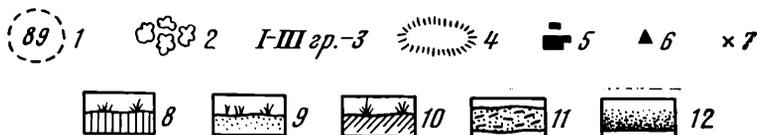
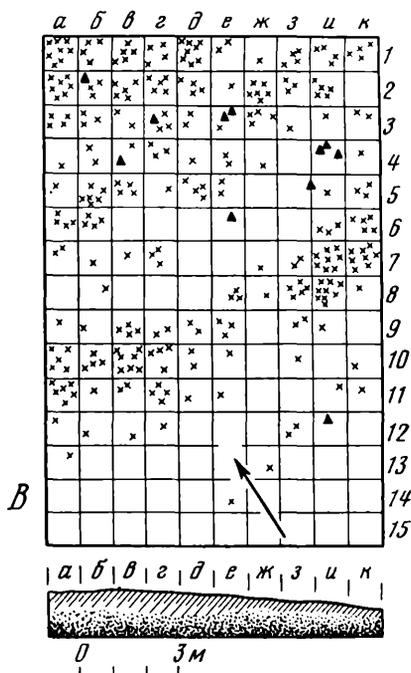
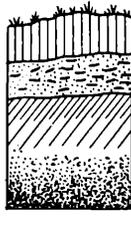
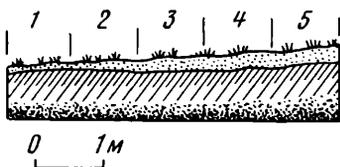
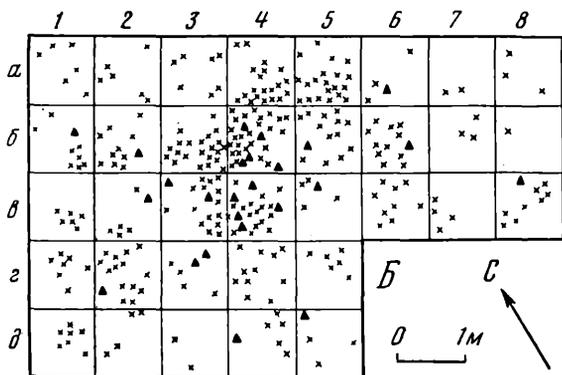
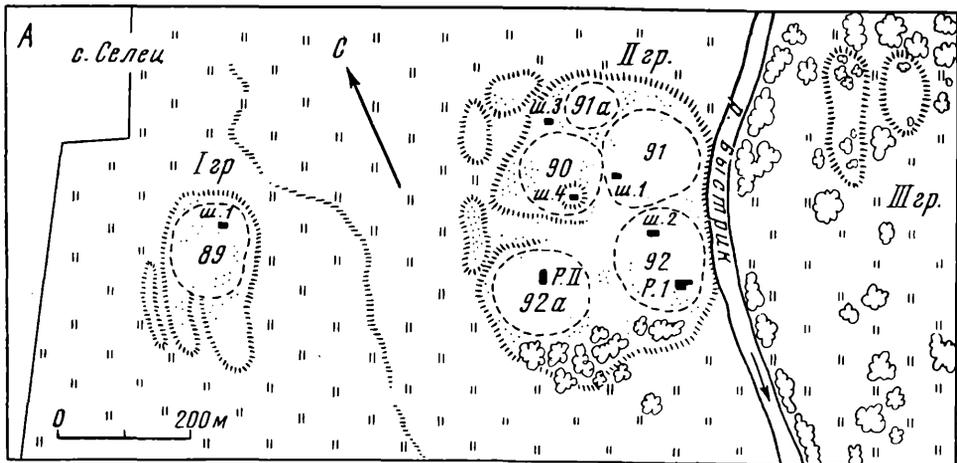

Рис. 1. Селецкие дюны

A — общий план местности;
 Б — план и разрез раскопа I;
 В — план и разрез раскопа II;
 Г — разрез шурфа 4.
 1 — пункты скопления керамики;
 2 — кустарник;

3 — группы дюн;
 4 — контуры дюн;
 5 — раскопы и шурфы;
 6 — каменные орудия;
 7 — отщепы;
 8 — современная почва;

9 — песчаный нанос;
 10 — мезолитический слой;
 11 — неолитический слой;
 12 — материк-песок

На второй группе дюн в пункте 92 в 1957 г. был заложен раскоп I (34 м²), давший характерную для дюнных памятников стратиграфию. Сверху лежал слой современного наноса без находок. Под ним находился слой буровато-серой боровой земли (0,35 м), которую подстилал слой (0,20 м) серовато-желтого песка. Ниже лежал песок, не содержащий культурных остатков. Наибольшее число находок — орудий и кремневых чешуек отмечалось в слое 2 (рис. 1, Б). Второй раскоп (пл. 150 м²) был заложен в 1965 г. в пункте 92-а той же дюны. Культурный слой совпадал с почвой. Несколько кремневых орудий найдено в северо-восточной половине раскопа (рис. 1, В).

Кроме раскопов, в различных пунктах Селецких дюн в разные годы закладывались шурфы, позволившие установить как общую стратиграфию этого памятника, так и некоторые частные его особенности. Общей чертой этого памятника оказалось поверхностное положение культурного слоя, совмещающегося с лесостепной супесчаной буровато-серой боровой почвой мощностью 0,30—0,40 м. В некоторых случаях горизонт находок кремневых изделий опускался ниже уровня почвы, заходя в подпочвенный горизонт. Более сложная стратиграфия оказалась лишь на неравном остане древней поверхности второй группы дюн в шурфе 4 (рис. 1, А, пункт 90), где было обнаружено два почвенных горизонта: верхний, с керамикой железного века и эпохи бронзы и слой погребенной почвы, содержащий мезолитический кремль (рис. 1, Г, слой 3). Разделял их слой 2 с находками орудий неолитического облика (рис. 1, Г, слой 2). Здесь оказалась правильная стратиграфическая колонка.

Учитывая относительную бедность раскопов материалом и обилие его в котловинах выдувания, в целях исследования памятника оказалось целесообразным использовать метод анализа планиграфии находок. Поверхность дюн была разбита на несколько ареалов, соответствовавших наиболее крупным скоплениям кремня. Эти пункты получили порядковые номера в общем списке местонахождений каменного века в Подесенье⁴. В настоящей статье даются некоторые общие сведения о материалах этого памятника⁵.

Как следует из таблицы, орудия относительно числа отходов составляют 12,3%. Изготовлены они из высококачественного деснинского мелового

Таблица 1

Пункт	Год исследования	Категория		Общее количество	Пункт	Год исследования	Категории		Общее количество
		орудия	отходы				орудия	отходы	
дюны I—IV	1940	61	74	135	90	1963	5	14	19
То же	1946	32	125	157	91	То же	280	35	315
89	1957	—	—	889	92	»	8	103	111
90	1962	22	312	334	92а	»	133	581	714
91	То же	14	129	143	89	1965	12	139	151
92	»	39	1824	1863	90	То же	34	275	309
92а	»	43	101	144	92а	»	130	1347	1477
То же	»	85	427	512	—	—	—	—	—
	1963	14	56	70	—	—	912	5542	7343

⁴ В. П. Левенок. Работы Деснинского отряда 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 35, пункты 89, 90, 91, 92 Селецких дюн. Позднее были добавлены пункты 91-а и 92-а.

⁵ Материалы 1935—1940 гг., поступившие в музей Брянска, Орла, Трубчевска и Новгорода-Северского, не сохранились. В данной таблице отражены материалы с Селецких дюн, собранные в 1946—1965 гг. и хранящиеся в фондах ЛОИА, а также использованы сведения о коллекциях 1940 г.

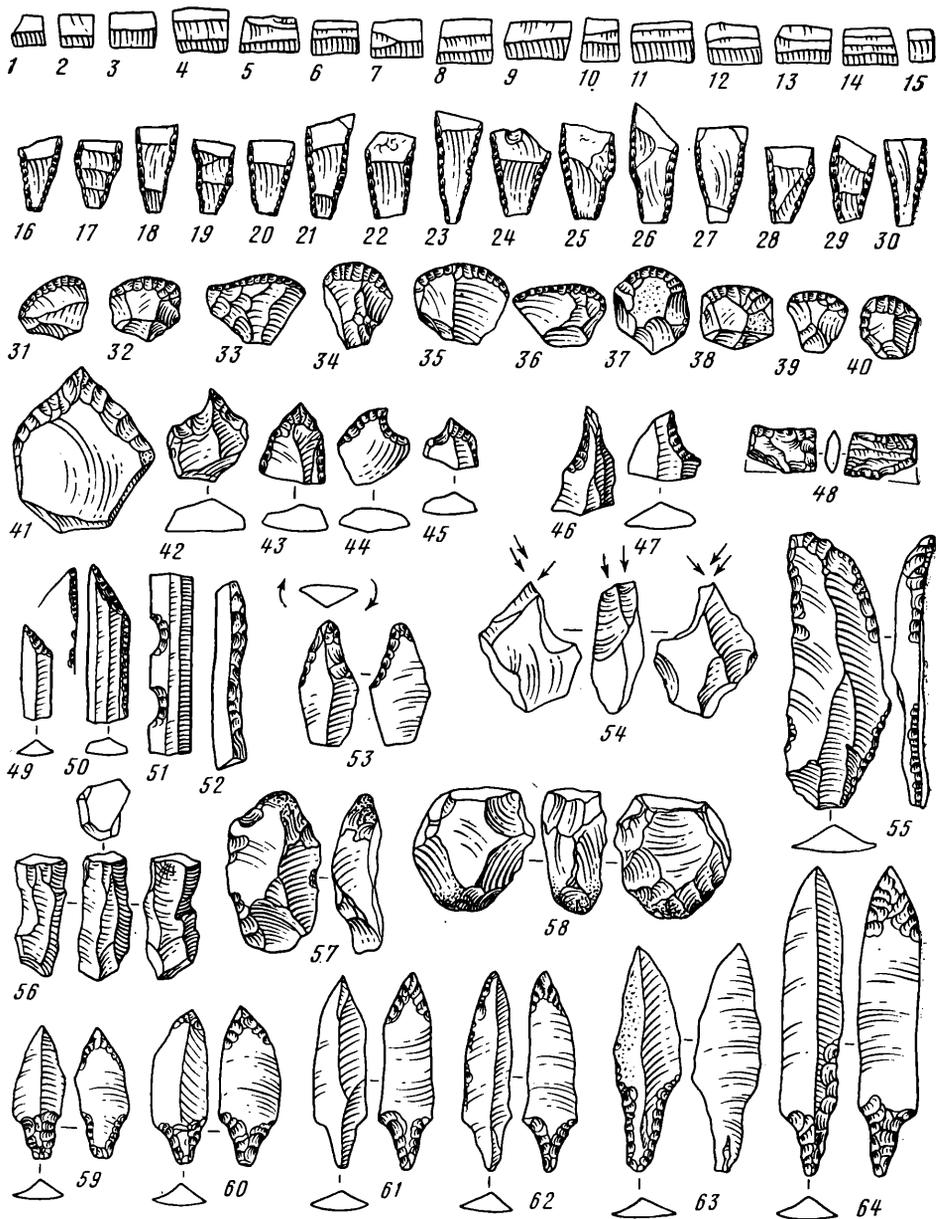

Рис. 2. Селецкие дюны. Кремневые орудия эпохи мезолита

1-15 — сечения пластинок;	52 — пластинка с притупленным краем;	1, 2, 24, 51, 57 — пункт 89;
16-30 — высокие трапеции;	53 — провертка;	3-6, 11, 13, 19, 22/25-27, 29, 30,
31-40 — скребки;	54 — резец;	33, 39, 48-52, 54, 55, 61, 60, 64 —
41-45 — клювовидные скребки;	55 — скобель-остроконечник;	пункт 92;
46, 47 — орудия типа „садового ножа“	56 — нуклеус;	6-8, 10, 16, 21, 23, 28, 34, 43, 47 —
48 — прямоугольник-вкладыш	57 — ретушер;	пункт 92а;
49, 50 — скошенные пластинки;	58 — посредник;	-9, 12-15, 17, 20, 32, 35-38, 40,
51 — пластинка с выемками;	59-64 — наконечники стрел.	41, 44, 53, 59 — пункт 91;
		31, 42, 46, 56, 58, 62, 63 — пункт 90

кремня дымчатой полупрозрачной, а также серой муаровой и темной крапчатой расцветки. Некоторая часть изделий обожжена. Общий облик каменной индустрии Селецких дюн микролитический.

Орудием-эпонимом, хорошо представленным на Селецких дюнах, является высокая трапеция «малое транше» — поперечнолезвийный наконечник стрелы (рис. 2, 16—30).

Для изготовления этого орудия брали широкую ножевидную пластинку или плоский пластинчатый отщеп и членили их на относительно узкие сечения. Поверхности обломов притупляли ретушью (рис. 2, 16—30). Типологически высокие трапеции различаются по углу, получаемому направлением лезвия к главной оси орудия. У большинства таких трапеций этот угол прямой, так как их изготавливали из прямоугольных сечений пластин.

Разновидностью является высокая трапеция со скошенным, но не ретушированным концом. Для ее изготовления те же пластины или отщепы рассекали под углом 40—50° к режущему краю (рис. 2, 16, 21, 26, 29).

Древнейшие прототипы высокой трапеции на Русской равнине не прослеживаются. В Западной Европе они восходят к палеолиту (Ля Феррасси, Ложери От)⁶. Появление этого орудия в Средней и Северной Европе датируется VII—VI тыс. до н. э., то-есть средним мезолитом или бореальным периодом⁷. На севере Средней Европы высокие трапеции найдены в Дювензее и Пиннберге. В Ольдеслое число их увеличивается. В Эртебелле они появляются позднее. Известны они в это время и в Польше⁸.

На территории СССР древнейшие высокие трапеции найдены в позднем палеолите Предкавказья (Губский навес № 7)⁹ и мезолите Надпорожья, Поднестровья¹⁰ и Крыма¹¹. Большой интерес представляет наличие этого орудия в Восточной Прибалтике. В Литве, где замечена особая близость каменной индустрии материалам Десны¹², высокие трапеции известны в ряде мест, например, в Нятесай I¹³. В других районах Европейской части СССР они встречаются как элемент, сопутствующий трапециям обычного типа, как например, в Белоруссии¹⁴, Верхнем и Среднем Поднепровье¹⁵ и на Украине¹⁶. В бассейне Десны, как и в Литве, высокие трапеции появляются, по-видимому, не ранее VI—V тыс. до н. э.¹⁷

⁶ H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte, Bd. I. München. 1966, Taf. 42, 20, 21; Taf. 84, 22.

⁷ J. de Baye. Grottes, de Baye. Pointes de flèches en silex a tranchant transversal. «Revue archéologique», N. S. XXVII, 1874; П. М. Долуханов. История Балтики. М., 1969, стр. 85—95.

⁸ A. Rust. Die Funde vom Pinnberg Neumünster, 1958, Taf. 33, 5—7; Н. Н. Гурина. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и о возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии. МИА, № 126, 1966, стр. 27, рис. 8, 8, 24, 25; стр. 30, рис. 10, 4, 6—8.

⁹ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 50, рис. 20, 5, 12.

¹⁰ В. И. Маркевич. Исследование неолита на Среднем Днестре. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 88, рис. 16.

¹¹ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, № 91, 1960, табл. VI, 1—6; табл. XIV, 1—9; табл. XX, 1—9.

¹² Р. К. Римантене. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1962, стр. 7—8.

¹³ Р. К. Римантене. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, стр. 140, рис. 123, 27—32.

¹⁴ Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии. МИА, № 131, 1965, стр. 147, рис. 3, 1; стр. 157, рис. 9, 6, 7, 10, 12; стр. 159, рис. 11, 5; стр. 165, рис. 14, 22—25, стр. 174, рис. 18, 2.

¹⁵ В. Ф. Исаенко. Мезолит и неолит Припятского Полесья. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 28, рис. 1, 34—44; стр. 30, рис. 2, 32, 35, 37, 41, 42; он же. Археологическая карта Белоруссии... стр. 16, рис. 5, 17; стр. 42, рис. 12, 4, 9; стр. 75, рис. 20, 19.

¹⁶ Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. 1. Изюм, 1926, табл. II, 15, 27—30; Д. Я. Телегин. Днепро-донецкая культура. Київ, 1968, стр. 35, рис. 6, 1, 19; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969, стр. 16—17, рис. 2, фаза I, 3; фаза IV, 7; стр. 22—23, рис. 3, фаза I, 12, 15, фаза IV—V, 14 и др.

¹⁷ В. П. Левенко. Мезолит Среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, № 126, 1966, стр. 93—96.

Вторым древнейшим орудием Селецких дюн являются наконечники постсвидерского типа (рис. 2, 59—64; 3, 61, 63, 65—67), изготовленные на пластинках с частичной подправкой ретушью острия и насада. Размеры их невелики; наибольшая имеет длину 8,5 см, ширину 1,6 см (рис. 2, 64), наименьшая — 3,3×1,3 см (рис. 3, 61). По способу оформления они разделяются на ретушированные со стороны спинки и брюшка на обоих концах (рис. 2, 60); жальца с обеих сторон, а черешка — со стороны брюшка (рис. 2, 62); жальца с брюшка, а черешка с обеих сторон (рис. 2, 59); жальца и черешка со стороны брюшка (рис. 23, 61), черешка с обеих сторон, а жальца — со стороны брюшка (рис. 23, 64); жальца с обеих сторон, а черешка со стороны спинки (рис. 3, 61); только черешка — с обеих сторон (рис. 3, 63, 65); жальца со стороны брюшка, а черешка со спинки (рис. 3, 67); только черешка — со спинки (рис. 2, 63), только жальца со стороны брюшка (рис. 3, 66).

Модель наконечника на пластинке с частичной ретушью широко распространена в поселениях преимущественно лесной зоны Средней и Восточной Европы конца палеолита и эпохи мезолита гамбургско-аренбургской¹⁸, свидерской¹⁹ и деснинско-сожской²⁰ культур. Кроме того, наконечники этого типа в последние годы найдены экспедицией Н. Н. Гуриной в междуречье верховьев Днепра и Волги²¹. В южных районах Европейской части СССР известны лишь отдельные памятники с наконечниками этого типа²². Следует отметить также, что на наконечниках описываемого типа в мезолите и неолите Подесенья, в том числе и на Селецких дюнах, прослеживаются традиции как свидерской, так и аренбургской культуры²³.

Кроме наконечников стрел в кремневой индустрии Селецких дюн чрезвычайно распространены сечения пластинок и отщепов, очевидно служивших вкладышами, о чем свидетельствуют заломы, заполировка и затупленность режущего края, а также сколы притупления тыльного края сечений (рис. 2, 7—15). Скрепки небольших размеров, изготовлены из отщепов округлых очертаний или из кусочков массивных пластин и мелких пластинок, преимущественно концевые (рис. 2, 31—40). Выделяется группа скребков с клювовидным выступом на лезвии, изготовленных на отщепках и обломках пластин (рис. 2, 41—45). Встречаются орудия типа «садового ножа» (рис. 2, 46, 47).

Особый интерес представляют прямоугольные, ретушированные с обеих сторон вкладыши (рис. 2, 48). Археологические параллели им находятся в VI слое стоянки Таш-Аир I в Крыму²⁴ и в ранненеолитической стоянке Лоханский Остров в Надпорожье²⁵. На севере Средней Европы прямоугольные вкладыши в культурах аренбургской и федермессер

¹⁸ A. Rust. Die jungpaläolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg, Offa-Bücher, Bd. 115. Neumünster. 1958. Taf. 5, 10—23; Taf. 31, 10—16; Taf. 44, 1—31; Taf. 62, 7—27; он же. Die alt-und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumünster, 1943, Taf. 46, 1—36; Л. Я. Крижевская. Новые данные о хронологии позднепалеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ. МИА, № 126, 1966.

¹⁹ L. Sawicki. Przemysł Swiderski i stanowiska wydmorego Swidry Wielkie I. «Przegląd archeologiczny», t. V, Z 1. Poznań, 1933—1934; Н. Н. Гурина. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши..., стр. 17, рис. 2, 1—7, 11; стр. 18, рис. 3, 1; стр. 19, рис. 4, 1—7; стр. 20, рис. 5, 1—7, 9, 13, 15, 27; стр. 24, рис. 7, 1—3; стр. 30, рис. 10, 28, рис. 30.

²⁰ В. П. Левенок. Работа Деснинского неолитического отряда. АО 1971 г. М., 1972, стр. 65—66.

²¹ Н. Н. Гурина. Работы Верхневолжской неолитической экспедиции. АО, 1970 г. М., 1971, стр. 49—50.

²² Е. А. Векилова. К вопросу о свидерской культуре в Крыму. КСИА, вып. 82, 1961, стр. 148, рис. 65; А. А. Формозов. Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры. СА, 1961, № 2, стр. 268—270.

²³ В. П. Левенок. Мезолит Среднерусского Днепроовско-Донского междуречья..., стр. 91, рис. 2, 1—8; стр. 95, рис. 4, 1—2.

²⁴ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I..., стр. 151, табл. XX, 4.

²⁵ М. Рудинський. Деякі підсумки..., стр. 158, фиг. 2, 7.

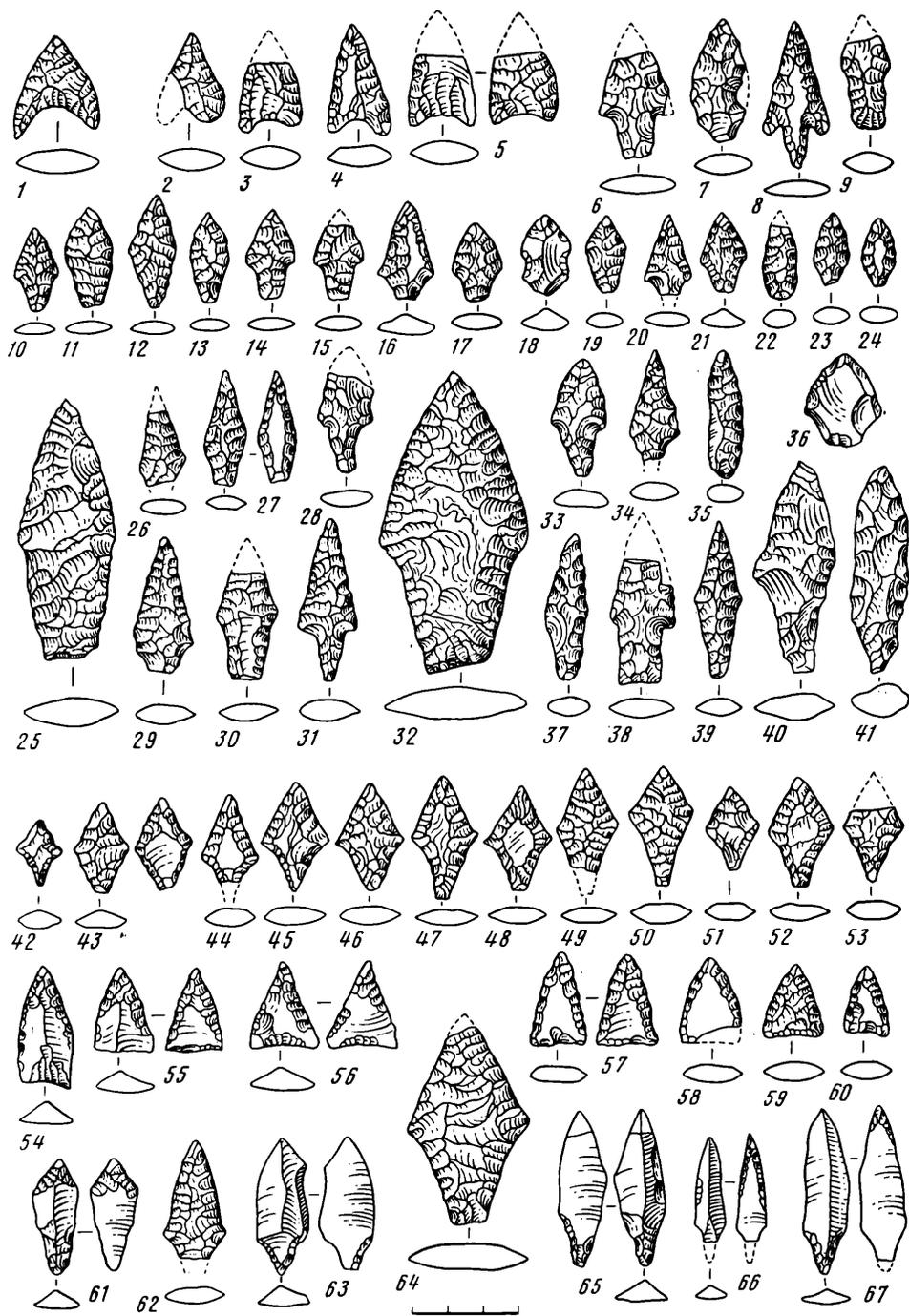

Рис. 3. Селецкие дюны. Кремневые орудия энеолита и бронзы (1—5, 8), неолита (6, 7, 9—41) и мезолита (42—67)

1—24, 26—31, 33—35, 37—39, 42—63, 65—67 — наконечники стрел; 25, 40, 41, 64 — наконечники дротиков; 32 — наконечник копья; 36 — ваготка; 1 — пункт

91а; 2, 16, 22, 55, 62, 66 — пункт 89; 3, 6, 7, 20, 23, 24, 31, 32, 33, 35—37, 40, 41, 47, 51, 65, 67 — пункт 92; 4, 8, 10—12, 29, 30, 52, 54, 61 — пункт 91; 5, 18, 19, 27,

42, 60, 64 — пункт 92а; 9, 13, 21, 26, 34, 43, 44, 53, 59, 63 — пункт 90; 14, 15, 17, 25, 28, 38, 56 — шурф № 4

именуются «всесторонне ретушированными ножичками» (Allseitig retuschierte Messerchen) или «прямоугольными ножичками» (Rechteckmesserchen)²⁶. К обычным мезолитическим орудиям на Селецких дюнах относятся пластинки со скошенным ретушированным концом (рис. 2, 49, 50), пластинки с выемчатым лезвием (рис. 2, 51) и пластинки с притупленным краем (рис. 2, 52). Провертки найдены двух типов: в виде черешка обломанной постсвидерской стрелки и с противоположащей ретушью (рис. 2, 53). Резцы также двух видов — на углу сломанной пластинки и на отщепках (рис. 2, 54). Многочисленны остроконечные скобели (рис. 2, 55). Нуклеусы небольшие, призматические (рис. 2, 56) или с одной стороной скальвания. Обычны находки ретушеров (рис. 2, 57), посредников (рис. 2, 58), отбойников и др.

Значительный интерес в кремневом инвентаре Селецких дюн вызывают треугольные наконечники стрел. Древнейшие среди них изготовлены из частей пластинок или отщепов в форме равнобедренного треугольника, с прямым или слабо вогнутым основанием и краевой ретушью. Их размеры (высота и основание): 32×14 мм, 23×16 мм, 23×19 мм, 25×16 мм, 23×17 мм, 19×13 мм. Являясь простыми по форме и изготовлению, удобными для скрепления с древком, треугольные наконечники на поселениях каменного, а затем и бронзового веков оказались на Русской равнине особенно стабильными. Древнейшие треугольники Селецких дюн относятся к мезолиту (рис. 3, 54—60). Другим серийным орудием Селецких дюн является стрелка ромбических очертаний. Наиболее древние из этих орудий имеют краевую ретушь и свободную среднюю поверхность пера (рис. 3, 43, 44, 48, 51, 52). Размеры их варьируют в следующих соотношениях длины и ширины: 18×13 мм, 25×15 мм, 33×17 мм, 31×19 мм, 30×19 мм, 34×19 мм, 29×20 мм (рис. 3, 42—53).

Этот тип наконечника как бы стоит на грани двух больших эпох — мезолита и неолита. Со временем он приобретает более искусное оформление — перо стрелы с обеих сторон покрывается тонкой ретушью, жало заостряется, насад оттягивается (рис. 3, 45, 46, 49, 50, 53). В европейских коллекциях он также датируется поздним мезолитом и протонеолитом, что подтверждается радиоуглеродными датами²⁷.

К неолитической эпохе на Селецких дюнах относятся треугольно-черешковые наконечники. Размеры различные, от микролитических стрелок (рис. 3, 10) до наконечников копий (рис. 3, 22). Во всех случаях, независимо от размеров, верхняя половина орудия (перо) имеет выпуклые края, нижняя — вогнутые (рис. 3, 9, 10, 14, 15, 17, 21, 25, 26, 30, 32, 38). Позднее черешок их становится уже (рис. 3, 6, 16, 20, 28, 31, 33, 34). Отдельные подгруппы составляют подромбические (рис. 3, 11—13, 19, 27, 29, 39) и листовидные наконечники (рис. 3, 7, 22—24, 35, 37). Вне серии стоят наконечники с шипами (рис. 3, 8), нестандартные (рис. 24, 18), заготовка (рис. 3, 36) и дротики нечетких очертаний (рис. 3, 40).

Серповидные наконечники (рис. 3, 1) датируются концом неолита, IV—III тыс. до н. э., треугольники с глубоко вогнутым основанием, аналогичные степным курганным (рис. 3, 2—5), очевидно находятся уже за пределами каменного века. Таким образом, кремневый инвентарь Селецких дюн, типичный для стоянок «зоны малого транше» и лесостепного Поднепровья в целом, представляет собой серии каменных орудий нескольких близких между собой по времени, но все же разновременных стоянок эпохи позднего мезолита и раннего неолита. Датируется этот памятник, по-видимому, VI—V тыс. до н. э. Находки редких орудий эпохи палеометалла не меняют общей датировки и характера памятника.

²⁶ H. Schwabedissen. Die Federmesser-Gruppen des nordwesteuropäischen Flachlandes. Neumünster, 1954, SS. 23. Abb. 11, y, z; Taf. 89, 1—5; W. Taute. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Köln—Graz, 1968, S. 15. Abb. 2, 13—14.

²⁷ H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte, Bd. 2. Jungsteinzeit. München, 1968, S. 517, N 453. Romita di Asciano. Com. San Giuliano, Terme, prov. Pisa, reg. Toscana. Abb. 256, B—4, 6, 9.

П. М. ДОЛУХАНОВ, В. И. ТИМОФЕЕВ, Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ

СТОЯНКА ЦЕДМАР D В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1905—1914 гг. на стоянке Цедмар (ныне расположенной в Озерском районе Калининградской области, близ д. Серово) производил раскопки немецкий археолог-любитель К. Штади, результаты раскопок которого были изложены в короткой статье¹ и в письменном отчете, сданном в Кёнигсбергский музей. Однако, вся документация и материалы погибли во время второй мировой войны. В конце 30-х годов в районе Цедмара проводил палеогеографические исследования геолог Г. Гросс².

Судя по имеющимся публикациям, в районе Цедмара было открыто 11 археологических памятников, обозначенных латинскими буквами (А—К). Из этих памятников два (А и D) содержали неолитические и мезолитические комплексы, остальные относились к железному веку.

Наибольший интерес вызвали неолитические материалы. Часть из них была опубликована В. Герте³.

Несмотря на то что работы Г. Гросса почти не сопровождались раскопками, они имели большое значение. Им был сделан ряд спорово-пыльцевых диаграмм для различных памятников в районе Цедмара и заново проанализирован археологический материал, хранящийся в Кёнигсбергском музее. Основным выводом явилось утверждение, что материал поселений каменного века (А и D) неоднороден. Гросс типологически разделил его на пять хронологических групп: мезолит, ранний неолит (к нему отнесены материалы, сопоставленные с керамикой и орудиями культуры эртебёлле), ранняя гребенчато-ямочная керамика, типичная ямочно-гребенчатая керамика, поздний неолит (шнуровая керамика и дегенерированная гребенчато-ямочная керамика). Каждой хронологической группе было найдено свое место в истории развития растительности, восстановленной по спорово-пыльцевым данным (от бореального до суббореального периодов).

С тех пор больших работ в районе Цедмара не проводилось. Между тем, недостаточно исследованный и плохо опубликованный материал цедмарских стоянок широко использовался в советских и в зарубежных публикациях. Это вызвало необходимость более солидных исследований. Разведками Н. Н. Гуриной в 1962 г.⁴ было установлено существование неолитического слоя в районе Цедмара. В 1969 г. здесь были проведены археологические и палеогеографические исследования авторами настоящего сообщения.

¹ К. Stadie. Die Steinzeitdörfer der Zedmar. «Festschrift Adalbert Bezzenberger, dargebracht von seinen Freunden und Schülern». Göttingen, 1921, S. 148—160.

² H. Gross. Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar Bruch. «Prussia», Bd. 33, 1939, S. 100—168.

³ W. Gaerte. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927.

⁴ Отчет в архиве ЛОИА.

Местность в районе Цедмара (Серово) представляет собой конечно-моренную возвышенность, сложенную в основном во время померанской (поморской или южно-литовской) стадии последнего оледенения. Именно тогда были образованы довольно высокие холмы из песка и гравия, на которых расположены почти все современные поселки (Серово, Пограничное, Брюсово). Понижения между холмами были заняты озерами, количество которых особенно увеличилось в атлантическом периоде. Позднее многие из этих озер заболотились. По свидетельству Гросса, обширный торфяной массив, к которому приурочены основные памятники, в середине XV в. был еще озером. В XIX веке здесь проводились мелиоративные работы: спущены остаточные озера, осушены болота. В ходе этих работ и были найдены древние стоянки.

Основным объектом нашего исследования явилась стоянка Цедмар D, расположенная у основания высокого и узкого отрога моренной возвышенности, хорошо заметного в рельефе. У основания этого отрога, в 0,5 м к северу от края дренажной канавы были заложены 2 шурфа и 2 раскопа площадью 20 и 28 м². В шурфе выявлены следующие слои: 0,0—0,40 м — почва оторфованная, темнокоричневого цвета; 0,40—0,60 м — песок средне- и мелкозернистый с включениями неразложившихся растений и угольков; 0,60—0,80 м — сапрпель светлокоричневый, плотный; большое количество неразложившихся растений, угольки. На глубине 0,70—0,75 обнаружено бревно диаметром 10—12 см. На глубине 0,80 м в шурфе выступила вода.

Найдено 4 фрагмента керамики неолитического облика: два на границе почвы и песка и два — в слое сапрпеля.

Параллельно в дренажной канаве была заложена траншея размерами 10×2 м (раскоп I). Разборка проводилась по трем основным литологическим горизонтам, установленным в шурфе: слою оторфованной почвы, песка и слою сапрпеля.

В слое почвы встречено большое количество современной керамики, битого кирпича, костей. В нижней части, близ границы с песком найдено 6 фрагментов неолитической посуды.

При зачистке кровли песка обнаружены темные пятна правильной четырехугольной формы песка, смешанного с торфом и сапрпелем. В средней части раскопа пятна прерывались перемычками из песка, образующими прямой угол к основной линии пятна. Очень вероятно, что вскрытые в раскопе пятна представляли собой края немецких раскопов почти 60-летней давности. Тем самым была подтверждена правильность выбранного места раскопок.

Слой песка в непотревоженных прежними раскопами участках имел мощность 0,20—0,50 м. Повсеместно в нем встречены частицы древесного угля, в одном случае образовавшие скопление. В слое обнаружено 12 фрагментов керамики (некоторые в пределах темных пятен), а также обломки нуклеуса и 7 костей животных.

Слой сапрпеля был вскрыт лишь на верхние 20—30 см. Дальнейшему углублению раскопа помешала вода, фильтровавшаяся из канавы. Не было встречено ни керамики, ни кремня, лишь 7 фрагментов костей животных; однако в слое много деревянных бревен и свай (?), носящих следы обработки. В средней части раскопа обнаружена крупная горизонтально лежащая свая, конец которой заострен, в восточной части раскопа — пять вертикальных свай.

Таким образом, раскопки подтвердили, что перед нами действительно была стоянка, скорее всего Цедмар D. С целью получения более полных сведений в 15 м к северо-востоку от северо-восточного угла раскопа 1 был заложен шурф 2, в котором была установлена следующая стратиграфия: 0,0—0,20 м — почва оторфованная; 0,20—0,26 м — песок пылеватый серого цвета; 0,26—0,60 м — песок светложелтый, среднезернистый, с линзами мелкозернистого песка; 0,60 м и ниже — алеврит зеленоватый, плотный.

В слое среднезернистого песка, преимущественно в его средних и нижних частях, было обнаружено 39 фрагментов неолитической керамики, 8 отщепов, пластин и сколов кремня, 65 костей животных. На этом месте был разбит раскоп 2, общей площадью 28 м².

Слой почвы и серого песка залежали повсеместно наверху стратиграфической колонки. В некоторых квадратах слой почвы не прослеживался и наверху залегал серый или светложелтый песок. В верхних слоях найдено довольно много (46 фрагментов) керамики, кремневых орудий, отщепов (21) и костей животных (150 фрагментов). Однако, наряду с неолитической, была встречена современная керамика, свидетельствующая об археологической неоднородности слоя.

Наибольший интерес представил слой светложелтого песка, мощность которого увеличивалась в южном направлении (за счет понижения подошвы): от 5—10 см до 60 см. В южной части раскопа в основании слоя песка залежали прослой сапропеля. Кровля сапропеля нигде не превышала 140 см ниже абсолютного нуля. В разрезе юго-восточной стенки (рис. 1, А) видно, как слой сапропеля залегает в виде языка: светлый песок здесь заходит под сапропель, отделяя его от слоя алеврита.

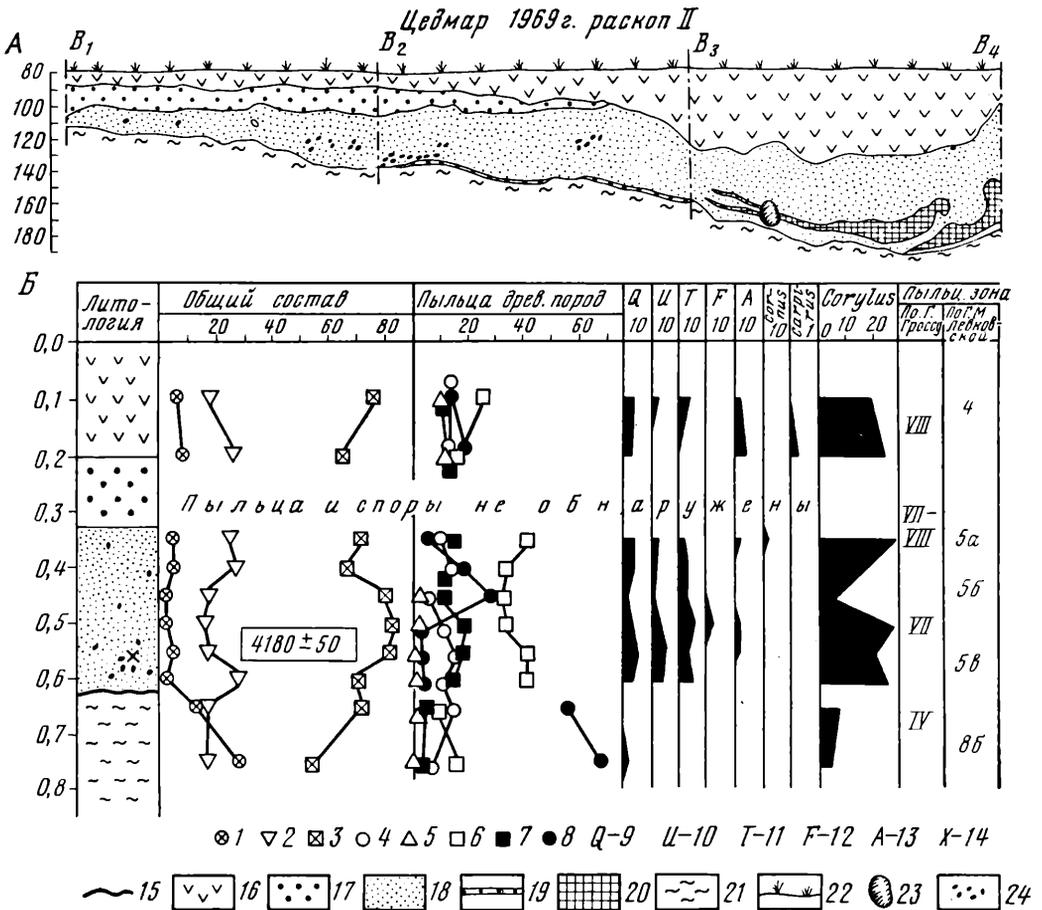
В слое светлого песка была собрана большая часть керамики, каменных предметов, костей животных. При этом 60% находок керамики и почти все костяные орудия лежали в нижней части слоя песка: в основании этого слоя или непосредственно на кровле алеврита, не заходя в него. Слой светлого песка насыщен фрагментами древесного угля. В нижней части его концентрация углей возрастает; здесь были отмечены несколько скоплений угля. Однако, очагов или очажных ям замечено не было.

подавляющая часть находок сосредотачивалась в восточной части раскопа. На запад, юг (вверх по склону) и на север (вниз по склону) число находок резко убывало. В нижней части слоя светлого песка в одном из восточных квадратов (А2) было обнаружено скопление обломков керамики и костей, в том числе фрагмент человеческого черепа, а также рога благородного оленя со следами спила.

Типологически керамический материал можно разделить на две группы: 1) керамика толстостенная (толщина стенок 0,8—1,4 см) с примесью в тесте дресвы или кварцевого песка, в изломе середина фрагмента обычно черная. Внешняя, а часто и внутренняя поверхности светложелтого или красноватого цвета, внутренняя поверхность обычно гладкая, на нескольких фрагментах заметны следы заглаживания инструментом наподобие гребенчатого штампа. Венчики сосудов в большинстве прямые, иногда отогнутые наружу, S-образные (рис. 2, 1, 2, 5, 6), характерен прием уплощения среза края. Днища керамики этой группы плоские (рис. 2, 14, 15), одно из них принадлежит сосуду с резко сужающимся при переходе ко дну туловом (рис. 2, 15). Очень похожий сосуд был опубликован К. Штади⁵. Большая часть керамики первой группы неорнаментирована. Срезы венчиков украшались неправильной формы ямчатыми вдавлениями, иногда — насечками или оттисками штампа, напоминающими отпечатки «веревочки, намотанной на палочку», по внешней поверхности — редкими ямчатыми вдавлениями (рис. 2, 1, 4, 5). Единичные фрагменты украшены наколами (рис. 2, 6), прочерченными линиями (рис. 2, 3), оттисками подпрямоугольного в сечении штампа. Количественно фрагменты сосудов первой группы составляют около 85% керамического материала, по профилировке и орнаментации они аналогичны многим из опубликованных В. Герте⁶. По формальным признакам к первой группе следует отнести также 2 несколько особых черепка: прямой, утолщенный венчик, украшенный по срезу оттисками зубчатого штампа, по наружной поверхности — глубокими вдавлениями подтреугольной формы (рис. 2,

⁵ K. Stadie. Op. cit., Taf. X, 3.

⁶ W. Gaerte. Op. cit., Abb. 134, 135, 136, 259.

Рис. 1. Стратиграфия и пыльцевая диаграмма стоянки Цедмар D

А. Стратиграфический разрез стоянки по линии *B₁—B₄*.

Б. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Цедмар D, квадрат *A₂*

Условные обозначения:

- 1 — пыльца травяно-кустарничковых растений (сумма),
- 2 — споры (сумма),
- 3 — пыльца древесно-кустарничковых растений (сумма),
- 4 — пыльца березы,
- 5 — ели,
- 6 — ольхи,
- 7 — широколиственных пород (сумма),

- 8 — сосны,
- 9 — дуба,
- 10 — вяза,
- 11 — липы,
- 12 — бука,
- 13 — клена,
- 14 — место отбора образца на радиоуглеродное датирование,
- 15 — зона перерыва в осадконакоплении,
- 16 — почва оторфованная темно-коричневая,

- 17 — песок, пылеватый, серого цвета,
- 18 — песок светлый, мелко- и среднезернистый,
- 19 — песок тонкозернистый,
- 20 — сапропель тонкодетритовый, светлокоричневый,
- 21 — алевроит зеленоватый, плотный,
- 22 — современный почвенный горизонт,
- 23 — валун,
- 24 — отдельные угли

8) и фрагмент стенки с фигурой типа ромба, выполненной оттисками «веревочки, намотанной на палочку» (рис. 2, 7). Указанные фрагменты относятся, видимо, к прибалтийской типичной гребенчато-ямочной керамике, близкой опубликованной В. Герте⁷. Выделяются из общей массы керамики первой группы и 6 фрагментов, принадлежащих, по всей вероятности, одному крупному открытому сосуду с отогнутым наружу краем, украшенному рельефным валиком с рядом вдавлений (рис. 2, 9). Подобная орнаментация встречается на сосудах из Ржуцева⁸. Вторая группа

⁷ W. Gaerte. Op. cit., Abb. 67, 71, 74.

⁸ J. Kostrzewski. Nouvelles fouilles et découvertes en Pomeranie polonaise. «Revue anthropologique», vol. 39, 1929, fig. 12, 2.

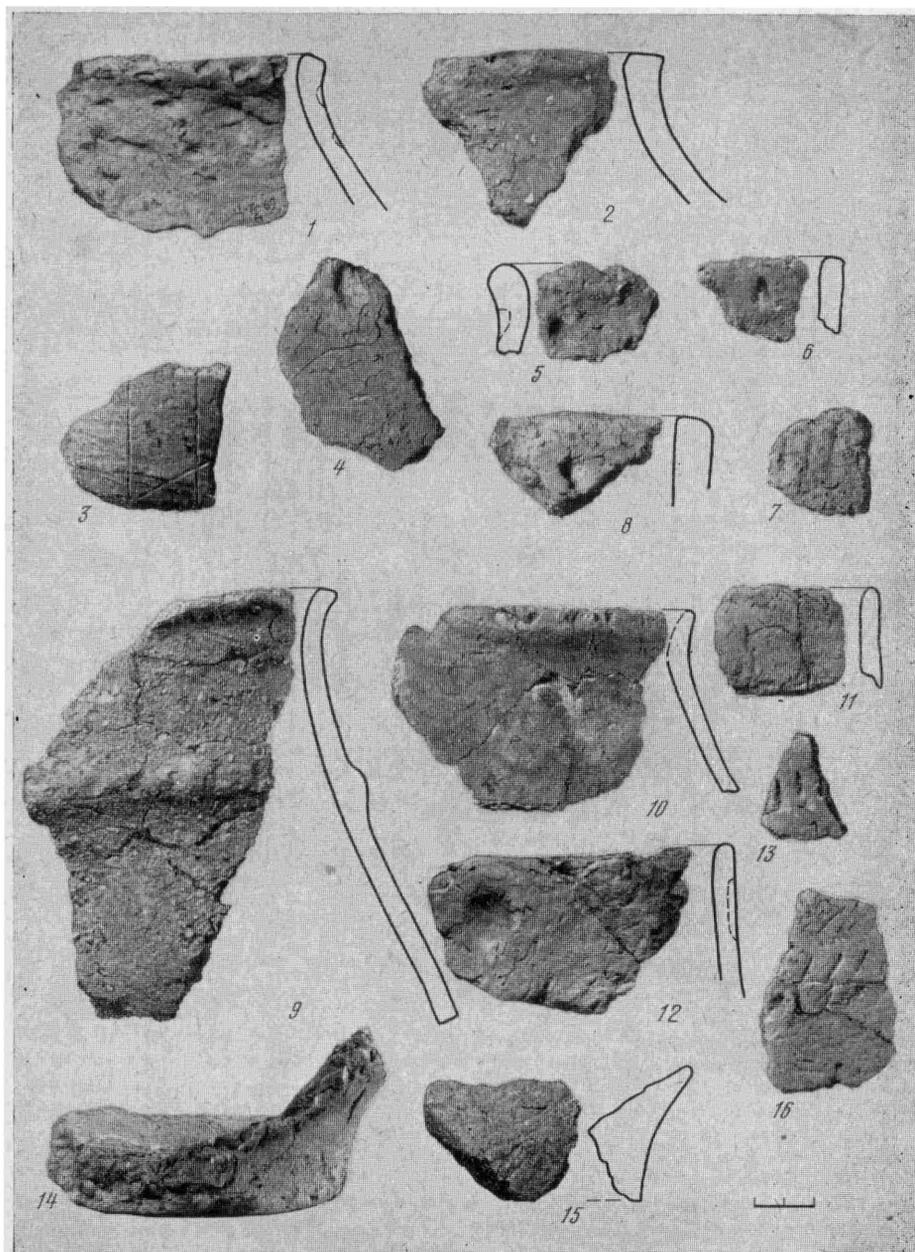

Рис. 2. Фрагменты керамики

керамики — обломки тонкостенных сосудов (толщина стенок 0,4—1 см) — составляет примерно 15%. Они имеют обильную примесь толченых раковин и растительности в тесте. Внешняя поверхность их желтоватая или коричневая, внутренняя — обычно более темная, гладкая. Венчики прямые или S-образные, край венчика закруглен и украшен насечками или ямчатыми вдавлениями (рис. 2, 10, 11), один сосуд орнаментирован под венчиком крупными, неглубокими ямками (рис. 2, 12), несколько фрагментов украшено насечками, образующими горизонтальные ряды или «елочный» узор (рис. 2, 13, 16).

Кремневый инвентарь довольно многочислен — 61 предмет (включая находки из шурфа и подъемный материал). Сырьем для изготовления

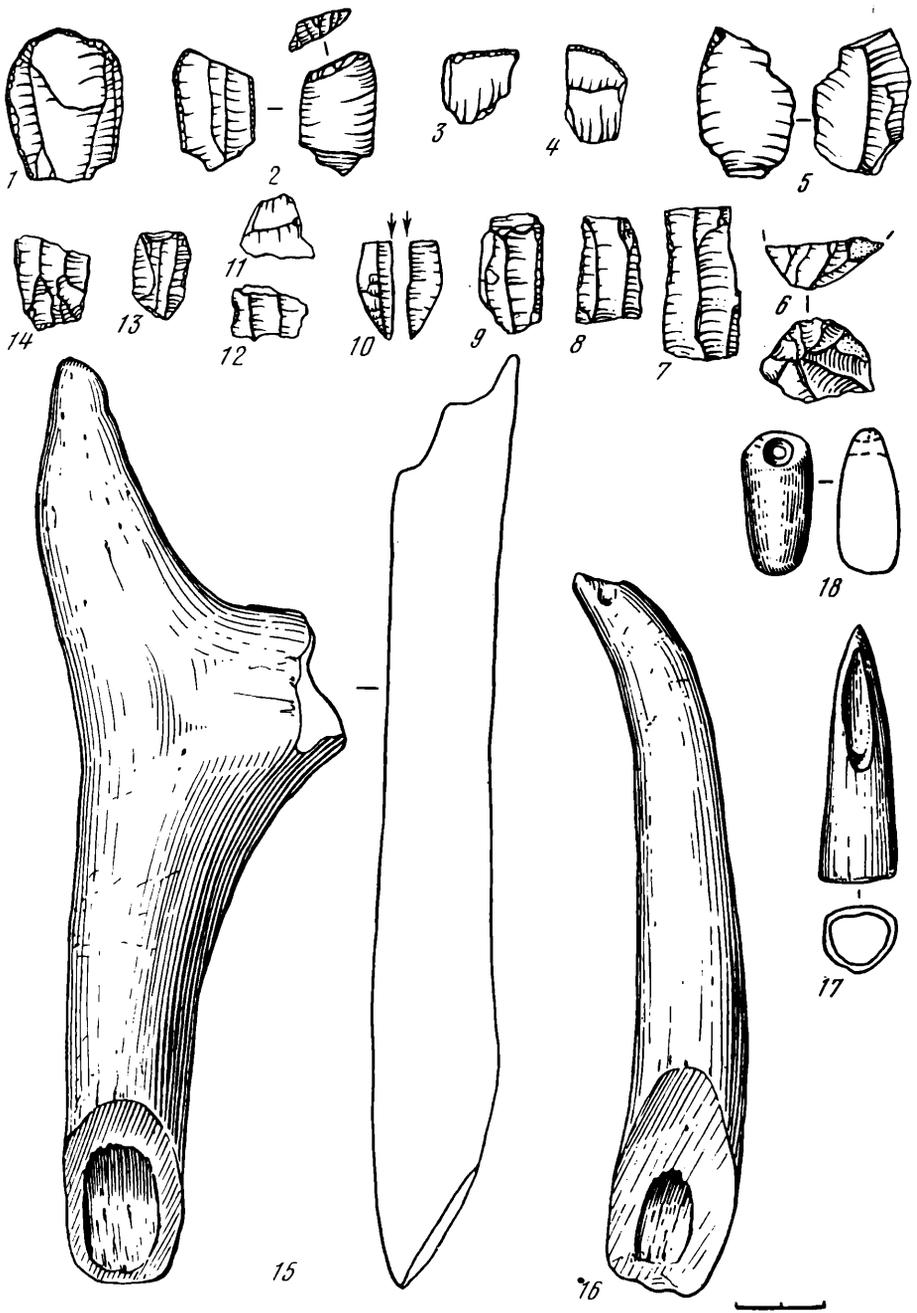

Рис. 3. Изделия из кремня, кости рога и янтаря

орудий служили черный, полупрозрачный меловой кремь, серый, низкого качества и светлый, известковистый кремь. Среди находок имеется фрагмент нуклеуса для снятия пластин (рис. 3, 6), серия скребков: на сечении призматической пластины с дуговидным рабочим краем (рис. 3, 4), на обломке массивной в сечении пластины со скошенным рабочим краем и полой ретушью по боковым граням (рис. 3, 2), на широком плоском отщепе с выпуклым краем, оформленном мелкой ретушью (рис. 3, 1), на отщепах случайной формы. Найдено 9 пластин и их сечений (длина пластин—1,8—3,3 см, ширина 0,8—1,4 см), две пластины

оформлены по боковым граням мелкой, приостряющей ретушью (рис. 3, 7, 8), одна — крутой, притупляющей (рис. 3, 9). На углу одной из мелких пластинок — длинный режущий скол (рис. 3, 10). Имеется несколько отщепов с ретушью по боковым граням (рис. 3, 5, 14). Большинство находок составляют сколы, отщепы, чешуйки без следов вторичной обработки.

Найдено несколько орудий из рога и кости, в их числе два тесла из срезанных отростков рогов благородного оленя со следами залощенности (рис. 3, 15—16), аналогичные опубликованным Г. Гроссом⁹, втульчатый наконечник стрелы из трубчатой кости (рис. 3, 17), несколько расщепленных костей со следами залощенности, куски рога со следами срезов. Признаки применения техники опиала кости отсутствуют. Следует отметить находку фаланги тура с отверстием, пробитым для извлечения костного мозга.

В раскопе найдено 10 кусков и сколов янтаря без следов обработки, а также крупная (длина 3,2 см, диаметр 1,6 см) неправильно-округлая в сечении янтарная подвеска, с отверстиями, проходящими через боковые грани и верхний край изделия. По данным И. А. Лозе¹⁰ подвески со сходным оформлением края появляются в Лубанской низменности лишь в памятниках со шнуровой керамикой.

Фаунистические остатки составляют более 400 костей животных. По определению Н. М. Ермоловой представлены исключительно дикие виды: благородный олень, кабан, тур, лошадь. Как указывалось, встречены фрагменты человеческого черепа.

Древесный уголь, собранный в квадрате А-2 раскопа 2 на глубине 0,55—0,60 м от поверхности (1,35—1,40 м ниже абсолютного нуля) был подвергнут датированию радиоуглеродным методом в лаборатории ЛОИА. Получена дата 4180 ± 50 лет назад, т. е. 2230 ± 50 лет до н. э. (ЛЕ-848).

В том же квадрате была отобрана колонка образцов на спорово-пыльцевой анализ (рис. 25, Б). На приведенной спорово-пыльцевой диаграмме выделяется ряд опорных уровней снизу вверх:

1. В интервале 0,8—0,65 м господствует пыльца сосны, находки пыльцы широколиственных древесных пород единичны.

2. На глубинах 0,65—0,3 м отмечен максимум пыльцы ольхи и широколиственных пород.

3. В интервале 0,1—0,2 м начинается подъем кривой пыльцы ели. Эти палинологические горизонты соответствуют зонам IV, VII и слоям, переходным от зоны VII к зоне VIII на наиболее полной диаграмме, которую приводит для Цедмара Г. Гросс (рис. 28, стр. 63). Они также четко коррелируются соответственно с пыльцевыми зонами 4, 5 и 8, которые выделяются на диаграммах ряда неолитических памятников Прибалтики и Псковской области¹¹. Причем в пределах зоны 5 на нашей диаграмме и зоны VIII на диаграмме Г. Гросса в районе Цедмара, как и на диаграммах Прибалтики, удается выделить три подзоны сверху вниз: 5а — минимум хвойных пород, 5б — суббореальный максимум хвойных пород и минимум дуба, 5в — максимум дуба.

Культурный слой на диаграмме приходится на слои, переходные от подзоны 5б к подзоне 5в и в подзону 5в. Подзона 5б в настоящее время датирована радиоуглеродным методом на ряде спорово-пыльцевых диаграмм — в разрезе Оса — 4000 ± 60 (ЛЕ-758), Сулька — 4060 ± 60 (ЛЕ-752) и Эйни — 4000 ± 60 (ЛЕ-758) лет до н. э. Полученная для

⁹ Н. Cross. Op. cit.

¹⁰ И. Лозе. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике. СА, 1969, № 3, стр. 132, рис. 5.

¹¹ Г. М. Левковская. Палинологические данные к хронологии неолита и мезолита Прибалтики. «Проблемы абсолютного датирования в археологии». М., 1972, стр. 134—141.

Цедмара D радиоуглеродная дата 4180 ± 50 (LE—848), таким образом, согласуется с палинологическими данными.

Палинологические данные позволяют также реконструировать географические условия прошлого. Во время накопления алеврита (бореальное время) на берегах озера, сохранившегося от позднеледникового времени, росли сосновые леса. Широколиственные породы в них были редкостью.

Слой светлосерого песка, содержащий материалы неолитического времени, начал формироваться спустя примерно 3500 лет после отложения алеврита — в суббореальный период. На смену сосновым лесам в это время пришли леса из широколиственных пород и ольхи с подлеском из ивы. Позже (зона 4) в составе широколиственных лесов начинает возрастать роль ели (таежный компонент).

На основании анализа материалов и геолого-стратиграфических наблюдений, можно сделать следующие выводы.

1. Совпадение некоторых форм керамики, костяных и роговых орудий с ранее опубликованными, а также остатки раскопов, обнаруженные в раскопе I дают основание отождествить исследованный памятник с Цедмаром D.

2. Стоянка располагалась на берегу небольшого стоячего водоема, в котором происходило накопление сапропеля. Скорее всего здесь находилось временное стойбище охотников в период низкого стояния воды (осенью?). Однако, обнаруженные в раскопе 1 в слое сапропеля горизонтальные и вертикальные сваи не исключают возможности существования свайного поселения в пределах древнего озера.

3. Стратиграфические наблюдения позволяют сделать заключение об однослойности памятника, что противоречит мнению Г. Гросса. В раскопе 2 в совершенно идентичных условиях, бесспорно свидетельствующих об их одновременности, были найдены вещи, отнесенные Г. Гроссом к мезолиту и раннему неолиту (роговые изделия), раннему, развитому и позднему неолиту (керамика).

4. Археологические соответствия дают основание отнести памятник к развитому или позднему неолиту Прибалтики. Керамический материал обнаруживает близость к формам сосудов поздних памятников культуры воронкообразных кубков, ржуцевской керамике; найдены фрагменты типичной гребенчато-ямочной керамики. Сходная по составу примесей, профилировке и орнаментации керамика была обнаружена на территории Литовской ССР в комплексах переходных от раннего к позднему неолиту: Дубичай I, Швянтойи¹². Как отмечалось, сходные с обнаруженной на Цедмаре подвески встречаются на памятниках шнуровой керамики. Все вышеперечисленные памятники лежат в хронологических пределах конца III — начала II тысячелетия до н. э. Полученная для Цедмара D радиоуглеродная дата таким образом полностью подтверждается археологическим материалом.

¹² Р. К. Римантене. Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 54—62; она же. Исследования стоянок каменного века в Литве, проводившиеся в 1948—1967 гг. «Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций института истории АН Литовской ССР». Вильнюс, 1968.

С. В. ОШИБКИНА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ЗАПАДА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Основные исследования неолита в Вологодской области проводились в Северных районах, в низине озер Воже-Лача, где М. Е. Фосс наметила территорию каргопольской культуры¹. Говоря о каргопольской культуре, мы имеем в виду неолитические стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, составляющие по периодизации М. Е. Фосс ее I этап. После работ И. К. Цветковой на Белом озере границы каргопольской культуры были отодвинуты в западном направлении². Остальная территория запада Вологодской области мало исследована, хотя этот район представляет особый интерес в связи с вопросом о заселении Севера Европейской части в эпоху неолита. Общеизвестным можно считать положение о расселении племен с ямочно-гребенчатой керамикой из Волго-Окского междуречья в северном направлении: в Карелию, на побережье Белого моря и в Финляндию. Появление племен с ямочно-гребенчатой керамикой на севере лесной полосы большинством археологов датируется началом III тыс. до н. э.³ Расселение этих племен шло по левым притокам Волги, Шексне и Мологе, поэтому именно в западной части Вологодской области должны существовать наиболее ранние стоянки эпохи неолита.

Известна, например, группа стоянок на Азатском озере⁴, расположенном южнее Белого озера. Раскопки показали, что они могут датироваться ранним временем — периодом расселения племен с керамикой льяловского типа⁵.

В 1969 г. при изучении западных районов области были обследованы истоки р. Шексны и ее верхнее течение, где после подъема воды в связи со строительством Волго-Балта были выявлены неолитические стоянки, размывшие в результате затопления берегов. Собран подъемный материал и по берегам Азатского озера. Были проведены также разведки на верховьях озер Мегорской гряды, являющейся водоразделом притоков Волги, Онежского и Ладожского озер. Осмотрены берега двух озер, соединенных в одну систему протокой, имеющих общее название Пяжозеро. Здесь, по речке Пяжелке и в верховьях р. Суды неолитические стоянки не обнаружены. Возможно, что в эпоху неолита сравнительно высокая Мегорская гряда не была заселена в силу того что реки ее невелики, мелки и не так богаты рыбой, как низинные озера.

¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

² И. К. Цветкова. Неолитические поселения в районе Белого озера. «Сборник по археологии Вологодской обл». Вологда, 1961, стр. 70.

³ Г. М. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. «Новые памятники истории древней Карелии», 1966, стр. 40.

⁴ Коллекция П. Н. Сухова хранится в Государственном Эрмитаже.

⁵ И. К. Цветкова. Указ. соч.

Одним из таких низинных озер является Андозеро. Здесь в 1971 г. проведены разведки и начаты раскопки неолитических стоянок. Озеро Андозеро находится на северной оконечности Андозерской гряды, в 70 км к западу от г. Белозерска по бывшему Санкт-Петербургскому тракту. Рельеф окружающей местности холмистый. Андозеро лежит в котловине, имеет извилистую береговую линию. Протяженность озера с запада на восток около 15 км, максимальная ширина его от 4 км до 7 км. Из озера вытекает река Андога, левый приток Суды. Восточнее Андозера лежит небольшое оз. Новозеро. Короткая протока соединяет озера в единую систему. Северный берег достаточно высокий и сухой, южный берег подтоплен, западная часть его заболочена.

На северо-западном берегу Андозера находится мыс, заметно выступающий в озеро, с расположенной на нем д. Калинино. Здесь открыты три неолитические стоянки, получившие названия — Андозеро I, II, III. На южном берегу открыта стоянка Андозеро IV.

Из четырех стоянок Андозера две — Андозеро I и Андозеро IV — расположены одинаково низко и в настоящее время в основном размыты. Две другие стоянки располагались заметно выше и представляли собой постоянные поселения.

Стоянка Андозеро I находится в 1 км восточнее дер. Калинино на самом берегу озера. Культурный слой мощностью не более 10 см, залегает под дерном и намывным песком с примесью речной гальки общей мощностью 15 см. Подстикает культурный слой серая озерная глина. Место стоянки в период весеннего половодья заливается. Часть ее размыта, в воде собрана керамика. Раскоп площадью 32 кв. м показал, что основные культурные остатки находились в южной линии квадратов, то-есть ближе к воде. Часть стоянки уходит под воду. При раскопках получена небольшая коллекция керамики и каменных орудий. Керамика обычная ямочно-гребенчатая. Сосуды средней толщины, темные. В тесте примесь кварцевого песка. Стенки сосудов прямые, венчики с прямыми или скошенным срезом. Орнамент покрывает всю поверхность и состоит из ямок и гребенчатых отпечатков, расположенных зонально (рис. 1). Найдено тесло квадратной формы с прямыми боковыми гранями и прямоугольным сечением, зашлифованное по всей поверхности. Кроме тесла инвентарь состоит из небольшой серии орудий из кремня. Характерно, что большая часть изготовлена из ножевидных пластин и только два скребка и заготовка — из отщепов. Среди орудий на пластинах — концевой скребок, нож, орудие с выемкой. Судя по характеру кремневого инвентаря, стоянка Андозеро I может быть датирована ранним неолитом, в группе указанных стоянок она является одной из наиболее ранних и относится к периоду первого проникновения сюда племен с ямочно-гребенчатой керамикой.

Стоянка Андозеро II, находящаяся между дер. Калинино и озером, приблизительно в 60 м от воды, относится к более позднему времени, когда уровень воды в озере повысился и неолитическое население заселяло несколько более высокие места. Деревня занимает холм, склоны которого распаханы. Пашней задет северный край стоянки. Стоянка была длительно и неоднократно обитаема. Раскоп составил 60 м². Обнаружены три культурных слоя. Общая глубина культурных напластований не превышает 60 см. Стратиграфия памятника четкая, слои отличаются окраской и хорошо прослеживаются. Под дерном, мощностью 8—10 см, находок почти не было: В первом слое — супеси темнокоричневого цвета, мощностью 10 см, найдена в основном керамика эпохи раннего металла. В этом комплексе, характерном для позднекаропольской культуры, встречены сосуды средней величины с плоским дном и отогнутым венчиком и сосуды, которые иногда называют фатьяновидными. Это крупные сосуды, имеющие форму фатьяновских, но более массивные стенки, светлое тесто и орнамент по горловине полосами или зигзагами из тонких

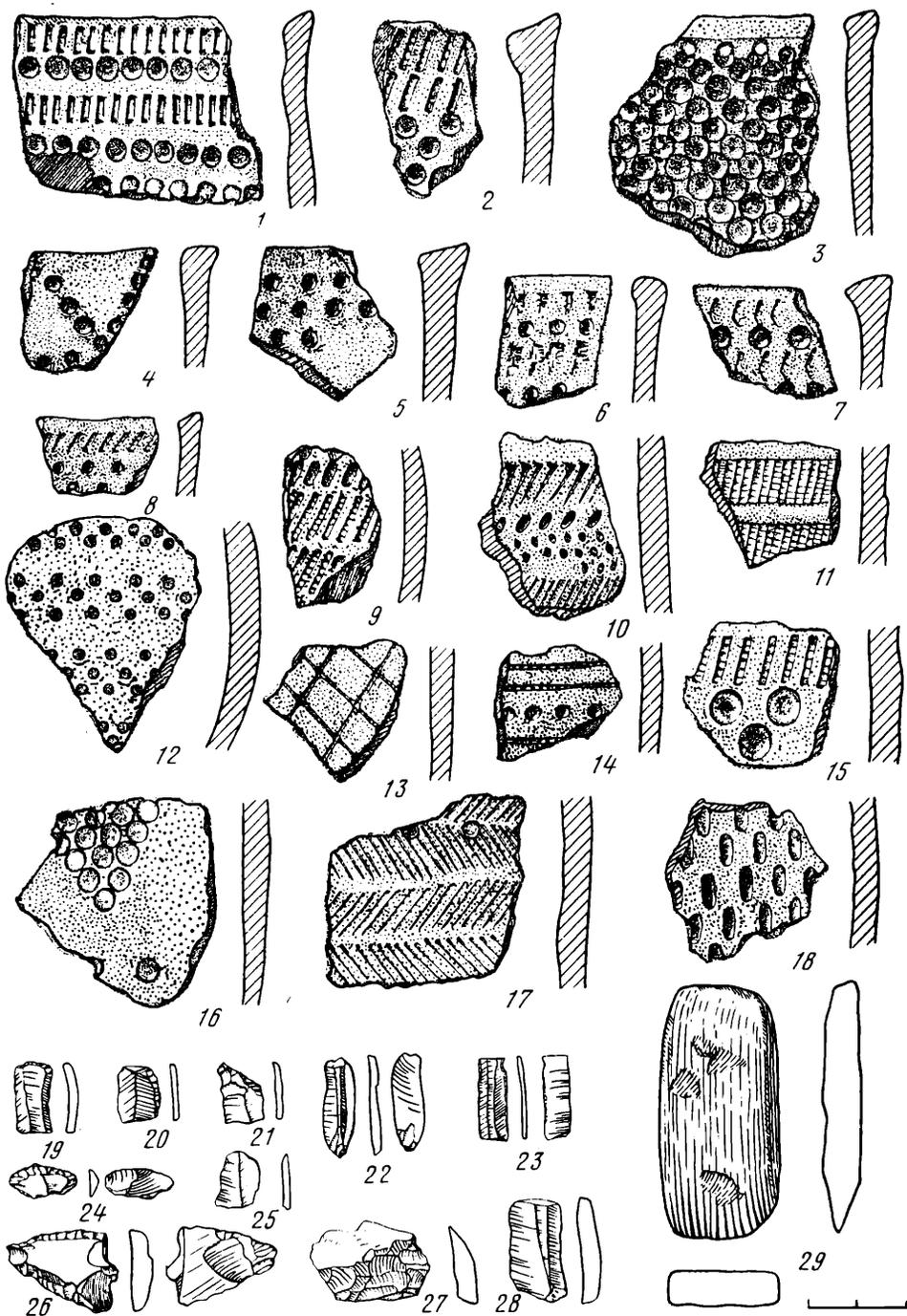

Рис. 1. Стоянка Андозеро I, керамика и каменные орудия

отпечатков гребенки. Орнамент позднекаргопольской посуды состоит из оттисков веревочки вокруг горла, редких двузубых отпечатков крупной гребенки. Поверхность их покрыта расчесами. В квадрате Б-3 обнаружено углубление, на дне которого найден раздавленный сосуд, напоминающий керамику эпохи поздней бронзы лесной полосы. На пашне, где задет первый и частично второй слои, собрана смешанная керамика. В раскопе неолитическая керамика обнаружена в первом слое в незначительном ко-

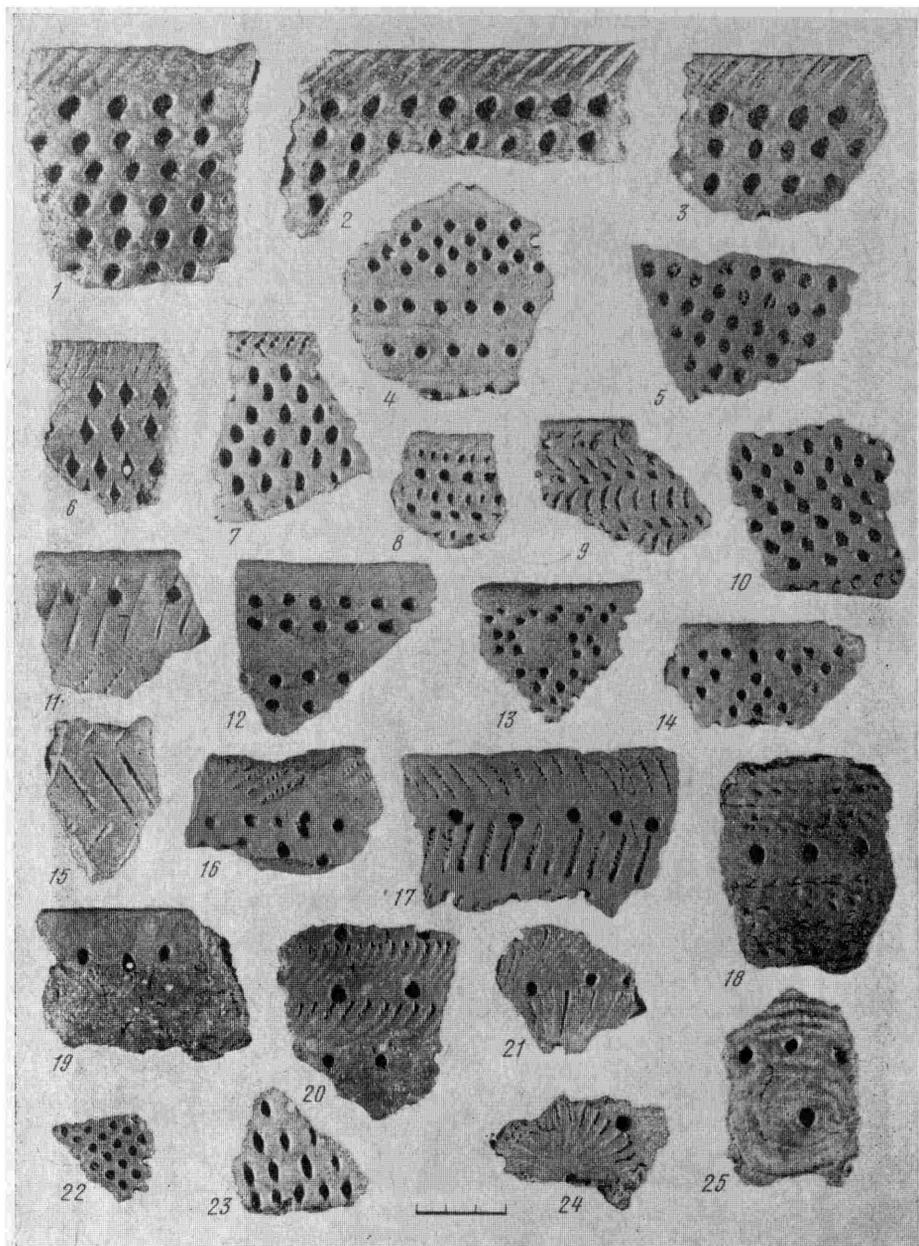

Рис. 2. Стоянка Андозеро II, керамика

личестве и несомненно попала туда в результате естественной перемешанности слоя при неоднократном заселении данного места. Позднекаргопольская керамика планиграфически залегает иначе, чем неолитическая. Она чаще встречается на пашне, реже в северной части раскопа, а в юго-восточном углу его первый слой вообще отсутствует.

Таким образом, позднее поселение расположено дальше от воды, чем неолитическая стоянка. Второй слой не увеличивается в сторону пашни, он располагается равномерно на древнем берегу озера, край которого отмечен моренами.

Второй культурный слой, являющийся неолитическим, представляет собой светлую супесь, залегающую на территории раскопа равномерно.

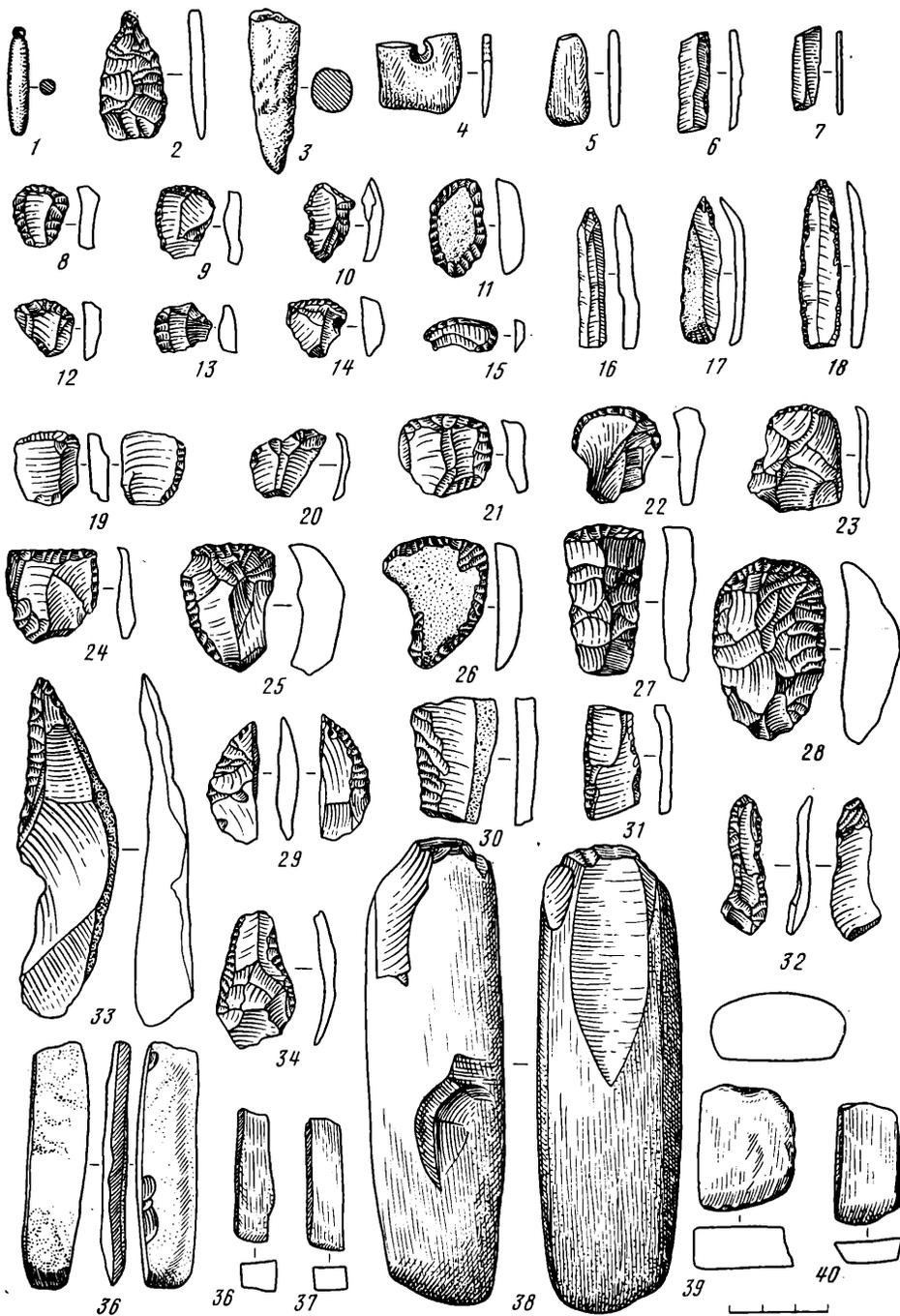

Рис. 3. Стоянка Андозеро II, каменные орудия

В угловом квадрате второй слой поврежден и во всей толще культурного слоя здесь встречаются в перемешанном виде керамика эпохи бронзы и неолитическая. На остальной части раскопа 2 слой с ямочно-гребенчатой керамикой хорошо сохранился и резко отличается от верхнего и нижнего. С ним связаны камни, которые тянутся вдоль южной стенки раскопа. Можно предположить, что камни служили ветровым заслоном жилища со стороны озера. Около них заметно концентрируются находки. Здесь об-

наружены два раздавленных сосуда, оба внутри каменной выкладки — ветрового заслона. Керамика второго слоя типично ямочно-гребенчатая раннего периода (рис. 2). Довольно широко распространен орнамент из круглых с коническим дном ямок, расположенных в шахматном порядке.

Сосуды массивные, с толстыми стенками, прямым венчиком, гранеными краями, с примесью крупного кварцевого песка. Сосуды покрыты орнаментом по всей поверхности, но встречаются и с неорнаментированными разделительными зонами. Донные части украшены круговым узором. Чаще всего по венчику идут ряды косой гребенки (рис. 2).

Каменный инвентарь 2 слоя Андозера II характеризуется сочетанием архаических черт с традициями обработки камня в развитом неолите (рис. 3). Орудия из ножевидных пластин и мелкие скребки, обработанные с двух или трех сторон, можно считать ранним признаком. Вместе с тем изготовление мелких шлифованных тесел с прямоугольным сечением характерно для развитого неолита наряду с применением изогнутых скребковидных орудий и крупных скребков из отщепов. Ножи имеют разнообразную форму. Два из них, с прямым рабочим краем, сделаны из плоских отщепов, третий имеет полукруглое лезвие. Найдена проколка, обработанная с обеих сторон.

У камней ветрового заслона со стороны озера найдено шлифованное орудие, употреблявшееся вначале как желобчатое долото; позже обушок его был заточен вновь и превращен в рабочий конец. Среди шлифованных орудий три стамески, одна из которых изготовлена из сланцевой плитки с хорошо заточенным лезвием и частично зашлифованной поверхностью. Такой способ изготовления орудий характерен для раннего неолита. Среди прочих находок шиферная поделка, фрагментированная подвеска с отверстием и заготовка подвески, керамическая поделка, характерная для многих неолитических стоянок лесной полосы, служившая, по-видимому, штампом для орнаментирования керамики.

По составу и характеру каменного инвентаря и керамики стоянка Андозеро II может быть отнесена к группе ранних памятников эпохи неолита.

В северной половине раскопа под слоем светлой супеси (слой 2) обнаружен темный слой с заметной примесью органических остатков, содержащий мелкие угли, подстилаемый суглинком серого цвета, обычной серой озерной глиной с примесью крупного песка и камней. Мощность слоя неравномерна; в сторону озера она нарастает и в южной стенке раскопа достигает 10 см.

Под неолитическим слоем и стерильной прослойкой из озерных наносов прослежен третий слой, который относится к эпохе мезолита. Мощность этого слоя 10—15 см. Он интенсивно окрашен в темный цвет остатками органики, содержит пережженные кости, угли, крупные куски охры. Кремневые изделия третьего слоя представлены наконечниками стрел из ножевидных пластин (3 экз.), мелкими скребками. Найдено крупное рубящее орудие, обработанное сколами, и серия нуклеусов.

Андозеро III находится на той же высоте от уровня озера, что и стоянка Андозеро II, на расстоянии около 0,5 км к западу от последней. Оно отделено низиной, представляющей русло высохшей речки. Склон невысокого холма, где располагается стоянка, до недавнего времени распахивался. Здесь собран подъемный материал: обычная ямочно-гребенчатая и поздняя керамика времени раннего металла.

Стоянка Андозеро IV расположена на южном берегу озера, против деревни Калинино на правом берегу залива, она сильно размыта. По берегу собрана керамика, типичная ранняя ямочно-гребенчатая.

Все четыре стоянки Андозера относятся к раннему неолиту, но две из них (I и IV) могут быть отнесены и к более раннему времени, если принять во внимание их положение относительно уровня воды в озере.

Если обе стоянки располагались недалеко от берега, уровень воды в озере должен был стоять значительно ниже современного. Данные палеоклиматологии позволяют считать, что заметный подъем воды в озерах севера Европейской части СССР должен был начаться в середине III тыс. до н. э. Следовательно, размытые сейчас стоянки Андозера должны относиться к более раннему времени и могут датироваться первой половиной III тыс. до н. э. Две другие стоянки — Андозеро II и III (2 слой) — по каменному инвентарю и характеру керамики почти не отличаются от ранних стоянок, но расположены выше, на древнем берегу озера, которое, судя по хорошо заметной береговой линии, было несколько выше современного. Время образования этого берега, видимо, следует отнести к самому началу повышенной увлажненности, то-есть к середине III тыс. до н. э.; позже, особенно к концу III тыс. до н. э., уровень озера должен был достигнуть максимальной высоты.

Поселения эпохи раннего металла, соответствующие верхнему слою стоянки Андозеро II, датируются началом I тыс. до н. э. и относятся к позднекаргопольской культуре.

По орнаментации керамики и характеру кремневого инвентаря стоянки оз. Андозера могут быть отнесены ко времени сложения каргопольской неолитической культуры. В то же время они сохраняют очевидное сходство с памятниками льяловского типа.

Р. В. КОЗЫРЕВА

КЕРАМИКА ТИПА СПЕРРИНГС
СО СТОЯНКИ ИЛЬИНСКИЙ
ОСТРОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Стоянка Ильинский Остров расположена в Няндомском районе Архангельской области, на берегу озера Мошинского, соединенного рекой Мошей с рекой Онегой и тем самым — с бассейном Белого моря. Стоянка была открыта в 1966 г. северным неолитическим отрядом ЛОИА АН СССР (начальник отряда Р. В. Козырева), и тогда же был поставлен рекогносцировочный раскоп. Исследование было продолжено в 1967 и 1968 гг. Общая раскопанная площадь — 340 м². На стоянке был вскрыт богатый культурный слой, обнаружены две землянки, множество очагов и ям, видимо, хозяйственного назначения, а также погребения. Насыщенность культурного слоя каменными орудиями, заготовками их, отщепами и фрагментами керамики очень значительна (1560 фрагментов, исключая очень мелкие). По составу глиняного теста, форме венчиков, стенок (доньшки не сохранились) и орнаменту сосуды делятся на три группы — типа сперрингс, ямочно-гребенчатые и волосовского типа. Настоящая статья посвящена первой группе керамики, самой малочисленной, но очень интересной и, вероятно, наиболее древней.

Керамике типа сперрингс принадлежат 154 обломка сосудов, что составляет около 10% всего керамического материала. Они относятся к 18—20 сосудам, представленным обломками венчиков и стенок. Имеется лишь одна придонная часть сосуда, по которой можно предположить, что посуда была круглодонная. Размеры же и полную форму сосудов определить нельзя. Сделаны сосуды из глины с примесью песка и дресвы. Толщина стенок 6—10 мм. Обжиг не очень сильный, в изломе они темно-желтого цвета. Орнамент сосудов довольно разнообразный. В I группу выделяется керамика с орнаментом, типичным для культуры сперрингс (рис. 1, 1—8). Встречаются три его вида: прочерченный, веревочный и позвонковый. Последний выделен для керамики типа сперрингс Ю. В. Титовым¹. Так, на одном или двух сосудах прослеживается орнамент из поясов наклонных позвонковых вдавлений (рис. 1, 1—8), в одном случае разделенных горизонтальными поясами ямочных вдавлений неправильной формы. На нескольких сосудах имеется орнамент из вдавлений типа римской единицы, тоже сочетающийся с полосами ямчатых вдавлений (рис. 1, 7—8). На одном отчетливо прослеживается довольно широкая полоса отпечатков позвонкового (по Ю. В. Титову) типа, ранее известных под названием «перевитой колючей проволоки» (рис. 1, 6).

Помимо описанных, есть сосуды не совсем типичные для керамики сперрингс, но все же относимые нами к этой категории посуды (рис. 2, 1—3). Сосуды этой второй группы керамики (рис. 2, 1—9) имеют, судя по об-

¹ Ю. В. Титов. Об орнаменте керамики типа сперрингс. СА, 1970, № 1.

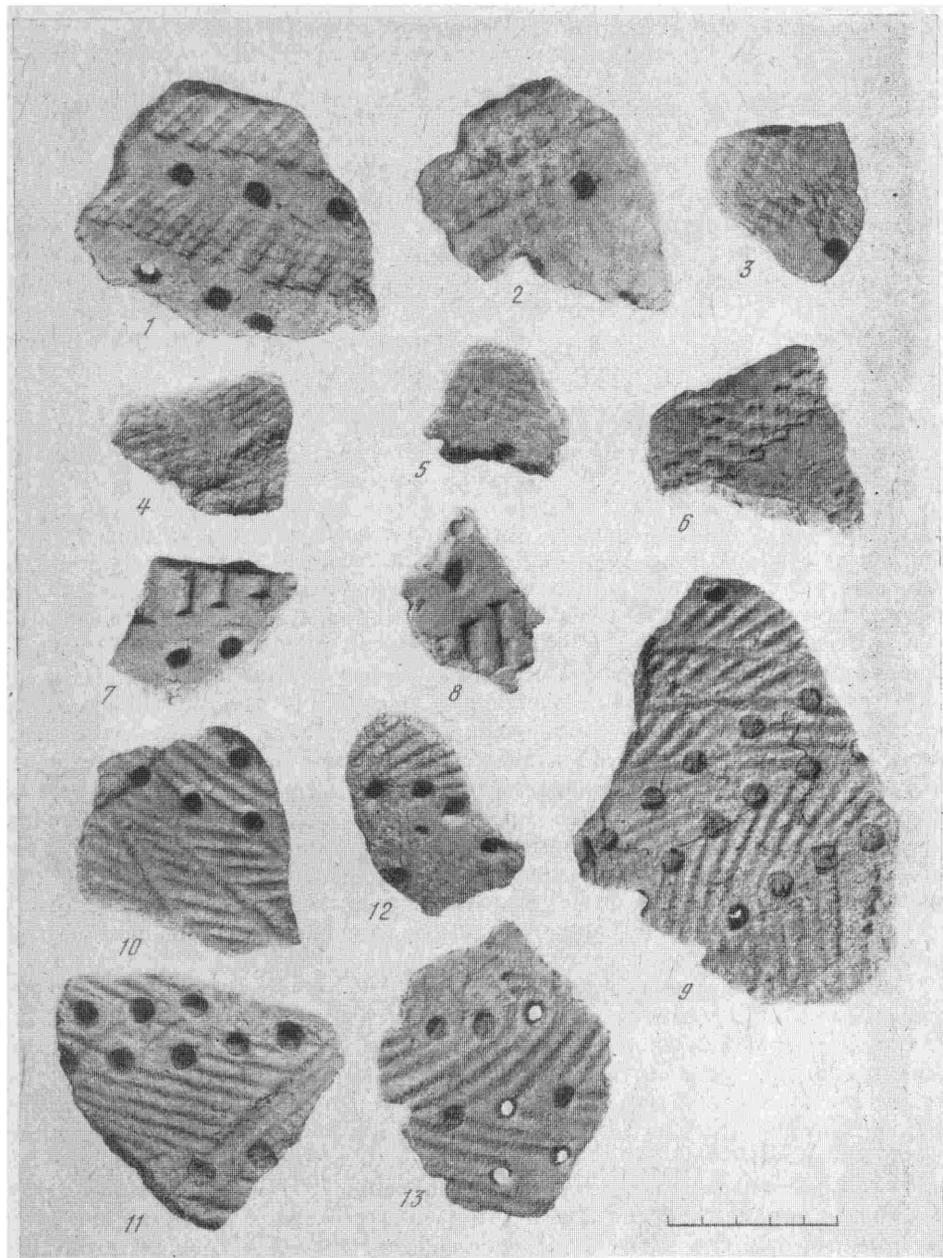

Рис. 1. Керамика типа сперрингс

ломкам, крупные размеры, сделаны из глины с примесью песка, прекрасно обожжены, светлорусичевого цвета с почти черными подпалинами. Венчики их либо совершенно ровные, либо имеют напыль с внутренней стороны. Аналогии с керамикой сперрингс наблюдаются в нанесении орнамента — веревочкой или шнуром. Узоры, однако, состоят из зональных групп, тогда как для керамики собственно сперрингс зональность орнамента совсем не характерна. Шнуровые оттиски покрывают всю внешнюю поверхность сосуда и сочетаются с горизонтальными, а иногда и вертикальными поясами ямочных вдавлений правильной круглой формы. Иногда они направлены под углом друг к другу и образуют узоры типа «распавшейся елочки». Существенно, что венчики сосудов, так же как

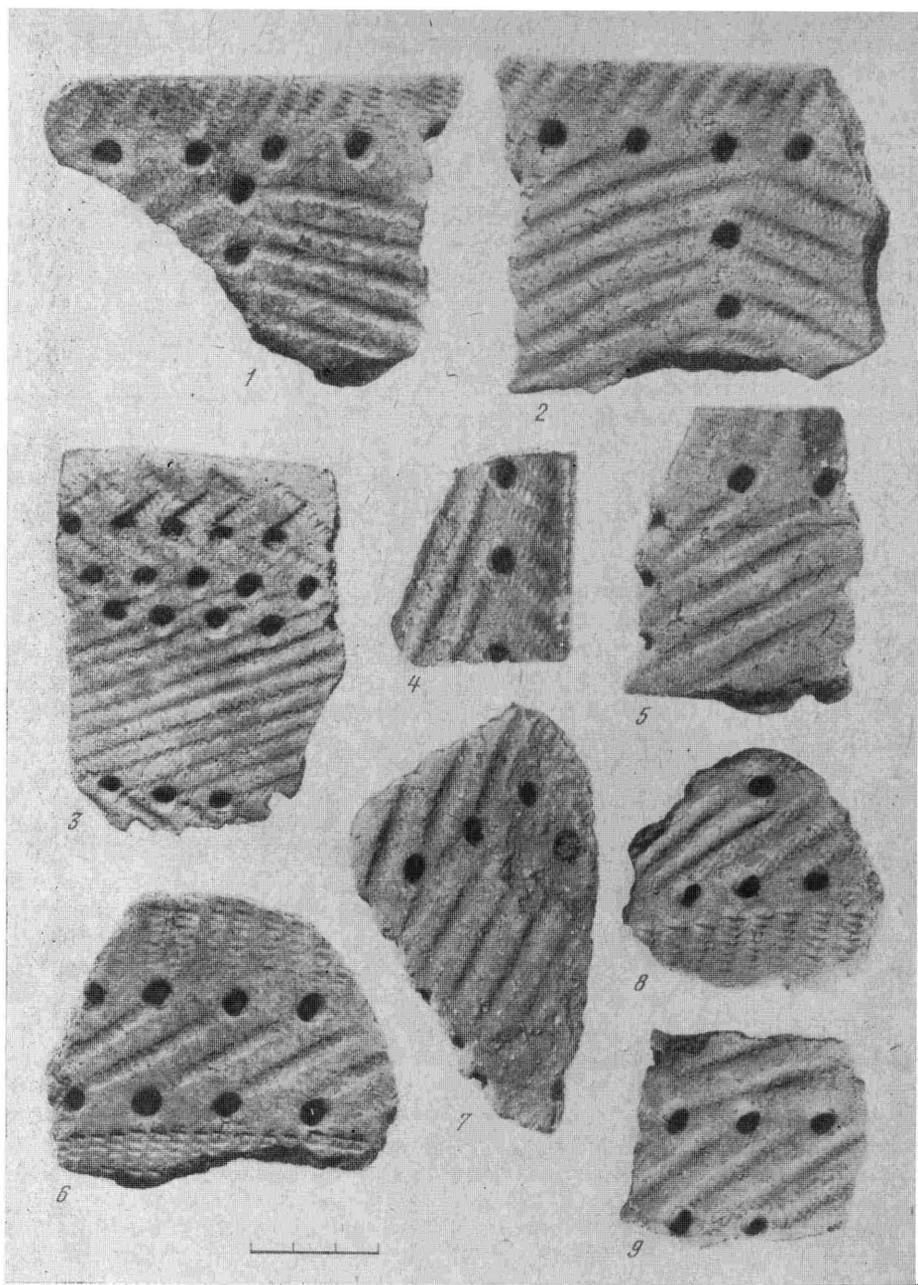

Рис. 2. Керамика „гибридного“ типа

в первой группе, не орнаментированы по срезу. Зональность же орнамента сближает эту группу керамики с ямочно-гребенчатой. Можно предположить, таким образом, что она является «гибридной», возникшей при смешении культуры сперрингс с ямочно-гребенчатой. Интересен в этом плане сосуд, украшенный ромбическими ямками в сочетании с вдавлениями типа римской единицы. Наконец, есть еще сосуд из плотной глины, хорошего обжига, орнаментированный по всей поверхности оттисками тонкого шнура (рис. 1, 9—13). Шнуровые отпечатки образуют полосы, идущие под разными углами без зонального порядка или же треугольники, разделенные

поясами ямочных вдавлений. Сосуд, судя по композиции узора, имел, вероятно, округлое дно, к которому сходились вертикальные шнуrowые отпечатки.

«Гибридная» керамика резко выделяется из общей массы посуды. Но она скорее всего относится к культуре сперрингс и составляет, видимо, ее восточный вариант. Датировка стоянок с керамикой типа сперрингс в Финляндии и Карелии твердо установлена — III тыс. до н. э. Вероятно и на стоянке Ильинский Остров керамику типа сперрингс следует относить к тому же времени. Таким образом, это было первое поселение людей на данной стоянке. К сожалению, эта керамика стратиграфически не выделяется, поскольку нет горизонта, в котором она бы резко преобладала, небольшое же увеличение ее численности приходится, как ни странно, на верхний горизонт (I горизонт — 33 обломка, II — 19, III — 11, IV — 15). Но планиграфически она выделяется более определенно, целиком сосредоточиваясь лишь в одной части поселения.

Очень сложен вопрос о том, какую часть каменного инвентаря можно связать с керамикой сперрингс. Как показала В. Ф. Филатова², каменная индустрия на памятниках с чистым комплексом керамики сперрингс имеет ряд характерных черт. Например, широкое применение сланца и кварца, преобладание крупных орудий, большая роль техники оббивки, прямоугольность форм и поперечного сечения крупных сланцевых орудий. С этих позиций на стоянке Ильинский Остров общий облик богатой и разнообразной каменной индустрии не связывается с культурой сперрингс, а относится к преобладающей здесь волосовской керамике. (К волосовскому же комплексу, кстати, относятся погребение и, видимо, жилище). С керамикой же типа сперрингс, может быть, можно связать только единичные орудия, в частности, сланцевые топоры и стамески. Наличие поселения с керамикой типа сперрингс, впервые найденного на юго-западе Архангельской области, позволяет считать, что границы распространения этой культуры уходят значительно дальше на восток, чем считалось до сих пор.

² В. Ф. Филатова. Каменные орудия неолитических поселений с керамикой сперрингс в Карелии. СА, 1970, № 4.

В. И. БЕЛЯЕВА

КРЕМНЕВАЯ МАСТЕРСКАЯ НА РЕКЕ ШУГУР
В ТУВЕ

Во время разведочных работ 1970 г. в районе Саянского каньона в Туве была найдена группа стоянок. Они располагались одна за другой по песчаному склону первой террасы правого берега Енисея, недалеко от впадения в него речки Шугур. В этом месте Енисей делает крутой поворот, обнажая скальное основание берега. Покровные отложения террасы сохранились лишь небольшими участками на узкой полосе между пляжем и скалами берега. Наиболее цельной оказалась таким образом лишь одна стоянка Е-17 или «стоянка на р. Шугур». Коллекция из 65 кремневых предметов была собрана на небольшом участке песчаного склона на высоте 6,5 м от уреза Енисея. Зачистка и раскоп 20 м² обнаружили наиболее отдаленный от реки сохранившийся участок стоянки. Культурный слой толщиной 3—4 см располагался в склоновых отложениях мелкого щебня. Глубина его залегания возле обрыва берега 0,2 м, в глубине террасы — 1,8 м. Таким образом, поверхность террасы во время ее заселения была достаточно ровной. Стратиграфия, прослеженная по южной стенке раскопа, следующая: 0—0,08 м — почва; 0,08—0,2 м — супесь коричневая крупнозернистая; 0,2—0,5 м — щебень светло-серый мелкий; 0,5—0,7 м — супесь коричневая крупнозернистая; 0,7—1,03 м — щебень светлосерый мелкий с линзами супеси. В нижней части его размещаются культурные остатки; 1,03—1,30 м — супесь коричневая с крупными валунами в нижней части слоя и линзами щебня. В культурном слое встречались обломки трубчатых костей горного козла и кремневые материалы, не образующие видимых скоплений. Нет очагов или очажных пятен, но мелкие древесные угольки разбросаны по всему раскопу. Сырьем служил черный кремнь в плитках или в форме гальки. Источником плитчатого кремня были скалы; галька и кремневый щебень в больших количествах имеются на песчаном пляже.

Формы и размеры инвентаря памятника специфичны и заставляют выделить стоянку на р. Шугур из всех известных до сих пор в Туве местонахождений. Эта особенность заключается в преобладании массивных, архаичных форм орудий и нуклеусов, в большом числе крупных сколов и отщепов и почти полном отсутствии чешуек и микролитических орудий.

Опираясь на сходство кремневого материала, собранного на поверхности склона и в культурном слое, мы рассматриваем его как единый комплекс. В общем, весь материал (187 экз.) делится на две неравные группы: преобладающую группу (179 экз.) составляют массивные архаические заготовки, сколы, отщепы и орудия и небольшую группу — (8 экз.) орудия и микропластинки (неолитического облика). Выделенные восемь орудий отличаются от основной группы не только размерами и формой, но и качеством кремня. Это микропластинки (4 экз.) правильной формы, шириной от 6 до 8 мм, ретушированные по боковой стороне с бруска (рис. 1, 2); фрагмент микроострия, скребок на отщепе с тонко отретушированным округлым рабочим краем; фрагмент наконечника стрелы с тонкой отжим-

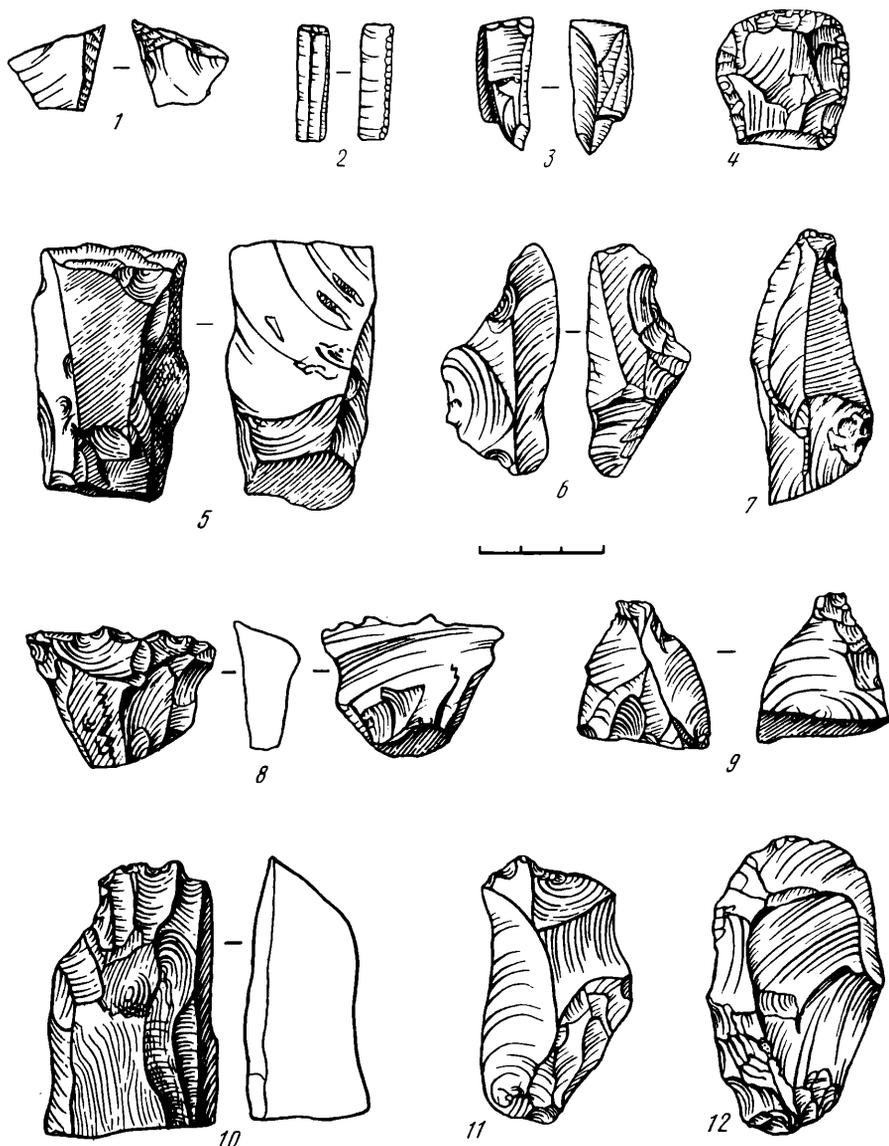

Рис. 1. Мастерская на р. Шугур

1-4 — орудия неолитического облика; 5, 6 — заготовки орудий; 7 — скребок с боковой выемкой; 8-11 — зубчатые орудия; 12 — скребло

ной ретушью; нож на овальном отщепе с тщательной уплощающей ретушью выпуклой стороны; долотовидное орудие на обломке клиновидного нуклеуса (рис. 1, 3). Весь остальной материал, представленный массивными формами как заготовок, так и орудий, делится по способу обработки на три группы: 1. Массивные, часто укороченные отщепы и сколы, полученные при первичном раскалывании кремня (114 экз.). Для них характерна широкая ударная площадка, выпуклый бугорок, ширина отщепа часто превышает длину — свидетельство скалывания не с нуклеусов, а с крупных кусков кремня. 2. Массивные отщепы и сколы, подправленные дополнительно несколькими грубыми широкими фасами (5 экз.). Два предмета из этой группы, по-видимому, являются заготовками: скребок с прямым краем без тонкой обработки рабочего лезвия и тесловидный предмет из кремневой плитки (рис. 1, 5). При его изготовлении использовались обе

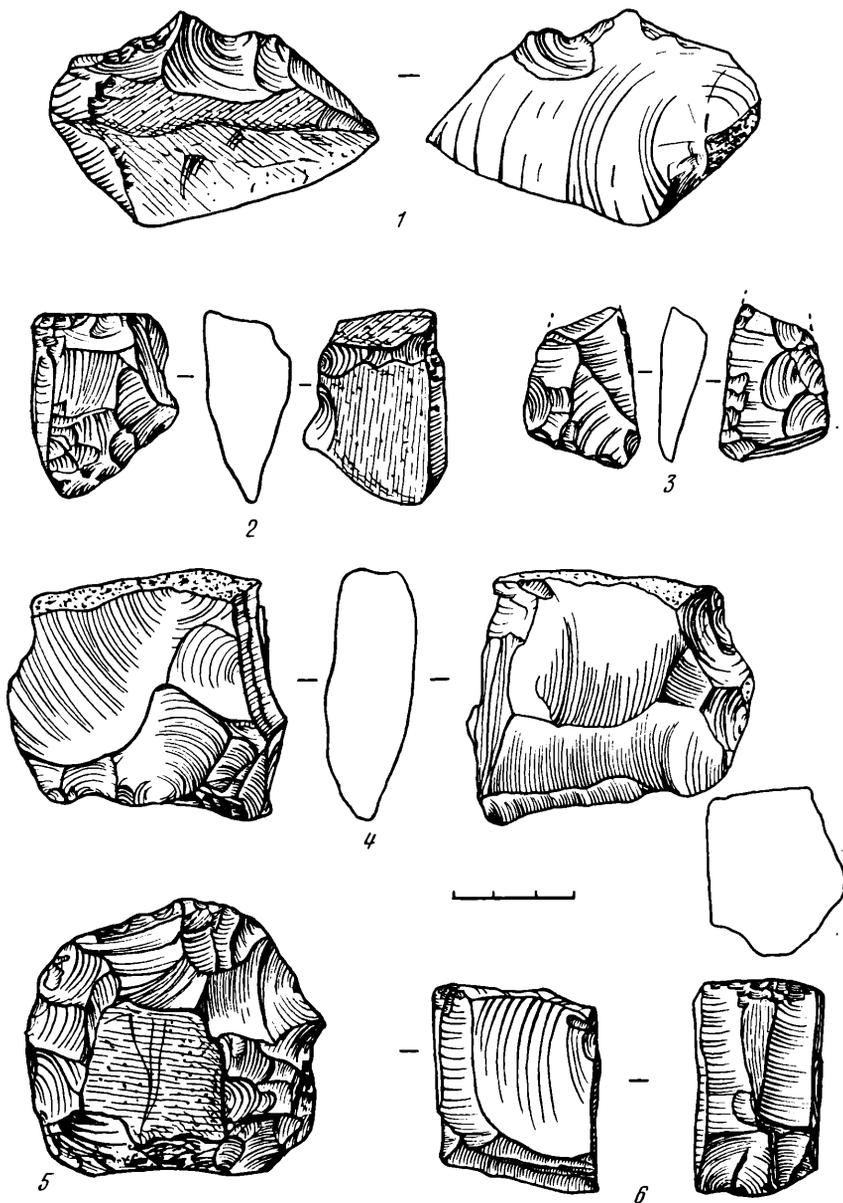

Рис. 2. Мастерская на р. Шугур

1 — зубчатое орудие на укороченном отщепе; 2, 4 — заготовка клиновидного нуклеуса; 3 — орудие с двусторонней обработкой; 5, 6 — нуклеусы: 5 — пирамидальный; 6 — параллелепипедный

плоские естественные поверхности (максимальное использование возможностей плитчатого кремня характерно для данного материала). Клиновидный конец образован поперечными длинными сколами, нанесенными до расщепления всего куска. Первичная грубая обработка предметов с только намеченной формой определяет их как заготовки орудий. 3. Массивные отщепы и сколы, сходные с предшествующей группой, у которых кроме грубой ударной подправки есть тонкая ретушь (12 экз.). Целенаправленность и законченность обработки предметов этой группы позволяет рассматривать их в качестве орудий. Среди третьей группы выделяется категория зубчатых орудий (7 экз.). Разные по своему морфологическому облику, они объединяются по признаку рабочего края, образованного рядом грубых ударов (рис. 1, 8—11). Зубчатость усугублялась дополни-

тельной мелкой ретушью, после чего рабочий конец выделялся крутой боковой выемкой. Такие вещи использовались, по-видимому, в некоторых случаях как скребущие орудия; под лупой хорошо просматривалась заполированность кромки края и мелкие поперечные риски — следы сработанности (рис. 1, 8). Зубчики оформляют рабочую кромку высокого скребка. Они созданы здесь рядом сильных удлиненных сколов, мелкой ретушью кромки и выемкой на боковой грани (рис. 1, 10). Исходным материалом для этого орудия послужила аналогичная тесловидной заготовке плитка с плиточной поверхностью двух граней. Существование в едином комплексе позднего, скорее всего неолитического инвентаря и подобных архаичных зубчатых орудий, вероятно, объясняется спецификой хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Остальные массивные орудия представлены известными и типичными для поздних памятников Сибири предметами: овальными скреблами на отщепах (2 экз.) (рис. 1, 12), скребками (2 экз.) на концах массивных сколов; обломом двухсторонне-обработанного орудия на пластине, уплощенного с брюшка широкими плоскими сколами. Боковые стороны его частично подправлены ретушью с обеих сторон (рис. 2, 3). Группа нуклеусов (6 экз.) состоит из заготовок (3 экз.) и законченных и использованных экземпляров (3 экз.). Заготовки являются плитками (в одном случае — крупный отщеп), которые заострены несколькими сильными ударами на конце и на боковой стороне. Площадкой служит плоская поверхность плитки. Рабочий торец образован продольным сколом (рис. 2, 2, 4). Данные предметы подготовлены для снятия микропластин и приближаются по форме к клиновидным нуклеусам, типичным для Сибири. Три остальных нуклеуса относятся к двум типам. Один из них — в форме параллелепипеда с двумя смежными ударными площадками, с рабочей плоскости которого сделано только несколько первоначальных сколов (рис. 2, 6). Второй нуклеус пирамидальный, усеченный, массивный, с округлой выпуклой ударной площадкой и основанием покрытым галечной коркой. Скальвание широких отщепов производилось с трех сторон периметра (рис. 2, 5). Третий нуклеус такого же типа представлен массивным сколом нижней части.

Своеобразие набора кремневого инвентаря в целом объясняется особым типом памятника стоянки — мастерской. Небольшая высота голоценовой террасы и микролитический инвентарь, тождественный материалу из стоянки Усть-Хемчик 3, находящейся на той же низкой террасе¹, дают основание датировать мастерскую временем раннего неолита. Я. Козловский² предлагает выделять три группы мастерских, основываясь на их отношении к месторождению кремня и месту жилища: мастерские около жилища, вне площадки месторождения; мастерские около жилища на площадке месторождения; мастерские вне жилища на площадке месторождения. Скорее всего, местонахождение на Шугуре следует отнести к третьему типу мастерских. Скальные выходы кремня рядом, а признаков жилищного комплекса нет. Окончательная обработка обычного для неолитических поселений инвентаря здесь не происходила, поскольку нет мелких чешуек, отщепов, сработанных нуклеусов. Несколько микропластинок, скребков и нож, видимо, были принесены сюда уже в готовом виде. Мелкие и тщательно обработанные орудия изготовлялись из принесенного сырья на местах более удобных для жилья и близких к районам охоты на горного козла. Следует отметить почти полное отсутствие в материалах мастерской заготовок крупных орудий (топоров, тесел, скребел), типичных для неолита. Среди крупных орудий и заготовок преобладают предметы зубчатых форм. Они, однако, не позволяют пока говорить об определенной культурной индивидуальности стоянки, учитывая специфику памятника (мастерской) и то, что он исследовался на небольшой сохранившейся части стоянки.

¹ По утверждению А. Ф. Ямских.

² J. Kozłowski. Zagadnienie górnopaleolitycznych pracowni krzemieniarskich. «Prace Archeologiczne», z. 8. Kraków.

Н. М. ЕРМОЛОВА

ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ
ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ НА Р. ОНОН

При раскопках неолитической стоянки на левом берегу р. Онон, близ поселка Чиндант (180 км к юго-востоку от г. Читы), проведенных А. П. Окладниковым в 1965 г., наряду с предметами индустрии развитого неолита найдены и фрагменты костей животных.

Культурный слой стоянки залегал на глубине около 6 м в пойменной фации аллювиальных отложений голоценового возраста. Современный ландшафт, окружающий место стоянки, представляет собой степь, слегка изрезанную холмами с выходами коренных пород. В пойме р. Онон, а также по склонам балок, выходящих к реке, встречается древесная растительность. Преобладающей породой является сосна. Севернее стоянки, в 50—70 км, — тайга, южнее — степь и полупустыни монгольского типа.

Костные остатки, обнаруженные на этой стоянке, представляют значительный интерес для изучения фауны млекопитающих эпохи неолита Южной Сибири, до сих пор все еще мало известной. Из 67 фрагментов костей вполне определимыми являются 49, представляющие собой остатки зубра, кулана и дзерена.

Зубру (*Bison* sp.) принадлежит наибольшее количество костных обломков: нижней челюсти — 1, таза — 2, лопатки — 1, нижних эпифизов плюсневых костей — 5, диафизов плюсневых костей — 3, диафизов пястных костей — 2, коленной чашечки — 1. Целыми являются лишь 6 костей запястья и 1 кость предплюсны. Кроме того, имеется 13 отдельных зубов, которые и представляют наибольший интерес. Большинство зубов относится к нижнему зубному ряду: 1 молочный зуб — Pm_2 и два правых премоляра — Pm_3 молодых животных. Так как один из этих зубов крупнее другого, следует считать, что они относились к различным по размерам особям. Имеющийся среди зубов правый Pm_4 также принадлежал молодому животному и находился, видимо, в той же челюсти, что и крупный Pm_3 и P_2 . Из постоянных коренных зубов имеются: фрагмент левого M_1 — стертая часть его *columella* представляет собой удлиненную петлю; два правых M_1 со стертыми вершинами *columella*; два правых M_2 , *columella* которых еще не начали стираться (расстояние от их вершины до жевательной поверхности зуба 9 мм и 14 мм) и один левый M_3 , очень сильно стертый.

Перечисленные выше коренные зубы нижней челюсти, жевательная поверхность которых почти не подверглась стиранию, принадлежат двум молодым особям. Изношенность последнего коренного зуба (M_3) свидетельствует о старом возрасте животного. Резец имеется только один. Верхней челюсти принадлежат 3 зуба: левый Pm и правые M_1 и M_2 . У M_1 *columella* образует петлю, у M_2 вершина *columella* находится еще в 11 мм от жевательной поверхности зуба. Все эти зубы принадлежат верхней челюсти одной особи.

Сильная фрагментарность костного материала лишает возможности представить промеры костей скелета.

Таблица 1
Промеры зубов зубров (в мм)

	Зубы нижней челюсти				Зубы верхней челюсти		
	Pm ₃	Pm ₄	M ₁	M ₂	Pm	M ₁	M ₂
Длина коронки зуба	24,0 20,0	26,0	32,0 40,0	34,0 36,0	23,0	36,5	35,0

Было принято считать, что на территории Азии зубры исчезли к концу плейстоцена. Только в последние годы появились сведения о костных остатках зубров в Сибири голоценового возраста. Они были обнаружены на стоянках неолитического времени в лесостепной части долины Ангары (Ленковка, Семеновка, Усть-Белая, Казачье), а также в тюркских поселениях эпохи раннего железа, расположенных на территории Унгинских степей у г. Балаганска.

В долине Енисея остатки зубров голоценового возраста найдены в районе Минусинской степи¹.

Новое местонахождение костей зубра в кухонных остатках неолитической стоянки на р. Онон расширяет известную границу распространения зубра в голоцене и свидетельствует о примерно одинаковых ландшафтных условиях его существования. Остатки голоценовых зубров с Ангары были предположительно отнесены к *Bison bonasus*, но можно также предположить, что поздние зубры Южной Сибири были ближе к американским степным бизонам, так как условия обитания тех и других, по-видимому, довольно сходны. Во всяком случае, фрагменты костей зубров, найденных в голоценовых отложениях как в долине р. Ангары, так и на р. Онон, не позволяют произвести точное определение вида.

К остаткам дзерепа (*Procapra guttorosa* Gm.) можно отнести всего два костных обломка — верхнюю часть лучевой кости и фрагмент нижней челюсти с M₁ и M₂.

Кулану (*Equus hemionus* Pall.) принадлежат 12 костных остатков, причём два из них — фрагменты диафиза нижней челюсти и таза — только предположительно. Наибольший интерес представляют остатки 10 зубов. Сохранились зубы правого ряда нижней челюсти (Pm₃—M₃) взрослой особи и фрагмент левого предкоренного зуба нижней челюсти другой, более молодой особи. Кроме того, имеются фрагменты двух резцов и двух верхних коренных молодой особи. На всех молярах нижнего зубного ряда наружная долинка глубоко проникает в шейку двойной петли (рис. 1). Такое строение является характерным для более древних лошадей и несвойственно зубам кулана, которым присущ рисунок кабаллоидного характера². Форма самой двойной петли зубов кулана с р. Онон близка скорее к стеноновому типу, чем к кабаллоидному, так как передняя и задняя петли круглые, одинаковой формы и угол выемки между ними довольно острый. Таким образом, у нижних коренных зубов, найденных на р. Онон, рисунок жевательной поверхности стеноново-азидный. Интересным является тот факт, что находка зубов кулана с архаичным рисунком на р. Онон не является единственной. Такое же строение жевательной поверхности, когда наружная долинка входит в шейку двойной петли, имеется

¹ Н. М. Ермолова. О фауне млекопитающих эпохи палеолита и неолита Прибайкалья. «Материалы по этнографии», вып. 3, 1963; она же. Найдено в палеолите Енисея. Природа, 1968, № 2, стр. 58; она же. К изучению фауны млекопитающих палеолита Енисея (верхнепалеолитическая стоянка Кокорево I). КСИА, вып. 126, 1971, стр. 22, 24.

² В. И. Громова. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете, ч. I и 2. М.—Л., 1949.

на зубах фрагментов нижних челюстей из Троицкосавска (ЗИН, № 20154) и из пещеры на р. Ханхара (Алтай; ЗИН, № 10632).

Как видно из табл. 2, зубы из стоянки на р. Онон очень мелки по сравнению с зубами современных куланов, но не отличаются по величине от зубов из Троицкосавска. Зубы с р. Ханхары несколько крупнее.

Верхних коренных зубов кулана только 2 фрагмента. Протокон, который сохранился лишь на одном фрагменте, довольно вытянут и сплюснен, но внутренний край его по всей длине вогнут, как у типичных *Equus hidruntinus*³. Верхние коренные зубы принадлежат другой, более молодой особи, чем нижние.

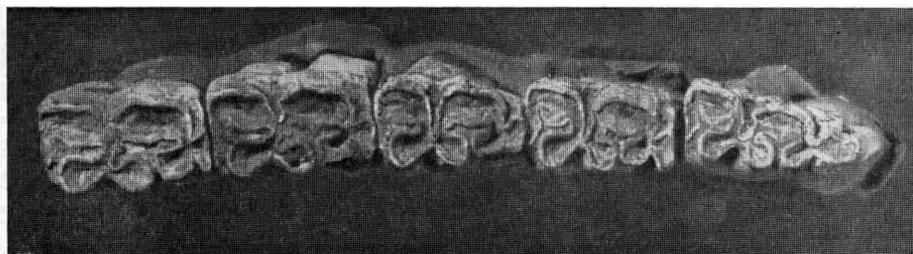

Рис. 1. Жевательная поверхность нижних коренных зубов кулана из стоянки Онон

Несмотря на то, что на р. Онон не найдено костей скелета, признаки которых являются наиболее верными для диагностики кулана (метаподии, фаланги и др.), считаем единственно возможным отнести обнаруженные остатки *Equus* к кулану. В. И. Громова, полагая случайным архаичное строение зубов куланов из пещер Алтая и из Троицкосавска, все же предполагает возможное существование в позднем плейстоцене Сибири представителя подрода *Asinus*, близкого к кулану, но по некоторым признакам приближающегося и к *Equus hidruntinus*.

Достоверно определенные костные остатки кулана в Южной Сибири известны из палеолитических стоянок на Енисее. Кости этого вида найдены в кухонных отбросах палеолитических поселений (Афонтова гора, Тележный лог, Забочка, Киперный лог, Таштык). Известно это животное и на Ангаре в эпоху распространения там тюркских скотоводческих посе-

Таблица 2
Промеры зубов куланов (в мм)

Нижний зубной ряд	Ископаемые			Современные	
	р. Онон	Троицко-савск	Ханхара	Пределы колебаний	Среднее значение
		по В. И. Громовой (1949)			
P _{m3} Длина	24,5	25,0	27,0	26,4—30,0	28,7
	15,3	15,0	15,0		
P _{m4} Длина	24,4	22,5	25,0	26,0—29,0	27,4
	15,2	15,5	15,0		
M ₁ Длина	22,2	21,0	26,0	24,0—26,5	25,0
	13,7	13,7	14,5		
M ₂ Длина	22,0	21,5	25,0	24,0—26,0	25,0
	13,5	14,0	14,0		
M ₃ Длина	26,1	—	—	28,0—31,0	29,3
	12,4	—	—		
Ширина				13,0—15,5	14,5

³ В. И. Громова. О скелете тарпана (*Equus caballus Gmelini*) и других диких лошадей. «Труды Московского общества испытателей природы», т. X, 1963.

лений VI—XI вв. (р. Унга и р. Куда). Возраст остатков кулана с архаичными признаками зубов, найденных в неолитическом поселении на р. Онон, является голоценовым. Следовательно, существование этого вида в Сибири распространяется на период от плейстоцена почти до современности. Ввиду довольно резкого отличия в строении нижних моляров, которое уже трудно считать случайным, указанный представитель рода *Equus* претендует на положение самостоятельного варианта *E. hemionus* var?, но название давать ему преждевременно, так как костный материал еще недостаточно изучен.

Несмотря на незначительное количество костного материала, остатки млекопитающих из неолитической стоянки на р. Онон представляют несомненный интерес в зоогеографическом отношении. Так, находка костей зубра расширила голоценовый ареал этого животного до Забайкалья. Можно полагать, что в постплейстоценовое время зубр практически был распространен по всей Южной Сибири. Исследование остатков кулана из этой стоянки позволило предположить существование в плейстоцене и голоцене Южной Сибири особого варианта этого животного, который отличался от обычной формы *Equus hemionus* архаичным строением зубов.

Исследованный фаунистический материал, все виды которого являются представителями открытых ландшафтов, позволяет сделать заключение, что человек в эпоху неолита в Забайкалье существовал в окружении степей. В отличие от Приангарья, где основной добычей неолитических охотников с началом голоцена становятся лесные и лесостепные виды животных (лось, медведь, благородный олень, косуля), в Забайкалье не было резкой смены природной обстановки и в неолите; как и в конце палеолита, люди продолжали охотиться на обитателей открытых пространств.

А. Ф. ДУБЫНИН

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ТРОИЦКОГО ГОРОДИЩА

Очень часто при раскопках городищ дьякова типа периода раннего железа среди значительного количества изделий из камня встречаются более ранние каменные орудия или их обломки. Так, на Троицком городище в Подмоскowie¹, во время раскопок 1956—1960 гг. было обнаружено свыше 40 предметов, относящихся к более раннему времени, чем само городище². Эту коллекцию составляют: два нуклеуса, около 25 ножевидных пластинок, скребков и осколков кремня, три обломка шлифованных сверленных топоров, а также 9 фрагментов керамики с ямочным орнаментом. За исключением кремневой ножевидной пластинки (рис. 1, 11) все они найдены на основной площадке городища (рис. 1), залегая на разной глубине. Так, например, ножевидная пластинка лежала на уровне 0,4 м во рву, который вместе с кольцевой столбовой постройкой принадлежал наиболее древней оборонительной системе городища. После разрушения оборонительной системы ров был засыпан; очевидно, тогда и попала в него пластинка. Мощность культурного слоя на площадке городища — от 0,2 до 1 м. Чтобы иметь возможность более подробно проследить стратиграфию слоя и размещение в нем находок, было выделено по мощности культурного слоя 6 зон: мощностью 20 см; 40 см; 60 см; 80 см; 1 м и ров, где культурный слой был больше 1 м³. Выделение зон дало возможность сделать довольно интересные наблюдения в отношении находок каменных орудий и ямочной керамики.

В первой зоне кремневая ножевидная пластинка (рис. 1, 8) найдена на глубине 0,2 м, во второй зоне — ножевидная пластинка, скребок, отщеп из кремня обнаружены на глубине 0,35—0,45 м. В обоих случаях эти находки размещались в нижней части надматерикового пласта. В третьей зоне 3 поделки из кремня (рис. 1, 4; 2, 2) были в первом верхнем пласте (0—0,2 м) и 3 поделки в нижнем — надматериковом пласте на глубине 0,41—0,5 м (рис. 1, 12). Четвертая и пятая зоны, располагавшиеся в центральной части площадки городища, были сильнее насыщены интересующими нас вещами. Верхний пласт четвертой зоны (глубина 0,08—0,2 м) содержал 4 находки: нуклеус, ножевидную пластинку (рис. 1, 9), отщеп (рис. 2, 15) и скол со следами обработки. Ко второму пласту (0,2—0,4 м) той же зоны относятся 5 кремней со следами обработки (рис. 1, 6, 7). В третьем пласте IV зоны (глубина 0,55—0,6 м) находились: шлифованный сверленный топор (рис. 1, 16), обломок хорошо обработанного кремневого орудия (рис. 1, 3), ножевидная пластинка (рис. 1, 10) и отщеп кремня. Эти находки примыкали уже к нижнему надматериковому пласту, где кроме двух кремневых отщепов обнаружены 3 фрагмента керамики с ямочным орнаментом. В пятой зоне поделки из

¹ «Древнее поселение в Подмоскowie». МИА, № 156, 1970; МИА, № 184, 1971.

² А. Ф. Дубынин. Троицкое городище. МИА, № 156, 1970.

³ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., стр. 7, рис. 4.

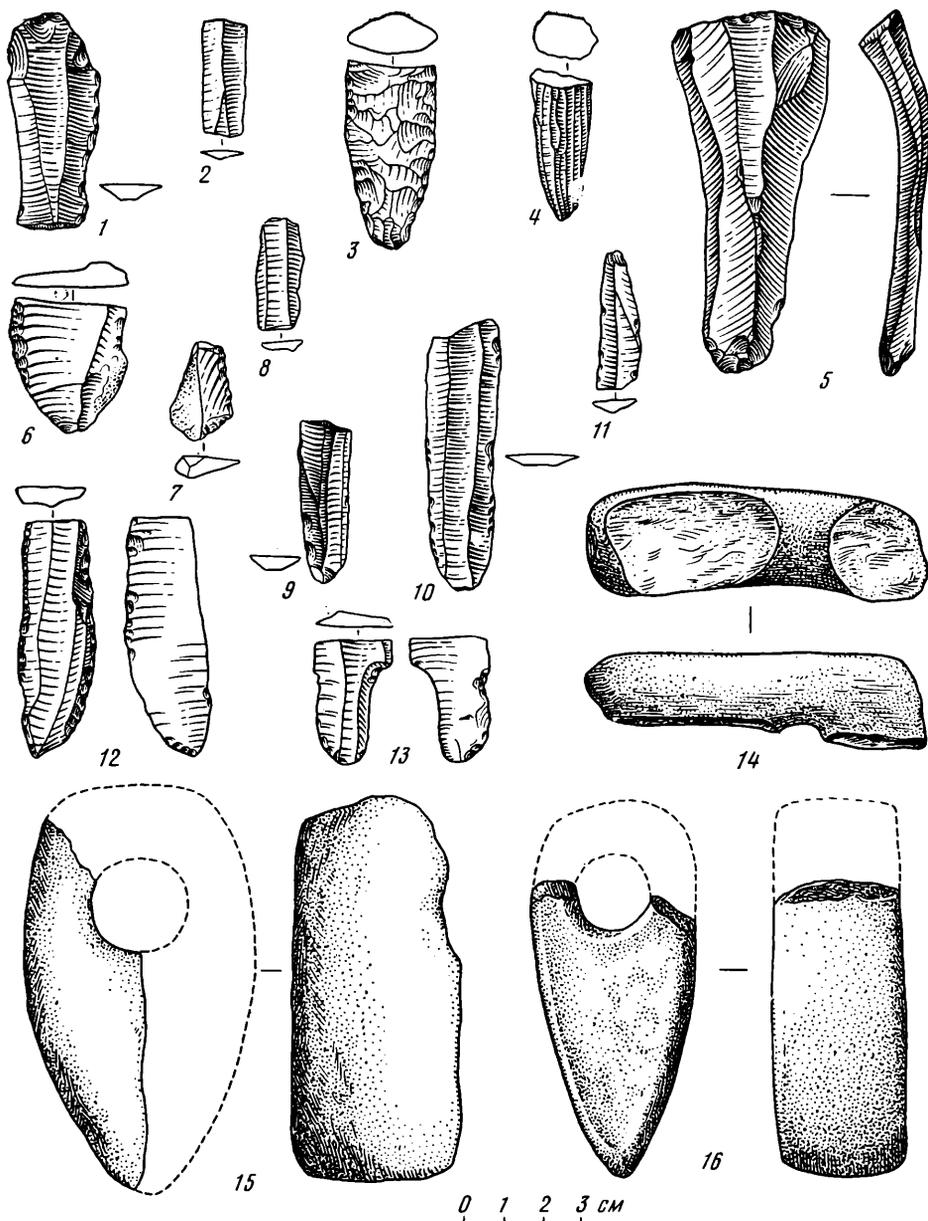

Рис. 1. Каменные орудия, найденные на площадке Троицкого городища

кремня происходили из второго пласта (0,2—0,4 м). В нем найдены 2 скребка (рис. 1, 13; 2, 3), ножевидная пластинка (рис. 1, 6), пластинка с боковой ретушью (рис. 1, 1) и кремневое орудие овальной формы. Ниже, в 3 пласте (0,4—0,6 м) найден обломок ножевидной пластинки (рис. 2, 13) и фрагмент керамики с ямочным орнаментом. В 4-м пласте (0,6—0,8 м) обнаружен обломок второго шлифованного сверленого топора (рис. 1, 15), кремневая ножевидная пластинка (рис. 2, 4) и два фрагмента керамики того же типа (рис. 2, 11). Стратиграфически находки этого пласта отделялись от нижнего надматерикового пласта прослойкой всего в 10 см. В пятом — надматериковом — пласте на глубине 0,9—1 м находились: половинка третьего каменного топора (рис. 1, 14),

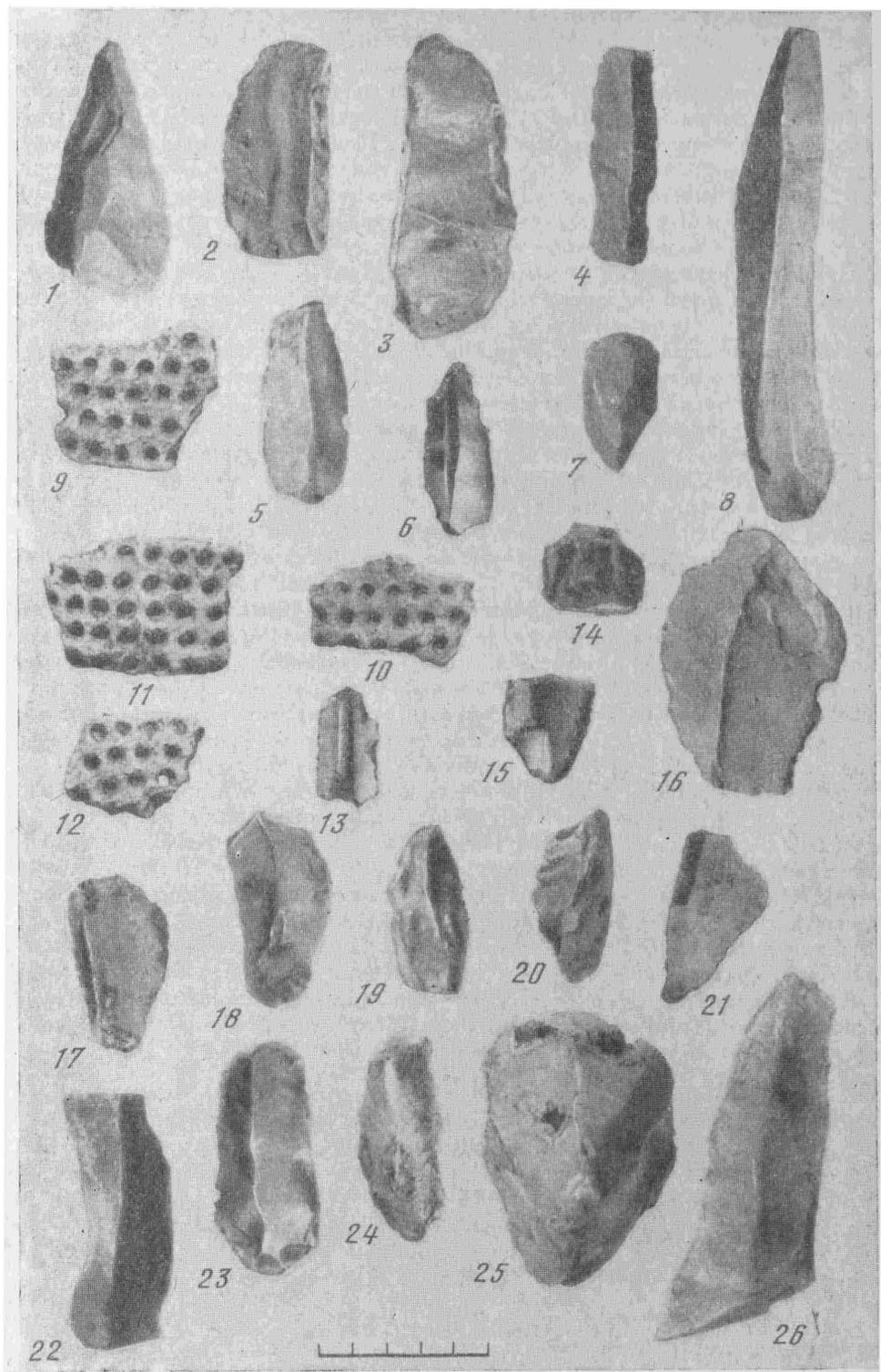

Рис. 2. Изделия из кремня и глины с площадки Троицкого городища

две кремневые пластины (рис. 1, 5; 2, 8), ножевидная пластинка (рис. 2, 5) и отщеп с округлым краем (рис. 2, 7).

Стратиграфическое размещение перечисленных находок в культурном слое Троицкого городища дает возможность считать, что около 50% их связано с надматериковым пластом. А если учесть и находки, лежавшие на 15—20 см выше (они могли быть незначительно перемещены), то этот процент увеличивается примерно до 55%. Присутствие около 30% упомянутых находок в верхнем пласте III и IV зон, а также во 2 пласте V зоны также может говорить в пользу предположения о связи каменных орудий преимущественно с нижней частью культурного напластования этого памятника. При больших строительных работах на площадке Троицкого городища, в особенности в поздний период его существования, отдельные вещи вполне могли перемещаться из нижнего пласта в верхний, о чем может свидетельствовать хотя бы нуклеус (рис. 1, 4). Очевидно, основная часть описанных находок городища не случайные, принесенные сюда, вещи. Они являются остатками ранее существовавшего незначительного культурного слоя, впоследствии разрушенного городищем.

Комплекс кремневых орудий и фрагментов керамики Троицкого городища довольно близок инвентарю стоянки у дер. Сущево Талдомского района Московской обл., которую В. М. Раушенбах считает наиболее древним памятником льяловской культуры⁴. Для нее характерно большое количество ножевидных пластин различных размеров, а скребки двух типов: на концах ножевидных пластин и на более широких отщепах. В орнаментации керамики «резко преобладают ямки, оттисков гребенчатого штампа очень мало»⁵. Таким образом, материалы Сушевской стоянки весьма близки древнейшим остаткам на площадке Троицкого городища. В обоих случаях кремневый инвентарь в некоторой части напоминает инвентарь памятников эпохи мезолита; керамика также древняя. Это дает достаточно оснований для сопоставления остатков двух указанных памятников и датировки поделок из кремня и керамики с ямочным орнаментом Троицкого городища эпохой раннего неолита (2-я половина IV тысячелетия до н. э.).

Что же касается двух каменных шлифованных сверленных топоров (рис. 1, 15, 16), то они в обоих случаях находились несколько выше прослоек надматерикового пласта с поделками из кремня и, вероятно, их следует уже относить к фатьяновской культуре и датировать II тысячелетием до н. э. Находки фатьяновских топоров известны и на других городищах дьякова типа. Недалеко от Троицкого городища, в устье р. Колочи, при земляных работах в 1957 г. тоже обнаружен топор фатьяновского типа⁶.

Итак, приходится предполагать, что первые поселенцы на территории этого городища и в его окрестностях появились еще задолго до населения, основанного здесь в период раннего железа укрепленный поселок, хорошо теперь известный нам как Троицкое городище.

⁴ В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, № 2, стр. 188—191.

⁵ Там же, стр. 188, рис. 1.

⁶ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., стр. 25—26, табл. 31, 12.

Т. Д. БЕЛАНОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О РЫБОЛОВСТВЕ
В ПЕРИОД НЕОЛИТА НА НИЖНЕМ ДОНУ

(по материалам поселения Ракушечный Яр)

При исследовании долговременного неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону был получен убедительный материал для выяснения характера хозяйства его древних обитателей. Памятник находится на северо-западной оконечности острова Поречного близ станицы Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области. Раскопки производились Раздорской археологической экспедицией¹.

Ракушечный Яр отличается мощными культурными наслоениями, насущенными разнообразными находками. Значительный материал, полученный в процессе полевых исследований, позволяет охарактеризовать хозяйство его обитателей как комплексное, включающее присваивающие и производящие формы хозяйства; при этом рыболовство, охота и собирательство имели большое значение, особенно на раннем этапе существования поселения.

Топография поселения, расположенного на берегу широкой полноводной реки, изобиловавшей рыбой, позволяет предполагать особенно большой удельный вес рыболовства в хозяйстве обитателей Ракушечного Яра; оно сыграло существенную роль в возникновении оседлости.

О рыболовстве свидетельствуют находки костей рыб. По определению Е. А. Цепкина, кости принадлежат сому *Siluris glanis* L., имевшему значительные размеры: так, длина некоторых особей достигала от 1 до 2,4 м; по данным А. Н. Световидова², в настоящее время средняя длина этих рыб составляет 0,6—1,1 м. Возраст отдельных экземпляров из Ракушечного Яра — 10, 15 и 25 лет. Видимо, это было обусловлено изобилием рыбы и несколько иным режимом водной среды в древности. Сом дает большое количество высококачественного мяса, поэтому он служил основным объектом ловли. Е. А. Цепкин считает, что в Европейской части СССР значительные изменения климата в течение голоцена оказали заметное влияние на видовой состав пресноводных рыб; в позднем голоцене уже не климатические факторы, а разнообразные формы хозяйственной деятельности человека оказывали прямое или косвенное влияние на фауну рыб³.

Несомненно, обитатели Ракушечного Яра ловили, кроме сомов, и другую рыбу, например, тарань (*Rutilus rutilus heckeli*, определение Е. А. Цепкина). О некоторых способах ловли имеются неоспоримые вещественные доказательства, о других можно говорить лишь предположительно, на-

¹ Экспедиция велась под руководством автора, организована кафедрой археологии Ленинградского государственного университета при участии Музея истории донского казачества в г. Новочеркаске.

² А. Н. Световидов. К истории ихтиофауны р. Дона. МИА, № 8, 1948, стр. 126.

³ Е. А. Цепкин. Влияние изменений климата в голоцене на фауну рыб континентальных водоемов СССР. «Научные доклады высшей школы», Биологические науки, № 8, 1967, стр. 31.

пример, о ловле рыбы руками, известной по этнографическим данным⁴. Практиковались коллективный и индивидуальный способы ловли рыбы; первый имел, несомненно, большое промысловое значение, так как давал богатый улов; второй, хотя и не столь эффективный, обладал все же некоторыми преимуществами (возможность быстро менять позицию лова, пользоваться всеми водными бассейнами)⁵.

По-видимому, одним из широко распространенных коллективных способов ловли являлся лов рыбы сетями. Дж. Кларк считает, что сеть была наиболее эффективной из всех рыболовных снастей, применявшихся с эпохи мезолита⁶. В период неолита рыболовные сети использовались особенно широко. О применении их обитателями поселения Ракушечный Яр свидетельствуют находки каменных грузил.

Л. Р. Нужье придавал большое значение находкам неолитических грузил, считая их показателями сложного хозяйства⁷.

Всего на нашем поселении найдено 59 грузил: 39 в центральной части, 13 на периферии, где были заложены небольшие раскопы, и 7 близ поселения. Изготовлены они в основном из алевролита, сланца и песчаника, в единичных случаях — известняка, порфирита и мергеля; очевидно, выбор материала определялся степенью легкости его сверления (как известно, кремнь, повсеместно широко использовавшийся для изготовления других орудий, в качестве материала для грузил не применялся).

Н. Н. Гурина, характеризуя грузила, найденные на стоянке Вой-Наволоч 9 в Карелии, отмечает следующие их особенности⁸: окатанность гальки, отсутствие на ней острых режущих граней, способных перерезать веревку или порвать сеть; округлость и в то же время достаточная уплощенность, способствующая более легкому просверливанию отверстия для крепления грузила; твердость породы камня; почти полное тождество в размере и весе всех грузил.

Первые три признака в полной мере присущи грузилам, найденным на Ракушечном Яре; что касается размера и веса грузил, то здесь наблюдается большое разнообразие, видимо, вызванное различными способами применения грузил. По определению В. Д. Лебедева⁹, более массивные грузила применялись на неводах, а более легкие — на сетях.

Большинство грузил изготовлено из плоских окатанных массивных, нередко продольно расколотых галек; иногда использовали и предметы, вышедшие из употребления: чтобы превратить их в грузила, достаточно было просверлить отверстие для подвешивания. Еще Н. И. Витковский отмечал, что для грузил форма и тщательность отделки не играют почти никакой роли¹⁰. Так, семь грузил сделаны из шлифованных рубящих орудий (рис. 1, 1), одно из зернотерки (рис. 1, 2), одно — из абразива с желобком для заточки костяных изделий (определение С. А. Семенова, рис. 1, 3).

Сверление грузил — двустороннее биконическое — производилось заостренным орудием. На пяти грузилах видны «наметки» в виде округлых углублений — следы начатого, но по каким-то причинам не завершеного сверления (рис. 1, 4). Диаметр сверлин — от 0,5 до 2 см, отверстий — от 0,2 до 0,6 см. На противоположных плоскостях диаметр сверлин часто разнится на 1 мм. Особо следует отметить одно грузило, у которого излом пришелся на отверстие, расположенное близко к краю, поэтому грузило

⁴ A. Thomazi. Histoire de la pêche. Paris, 1947, p. 10-11.

⁵ С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 339.

⁶ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 53.

⁷ L. R. Nougier. Poid à pêche néolithiques (note complémentaire). «Bulletin de la société préhistorique Française», vol. XLIX, 1952, p. 94.

⁸ Н. Н. Гурина. Техника изготовления грузил на стоянке Вой-Наволоч 9. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 181.

⁹ В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М., 1960, стр. 145.

¹⁰ Н. И. Витковский. Просверленные камни. «Известия ВСОРГО», т. XXI, № 4, 1890, стр. 34.

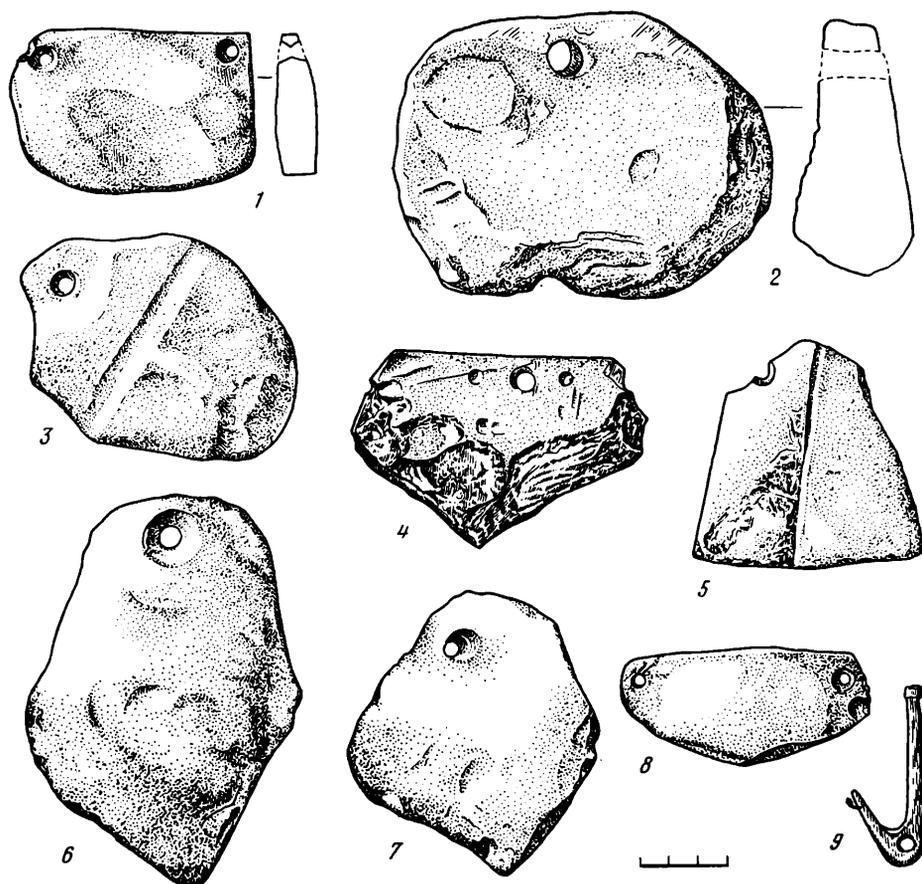

Рис. 1. Рыболовные грузила и крючок с поселения Ракушечный Яр

подвешивалось (вдоль длинной оси проходит желобок, опоясывающий грузило, рис. 1, 5).

Все грузила Ракушечного Яра по форме и способу крепления можно разделить на два типа: I — массивные, округлых, подчетыреугольных и подтреугольных очертаний, с одним отверстием для подвешивания (рис. 1, 6, 7) — 48 экземпляров, II — более миниатюрные, овальной и подчетыреугольной формы, с двумя отверстиями, расположенными на расстоянии от 5,3 до 8,3 см по прямой друг от друга (рис. 1, 8) — 11 экземпляров.

Семь грузил первого типа имеют четко выраженный косой скол на краю, противоположном просверленному отверстию (рис. 1, 6, 7). Размеры их достигают в длину от 6 до 19 см (чаще всего 8—12), в ширину 4—10 см. Вес их — от 0,1 до 0,7 кг (чаще всего 0,2—0,3 кг). Подобные предметы известны в неолитических поселениях Матвеев курган II в Ростовской области¹¹, в Александрии на Украине¹², в Югославии на поселениях Данилу Битиньи¹³ (И. Корошец считает этот предмет амулетом), Предионика¹⁴, Маркове Шпилья¹⁵.

¹¹ Л. Я. Крижевская. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев курган II. КСИА, вып. 131, 1972, стр. 127

¹² Д. Я. Телегин. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 206.

¹³ I. Korošec. Neolitska naseobina u Danilu Bitinju. Zagreb, 1958, str. 152, Tabl. X, 5.

¹⁴ R. Galović. Predionica. 1959, str. 77, tabl. 90, 1, 2, 3.

¹⁵ B. Sečuk. Kamene i Koštane rukotvorine Markove Spilje. «Arheološki radovi i rasprave», VI. Zagreb. 1968, str. 193, tabl. XI, 1.

Грузила второго типа с двумя отверстиями имеют длину от 8,5 до 11 см, ширину от 3,3 до 6,2 см, вес от 0,1 до 0,2 кг. Подобные грузила известны по этнографическим данным¹⁶. Видимо, количество отверстий определялось способом крепления к сети. Наибольшее количество грузил приходится на пятый, восьмой и девятый слои. В это время лов рыбы сетями имел наиболее широкое распространение; уменьшение количества грузил в верхних слоях отражает меньшее значение сетевого лова (возможно, и рыболовства вообще) на поздних этапах существования поселения.

На поселении Ракушечный Яр найдено большое количество каменных рубящих и плотницких орудий. Исследователи связывают появление их в неолите, в частности, с развитием рыболовства¹⁷.

Таблица 1
Распределение грузил I и II типов по слоям

Слой		4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	16	Всего
Грузила	I тип	2	8	3	1	2	6	1	1	1	1	2	1	29
	II тип	1	2	—	2	2	3	—	—	—	—	—	—	10

Об индивидуальном лове рыбы свидетельствует уникальная находка рогового рыболовного крючка (слой 5 б) — вытянутой формы, округлый в сечении стержень диаметром вверху 0,4 см, внизу — 0,6 см сужается кверху, где он снабжен небольшим выступом, предназначенным для крепления лески. Нижняя часть крючка расширена, на округлом изгибе ее имеется просверленное отверстие диаметром 0,4 см. Бородка его отогнута наружу. Длина крючка — 6 см, ширина — 2,5 см, высота поддева — 2,6 см (рис. 1, 9).

Подобные крючки с отверстием на округлом изгибе известны в неолитических памятниках Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии¹⁸, а также в более позднее время на востоке Северной Америки, в штате Огайо¹⁹. Отличие их от нашего крючка заключается в том, что отверстие просверлено не в основании его, а на самом сгибе. Крючки с отверстием в основании, расположенным аналогично нашему крючку, найдены на стоянках эпохи раннего металла — Екатерининской (Кольский полуостров)²⁰, на острове Кельмо в Норвегии²¹, а также в памятниках IX—XI вв. в Норвегии. Отличие этих крючков от крючка из Ракушечного Яра заключается в том, что основание их тупо срезано.

По поводу функционального назначения округлого отверстия высказывались различные суждения. По мнению Н. Н. Гуриной, оно служило для насадки наживки; Г. де Рохан-Чермак доказывал, что оно применялось для

¹⁶ U. T. Sirelius. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906, S. 264—265.

¹⁷ Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит і походження трипільської культури. «Палеоліт і неоліт України». Київ, 1947, стр. 350; Л. П. Хлобыстин. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, стр. 32—33.

¹⁸ J. G. Clark. The development of fishing in prehistoric Europe. «Antiquaries Journal», vol. XXVIII, 1—2, 1948, fig. 13; он же. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 53; E. Krause. Vorgeschichtliche Fischereigeräte und neuere Vergleichstücke. Berlin, 1904, S. 87, Taf. IX.

¹⁹ Ch. Rau. Prehistoric fishing in Europe and North America. Smithsonian Contribution to Knowledge, vol. XXV. Washington, 1885, p. 188.

²⁰ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, № 39, 1953, стр. 381—383.

²¹ O. Solberg. Die Eisenzeitfunde aus Ostfinnmarken. «Videnskob—Selskabets Skrifter», Hist-Filos. Kl., N 7. Kristiania, 1909.

привязывания короткого шнура от поплавка. По его мнению, подобные крючки применялись для ловли осетровых рыб²², которые водились и в реке Дон.

Находки рыболовных крючков на неолитических поселениях, как правило, единичны²³, и Ракушечный Яр не представляет исключения в этом отношении; очевидно, индивидуальный лов не получил еще широкого распространения, и преимущественно практиковались коллективные формы рыболовства.

На Ракушечном Яре найден всего один обломок костяного гарпуна, в то время как на Верхнем Дону, на Долговской стоянке, гарпуны представлены в значительном количестве.

По определению Г. Квитта, средние слои Ракушечного Яра датируются по C^{14} временем 6070 ± 100 от наших дней или 4120 лет до н. э., верхние — 4360 ± 100 , или 2410 до н. э.

²² G. de Rohan-Csermak. Sturgeon hooks of Eurasia. «Viking fund publications in anthropology», N 35, 1963, p. 80—81.

²³ В. В. Федоров. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. СА, 1937, № 3, стр. 101.

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

ПАМЯТНИКИ СЕРОГЛАЗОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(Неолит Северного Прикаспия)

Обширная территория пустынных и полупустынных районов Северного Прикаспия до последнего времени оставалась мало затронутой археологическими исследованиями. Между тем в Прикаспии они имеют особую значимость, поскольку эта область является зоной контакта европейских культур с кругом памятников Азии. В этой связи изучение неолита Прикаспия представляет один из важных аспектов проблематики неолитических культур вообще и особенно культур с микролитойной индустрией. Следует указать и на зависимость от степени изученности прикаспийского неолита решения сложных вопросов происхождения и развития производящих форм хозяйства в зоне степных и пустынных ландшафтов, а также и вопросов генезиса ряда культур эпохи энеолита—бронзы.

Начало изучению неолита Северного Прикаспия было положено П. С. Рыковым, обследовавшим в 1928—1929 гг. разветвленные стоянки на левобережье Волги и в Калмыкии¹. В дальнейшем исследование памятников неолита в этих районах производил главным образом И. В. Сеницын². В Северо-западной части Прикаспия отдельные неолитические стоянки были открыты Е. И. Крупновым³, на Ставрополье — Т. М. Минаевой⁴ и на Восточном Маныче Н. Д. Прасловым⁵.

Первое обобщение нижневолжских материалов было предпринято в 1929 году Т. М. Минаевой, высказавшей предположение о связи памятников с микролитойной индустрией с известными культурами эпохи

¹ Т. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 36, ч. 1. Саратов, 1929, стр. 29 и сл.; П. С. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье в 1929 г. «Известия Нижне-Волжского института краеведения», т. IV. Саратов, 1931, стр. 53, 59.

² И. В. Сеницын. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. «Известия Нижне-Волжского института краеведения», т. IV. Саратов, 1931; он же. Древние памятники Приморского района Калмыцкой области. Известия Нижневолжского института краеведения, т. IV; он же. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 3, 1960; он же. Археологические памятники по р. Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан). КСИИМК, XXXII, 1950; он же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 62; он же. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 147—148; он же. Археологические исследования в Западном Казахстане. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 1. Алма-Ата, 1956.

³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

⁴ Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных Землях. КСИИМК, вып. 59, 1955.

⁵ Н. Д. Праслов. Памятники каменного века Южных Ергеней. КСИИМК, вып. 126, 1971, стр. 102 и сл.

бронзы⁶. В дальнейшем это положение было принято И. В. Синицыным⁷. Позднее оно было дополнено рядом новых выводов на материалах, полученных в 40—60 годы. Последовательно в ряде работ он относит стоянки с микролитическим инвентарем к этнокультурному массиву памятников кельтеминарского типа и при этом включает нижневолжскую группу стоянок непосредственно в единый культурный комплекс с древнейшими памятниками Поволжья⁸.

В 1967 году ЛОИА АН СССР начато планомерное систематическое обследование всей территории Северного Прикаспия. За последние годы открыты сотни новых памятников различных периодов каменного века. На этом фоне более четко определилось место неолита в исторической стратиграфии Северного Прикаспия. Обследование широкой области от Маныча до Кара-Богаз-Гола позволило выявить при этом и отдельные локальные регионы неолитических памятников, связанных с определенными экологическими районами Прикаспия. Одной из крупных обособленных типологических групп памятников неолита и являются памятники сероглазовской культуры⁹.

Комплекс находок, определяющих материальную культуру этой группы, обладает рядом специфических признаков в кремневом инвентаре и керамике. Для изготовления орудий использовался кремль, изредка кварцит, в единичных случаях обсидиан. Техника пластинчатая, орудия преимущественно вкладышевые. Нуклеусы правильной круговой огранки, одноплосщадочные, пирамидальной и карандашевидной формы (рис. 1, 28—31). Набор орудий устойчив по составу и способам обработки. Большое число из них составляют скребки — все концевые на пластинах, с овальным или скошенным рабочим краем. У отдельных скребков на более длинных пластинах ретушированы и продольные боковые стороны (рис. 1, 20—25). Из крупных ребристых пластин сделаны прямолезвийные или выемчатые скребки, иногда с зеркальным расположением противоположащих лезвий на верхней и нижней половинах. Встречаются и так называемые пластины «с высокой спинкой», обработанные вкруговую крутой ретушью (рис. 1, 26, 27).

Наконечники стрел только двусторонней обработки, большинство из них небольшие, асимметрично-ромбические, с неглубокой выемкой в основании. Край пера их обработан грубоватой пильчатой ретушью. В меньшем числе встречены наконечники листовидные, с выемкой в основании и ланцетовидные с прямыми параллельными шипами, разделенные глубокой выемкой основания для насада (рис. 1, 14—19). Из небольших пластинок изготовлены проколки с удлиненным или коротким рабочим концом. Резцы встречаются редко — все они угловые на пластинах.

Большое число изделий составляют вкладыши типа пластинок «с притупленной спинкой», различные по форме. Другие представлены пластинками с притупленным краем и одним или двумя обработанными концами. Обычно широкий конец срезан прямо или косо и ретуширован с брющка, реже со спинки (рис. 1, 3, 10). Вкладыши другого типа близки по форме прямоугольнику или параллелограмму. Ретушированы они по бокам спинки или брющка, иногда с противоположащих сторон, концы их притуплены крутой ретушью (рис. 1, 1, 2).

Характерной особенностью комплекса кремневых изделий является большое число «геометрических» микролитов — трапеций и сегментов. Тра-

⁶ Т. М. Минаева. Кремневая индустрия. . .

⁷ И. В. Синицын. Кремневые орудия с донных стоянок. . .

⁸ И. В. Синицын. Изучение родового общества бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья. «Научная конференция, 1946 г. СГУ им. Н. Г. Чернышевского», серия историко-филологическая, 1947, стр. 34—35; он же. Указ. статьи в КСИИМК, вып. XXXII, XXVII, XLV; МИА, № 60, 1959, стр. 147—148.

⁹ Название «сероглазовская культура» дано в связи с первыми сборами материалов этого типа П. С. Рыковым в 1928 г. у ст. Сероглазово в Астраханской обл.

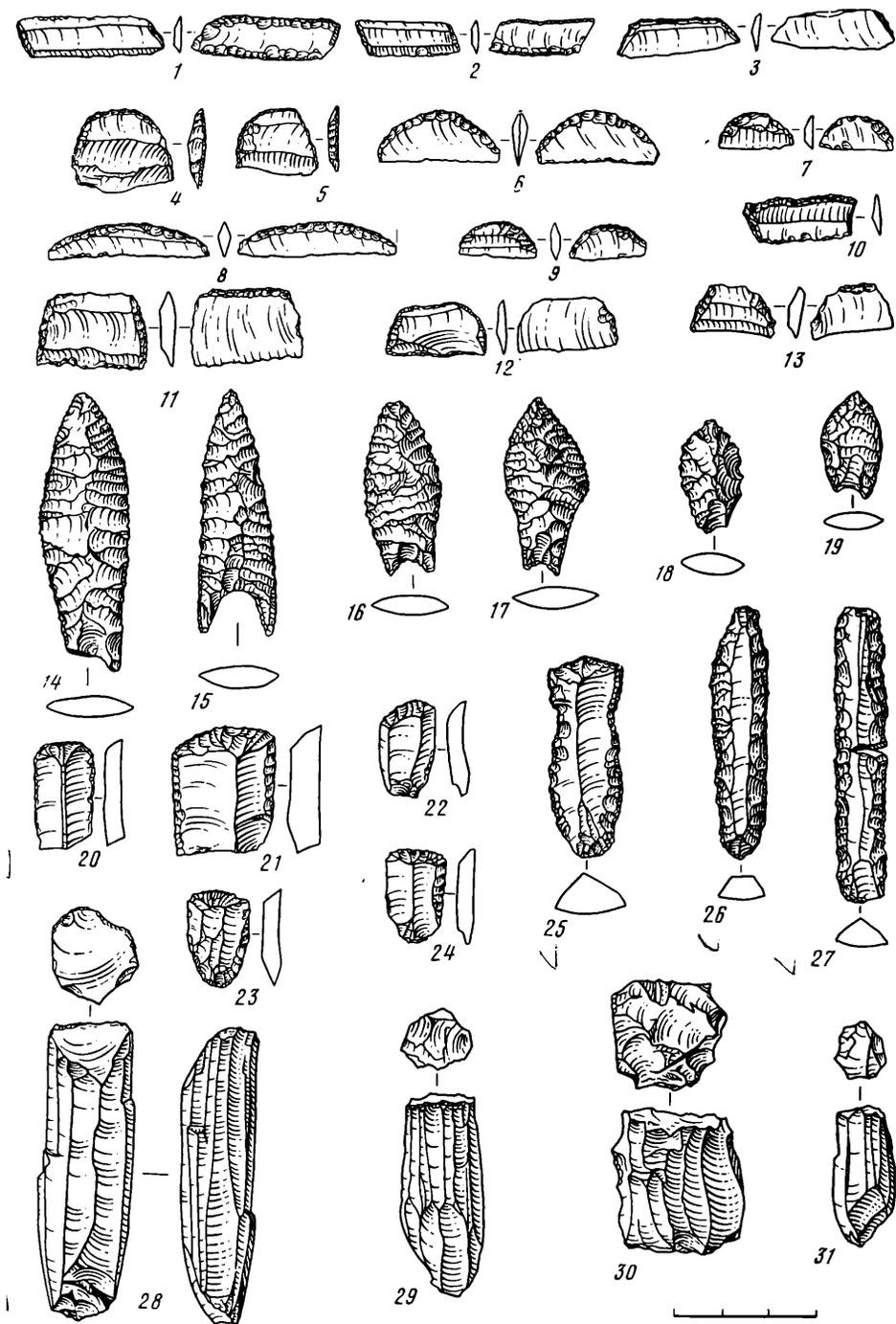

Рис. 1. Кремневый инвентарь

печей относительно меньше. Они небольшие, равносторонние, с ретушью по боковым граням. Сегментов значительно больше; обработаны они очень редким способом — двусторонней ретушью по дуге изделия (рис. 1, 4—9, 11—13).

Керамика представлена лепными горшками открытой яйцевидной формы с округло-коническими днищами. Слегка отогнутый край плавным изгибом переходит непосредственно в тулово сосуда. В качестве отощителя исполь-

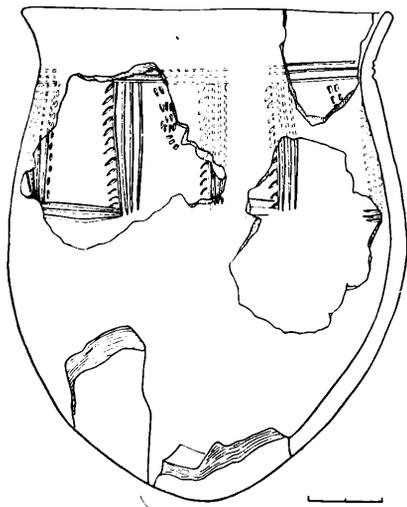

Рис. 2. Керамика сероглазовского типа

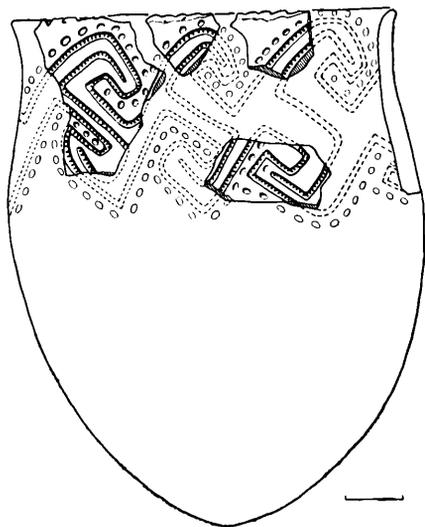

Рис. 3. Керамика сероглазовского типа

зованы толченая раковина и, в большей мере, растительная примесь; от этого черепок в изломе пористый и довольно рыхлый. Орнаментированы сосуды по верхней половине различным по композиции геометрическим узором, который нанесен прочерчиванием, наколом и приемом «отступающей лопаточки», создающим впечатление оттисков крупнозубчатого штампа (рис. 2, 3).

Взятый в целом комплекс инвентаря сероглазовской культуры не находит аналогий. Лишь отдельные предметы имеют типологические параллели в неолите Юго-Восточной Европы и в круге памятников культур кельтеминарского типа. Большинство же предметов, составляющих специфику сероглазовского вещевого комплекса, не имеет аналогий за пределами ареала сероглазовской культуры. Поэтому для выяснения направленности культурно-экономических связей этой группы населения можно использовать лишь специфические признаки отдельных находок. Так, в частности, сегменты с двусторонней ретушью по дуге изделия известны только на Нижне-Шиловской стоянке на Кавказском побережье Черного моря. Аналогичным приемом обработаны также отдельные трапеции с некоторых стоянок Кавказа¹⁰. Поскольку такой способ обработки вкладышей в неолите нигде на других территориях не применялся, возможно рассматривать кавказские аналогии как результат контакта с сероглазовскими племенами. На южную, кавказскую, направленность связей указывают и отдельные находки обсидиана в Волго-Уральском междуречье.

Связь сероглазовской культуры с соседним азиатским кругом памятников также фиксируется лишь единичными находками отдельных предметов в приконтактных районах ареала. Исследования последних лет показали, что к востоку от р. Урал, на территории Северо-Восточного Прикаспия локализуется типологически обособленная Тюлузская группа памятников¹¹. С открытием памятников тюлузской культуры стало возможным более избирательно расчленить материалы с ранее известных стоянок с каменным инвентарем (памятники западноказахстанского варианта кельте-

¹⁰ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 134 и сл.

¹¹ Кр. информацию см.: А. Н. Мелентьев. Разведка памятников древности в Западном Казахстане. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 195—196.

минарской культуры по А. А. Формозову¹² и отнести к неолиту в рамках тюлузского инвентарного комплекса лишь часть каменного инвентаря, при этом полностью исключив всю керамику, поскольку она относится к иному хронологическому периоду. Памятники тюлузской культуры составляют самостоятельный крупный регион кельтеминарской культурной провинции и являются связующим звеном между неолитом Приуралья—Приобья и собственно кельтеминарской культурой Хорезма. Существенно отметить при этом, что тюлузские и сероглазовские инвентарные комплексы контрастно отличны друг от друга по специфике техники обработки, типам и количественному соотношению орудий и изделий, по форме и орнаментации керамики¹³.

В свете этого определенное значение имеют данные о природных условиях, в которых протекало развитие обеих культур. Ареал сероглазовских памятников занимает территорию Северного Прикаспия от р. Урал до Кумо-Манычской впадины. Памятники тюлузского типа в основном концентрируются в северо-восточной части Прикаспийской низменности и отдельных районах Подуральского плато, а также в песках Сам на Устурте. Особо следует отметить, что памятники обеих культур дислоцируются в определенных локальных палеоландшафтных районах Северного Прикаспия. Наблюдения над геоморфологической позицией памятников показывают, что их топография связана с зонами реликтовой системы пресноводных водоемов озерно-лиманного типа. Природным аналогом им приближенно является современная приморская зона Северного Прикаспия, сходная по флористическим и фаунистическим характеристикам¹⁴.

В четвертичный период в Северном Прикаспии неоднократно происходили резкие смены комплексов природных условий. При этом экологическая амплитуда смен имела очень большой размах в позднечетвертичное время, что приводило к длительным перерывам в заселении этой области. Так, в частности, в Прикаспийской низменности хиатус существовал, по крайней мере, со времени нижнехвалынской трансгрессии до конца верхнехвалынского периода. Сформировавшаяся в постверхнехвалынское время экологическая ниша, в границы которой входила и северная часть современного моря, была заселена носителями сероглазовской и тюлузской культур. Отдельные новые материалы позволяют предполагать, что ранние звенья этих культур относятся к мезолитическому периоду.

Результаты палинологических исследований показывают, что ареалы обеих культур входили в Северо-Прикаспийский регион с единым комплексом природных условий¹⁵. Наши полевые наблюдения позволяют утверждать, что и в пределах этого региона носители обеих культур расселялись в сходных по экологическим характеристикам микроландшафтах. Такая избирательность продиктована, по-видимому, необходимостью заселения

¹² А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949; он же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

¹³ Основные типы орудий и керамики тюлузского инвентаря приведены в материалах со стоянки Бек-беке I. См.: Л. Я. Крижевская. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия. МИА, № 185, 1972, стр. 272 и сл.

¹⁴ А. Н. Пославский. Птицы Северного Прикаспия. Автореф. канд. дисс. Астрахань, 1965.

¹⁵ В. П. Гричук. Результаты палеоботанического изучения четвертичных отложений Северного Прикаспия. «Стратиграфия четвертичных отложений и новейшая тектоника Прикаспийской низменности». М., 1953; она же. Материалы к палеоботанической характеристике четвертичных и плиоценовых отложений северо-западной части Прикаспийской низменности. «Труды Института географии АН СССР», 1954, вып. 61; Л. Б. Аристархова, С. Н. Онищенко. Новые данные о континентальных четвертичных отложениях юга Подуральского плато. «Геоморфологический анализ при геологических исследованиях в Прикаспийской впадине». М., 1968; Т. А. Абрамова. Результаты палеоботанического исследования четвертичных отложений западного побережья Каспийского моря. «Комплексные исследования Каспийского моря», вып. 3. М., 1972.

оптимальных с точки зрения охотничьего хозяйства ландшафтов и свидетельствует о полной или значительной зависимости от наличия природных ресурсов.

В данном случае конкретизируется один из элементов этой проблемы. Продолжительное обитание в близких экологических условиях предполагает единство или тождество хозяйственно-экономических укладов, что, в свою очередь, обуславливает полную или значительную нивелировку различных сфер деятельности. Налицо близкие к идеальным условия, при которых вне зависимости от прямых контактов населения конвергентно вырабатываются однозначные или близкие по форме элементы материальной и культурной жизни. Воздействие этого фактора, естественно, должно было найти отражение в инвентаре обеих культур. В действительности же при сравнительном анализе сероглазовского и тюлузского инвентарных комплексов сходство проявляется лишь в самых общих чертах, свойственных в целом пластинчатой индустрии камня.

С учетом этих обстоятельств возможно следующее заключение. Сероглазовская и тюлузская культуры имеют различный культурный генезис и, вероятно, разное этническое происхождение. Развитие каждой из культур совершалось в традиционном направлении, и при этом типологически различные комплексы орудий труда и предметов обихода равнозначно соответствовали требованиям одинакового хозяйственно-экономического уклада. Вероятно, к моменту расселения в Северном Прикаспии обе группы населения обладали устойчивым этнографическим своеобразием, истоки которого лежат в более ранних периодах. Таковы в общих чертах некоторые предварительные итоги изучения памятников каменного века Северного Прикаспия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ВСОРГО	— Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ДСА СССР	— Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РАЖ	— Русский антропологический журнал
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТАС	— Труды археологического съезда

СОДЕРЖАНИЕ

І. Статьи

<i>Абрамова Э. А.</i> Палеолит Енисея (предварительные итоги исследований Красноярской экспедиции)	3
<i>Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.</i> О фашиальности в верхнем палеолите (по материалам Каменной Балки II)	12
<i>Тимофеев В. И.</i> К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики	18
<i>Матюшин Г. Н.</i> К вопросу о раннем неолите Урала	25
<i>Фоломеев Б. А.</i> К вопросу о памятниках «дубровичского» типа бассейна Средней Оки	33

II. Материалы

<i>Ерицян Б. Г.</i> Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт I (Армения)	42
<i>Щелинский В. Е.</i> Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье	51
<i>Сергин В. Я.</i> О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей	58
<i>Копытин В. Ф.</i> Позднемезолитическая стоянка Печенеж	63
<i>Левенок В. П.</i> Мезолитические и неолитические кремневые орудия Селецких дюн	68
<i>Долуханов П. М., Тимофеев В. И., Левковская Г. М.</i> Стоянка Цедмар D в Калининградской области	76
<i>Ошибкина С. В.</i> Неолитические стоянки запада Вологодской области	84
<i>Козырева Р. В.</i> Керамика типа сперрингс со стоянки Ильинский Остров Архангельской области	91
<i>Беляева В. И.</i> Кремневая мастерская на реке Шугур в Туве	95
<i>Ермолова Н. М.</i> Остатки млекопитающих из неолитической стоянки на р. Онон	99
<i>Дубынин А. Ф.</i> Каменные орудия Троицкого городища	103
<i>Белановская Т. Д.</i> К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону (по материалам поселения Ракушечный Яр)	107
<i>Мелентьев А. Н.</i> Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия)	112
Список сокращений	118

КАМЕННЫЙ ВЕК

Краткие сообщения Института археологии,
вып. 141

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

Редактор *Н. Л. Членова*
Редактор издательства *Н. П. Бобрин*
Художественный редактор *Н. И. Власик*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 19/ХІ 1974 г. Подписано к печати 27/ІІІ 1975 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 10,5.
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 2400. Т-06425. Тип. зак. 1646.
Цена 65 коп.

Издательство „Наука“
103717 ГСП. Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства „Наука“
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12